

Джина Фазоли Короли Италии (888–862 гг.)

Предисловие к русскому изданию

История Италии освещена в нашей стране очень неравномерно, особенно Италии средневековой. Как правило, в книгах и отечественных и переводных авторов (а переводов итальянских работ на русский язык вообще не очень много) предпочтение отдавалось периодам наиболее ярким и судьбоносным: либо поздней античности и раннему средневековью, либо эпохе Возрождения с ее «титанами». То, что оставалось посередине, часто сводилось к истории городов и торговых республик. Значительный пласт итальянской истории, таким образом, выпадал из поля зрения читателей. Книга маститого итальянского историка Джины Фазоли позволяет восполнить этот пробел. Она посвящена едва ли не самому смутному времени в истории средневековой Италии — IX–X вв., когда страну сотрясали междоусобицы, войны за земли и влияние. Такие периоды часто принято называть переломными: в Италии зарождалось то, что принято называть феодализмом.

По накалу страстей и важности происходивших событий период IX–X вв. в истории Италии не уступает всем прочим. Именно тогда, как отмечает автор, решался вопрос — как сложится судьба средневековой Италии, станет ли она независимым государством или подпадет под власть соседних держав. Положение страны на рубеже двух веков было особенно неустойчивым. Северная Италия, ранее бывшая Лангобардским королевством, с конца VIII в. стала частью обширной империи франкского государя Карла Великого. В центральной Италии зарождалось будущее Папское государство. Юг же делили между собой полунезависимые лангобардские князьки и византийцы, которые все еще надеялись когда-нибудь вернуть себе западную часть некогда великой Римской империи. В 843 г. империя Карла Великого была поделена между его внуками, и Итальянское королевство отошло к представителям старшей ветви династии Каролингов. После смерти в 875 г. последнего законного короля Италии (все еще носившего титул императора) Людовика II, а затем в 888 г. и его двоюродного брата императора Карла Толстого итальянцы решили выбрать себе королей не из династии Каролингов. Собственно, с этого времени и начинается повествование Джины Фазоли. В центре внимания автора — вереница итальянских королей, которые сменяли друг друга на троне с 888 по 962 г., роль, которую они сыграли в истории Италии. Блестящий знаток эпохи, исследователь по крупницам собрала сведения об итальянских монархах конца IX–X вв., их внешне- и внутривластной деятельности. Впрочем, автор уделяет внимание не только итальянским королям. Немало страниц она посвящает и соседям Италии — королям Бургундии, Франции и Германии, стремившимся прибрать к рукам богатое Итальянское королевство. Джина Фазоли мастерски рассказывает о драматических событиях X в., в ходе которых Италия оказалась присоединена к самому большому и могущественному государству средневекового Запада, впоследствии известного под названием Священной Римской империи.

Книга Джины Фазоли представляет собой добротное историческое повествование, цель которого — реконструировать политический ход событий, показать, как вершились судьбы Италии в IX–X вв. Надо учитывать, что историк закончила свою книгу в 1946 году, когда в послевоенной Италии проходил референдум, призванный решить, будет ли Италия монархией или республикой. Вне всякого сомнения, в эпоху сложных политических перемен Джина Фазоли хотела познакомить итальянцев с забытым отрывком из их прошлого. Хочется думать, что такое знакомство не будет лишним и для российского читателя.

Карачинский А. Ю.

В субботу, 11 ноября 887 года, на которую пришелся день св. Мартина, император Карл III приехал в старинный город Трибур, чтобы на следующий день председательствовать на имперском собрании.

Умственная и физическая дряхлость тучного императора уже давно стала для всех очевидной, и, судя по настроениям собравшихся, можно было ожидать бурных обсуждений того, что сделал или не сделал ставший предметом насмешек придворных интриганов государь^[1].

Еще до начала заседания имперского собрания стало известно, что Арнульф Каринтийский, собрав войско из жителей Каринтии и Баварии, пошел в наступление на Трибур. Эта новость не вызвала ни беспорядков, ни сопротивления: приехавшие на собрание сеньоры — миряне и духовенство — поспешили покинуть город. Одни отправились домой, чтобы оттуда следить за дальнейшим развитием событий, а другие поехали навстречу Арнульфу.

Через три дня Карл III оказался в полном одиночестве в своем императорском дворце: без свиты, с несколькими оставшимися верными слугами; не имея ни желания, ни возможности ответить на вызов мятежника.

Бунтарь был торжественно провозглашен королем Германии, а престарелому правителю, практически нищему, пришлось обратиться к нему за помощью. Арнульф великодушно откликнулся на мольбы свергнутого императора, назвавшись его наследником и преемником: но, к его глубокому разочарованию, по прошествии нескольких недель Бургундия, Италия и Франция изъявили желание иметь каждая своего короля, и огромная империя Карла Великого окончательно распалась^[2].

Избрание национальных королей по значимости оказалось равным низложению Карла III. Это событие, подготовленное крупными сеньорами империи, каждый из которых был уверен в том, что проводит собственную политику, в действительности отражало политическую и историческую реальность, превосходившие их личные стремления.

Империя Каролингов изнурила себя попытками совместить сильное централизованное руководство и национальные, региональные, локальные автономии. Конечно, в междоусобицах, которые раздирали империю весь период правления Людовика Благочестивого^[1] и закончились договором в Вердене о разделе империи на три независимых королевства, можно было различить отголосок варварских представлений о государстве как о личной вотчине суверена, делимой после его смерти между его сыновьями. Но, прежде всего, напрашивался вывод об индивидуализме, нетерпимости, о политической незрелости аристократии, неспособной понять, что общественный интерес — превыше всех частных стремлений.

На общее происхождение трех королей от Карла Великого, на право живых правителей наследовать усопшим и не оставившим наследников государям ссылались более пятидесяти лет, чтобы скрыть то, что раздел империи уже произошел. Реальное положение дел стало очевидным чуть позже, когда национальные короли один за другим последовали примеру Арнульфа, который, опираясь на свое прямое, хотя и не совсем легитимное, каролингское происхождение, намеревался объявить себя единственным наследником Карла III.

Ни одна страна больше не хотела подчиняться императору, который постоянно находится в пути из одной части своей империи в другую, который всегда, когда его присутствие особенно необходимо, слишком далеко, чтобы предпринять своевременные и решительные меры; который использует ресурсы одной области — людей и деньги — в интересах других регионов. Любой стране нужен свой король: король, который защитил бы ее от внешних врагов, который гарантировал бы порядок в ее пределах, который всегда был бы рядом, готовый помочь в нужный момент.

И все же очарование великого политического творения Карла Великого было все еще столь велико, что все новые короли охотно признали превосходство короля Германии и согласились получить у него разрешение на корону, данную им теми, кто их выбрал. Их

биографы постарались оправдать факт избрания требованиями исторического момента, отвергая любое подозрение, любой намек на измену, на предательство, и придумали воистину легендарные мотивы, преобразовавшие совершенную ими подмену свергнутого императора в доказательство их верности его воле или в акт бескорыстной преданности династии^[3].

Немцы и французы тщательно, вплоть до мельчайших деталей изучили судьбы посткаролингских королевств Германии, Франции, Бургундии: итальянцы же не обратили никакого внимания на мимолетную славу независимого королевства Италии, пренебрегли исследованием периода, когда национальная независимость могла бы окончательно окрепнуть, как это произошло в остальных странах, ранее входивших в империю Каролингов.

Тот, кто желает во всех подробностях ознакомиться с историей десяти королей, сменявших друг друга, сражавшихся, заключавших союзы на протяжении семидесяти трех лет независимости Италии, вынужден обращаться к иностранным монографиям, которые по большей части уже устарели, поскольку были написаны в то время, когда еще не вышли в свет критические издания грамот королей Италии.

Вслед за историками раннего Средневековья авторы старых монографий описывают этих королей как «быструю и неясную фантазмагорию», как лишенных индивидуальности безликих марионеток, которыми руководила безымянная толпа неугомонных, мятежных вассалов^[4].

И все же в этих хрониках, пусть даже неполных, в этих грамотах, пусть даже лишенных индивидуальности, вырисовывается образ каждого из этих королей со всеми их провинностями, ошибками, неудачами: образ, который настолько ярок, что практически обретает осязаемую структуру, очертания человеческого тела, отличные от других^[5].

Гвидо Сполетский, расчетливый авантюрист, циничный, но ловкий и даровитый, совсем не похож на Беренгария I, храброго и готового простить оскорбившего его человека, но пасующего перед людьми и обстоятельствами: так же мало похож он и на Арнульфа Каринтийского, германского императора, который появился и исчез, подобно метеору, выказав необыкновенную энергию.

Людовика Прованского, молодого и неосторожного, Рудольфа Бургундского, амбициозного и глупого, нельзя спутать ни друг с другом, ни с Гуго Вьеннским, еще более амбициозным, чем его пасынок, которому он наследовал, но оказавшимся хитрее Улисса. Тем более нельзя сравнивать Гуго с честолюбивым, но упрямым и жестоким Беренгарием Иврейским, постоянно терпевшим крах из-за случайностей, которых, не обладая политическим чутьем, он не мог ни предвидеть, ни понять.

Ламберт, Лотарь, Адальберт, три сына королей, ставших соправителями своих отцов: что у них было общего? Красивый, умный, энергичный, полный искрометного обаяния Ламберт; слабый и болезненный Лотарь; воинственный, упорный интриган Адальберт, испробовавший все пути в надежде обрести потерянное королевство.

Этих королей и императоров окружали женщины, активно вмешивавшиеся в политику: Агельтруда Сполетская, Берта Тосканская, Эрменгарда Иврейская, Мароция, дочь Феофилакта, Аделаида Бургундская.

Три поколения крупных феодалов — непокорных, строптивых, всегда готовых на новые выходки, — вершили судьбы Итальянского королевства. В толпе ясно различимы яркие персоналии епископов: это — Манассия, Адалард, Лиутпранд, Аттон Верчеллийский, Ратхерий Веронский. Выдающиеся личности Пап завершают эту картину: Формоз, Стефан VI, Сергей III, вереница Иоаннов с IX по XII.

А в глубине картины серые неясные массы горожан и крестьян начинали двигаться и защищать собственные интересы, создавать обстоятельства, с которыми будет согласовываться история.

Все эти волнения, интриги и преступления привели к единственному результату: к

вмешательству Оттона Саксонского, к возрождению Священной Римской империи и к концу той независимости, на возвращение которой Италия впоследствии потратит девять долгих и трудных веков.

Итак, в книге описана история десяти королей Италии; теперь читателю предстоит решить, удалось ли автору выразить все то, что он, на его взгляд, представил и понял, и, что самое главное, правильно ли он все это понял и представил.

Июнь 1943 г. — июнь 1946 г.

ВВЕДЕНИЕ

Итальянское королевство: территория, экономика, деревни, города, феодалы. — Маркграфства и знатные семьи .

Среди королевств, входивших в империю Каролингов, Итальянское королевство было государственной единицей, у которой наиболее точно определились границы и характерные особенности. С тех пор как Карл Великий доверил управление этим государством Пипину^[2], его границы не изменялись, и даже во время правления его преемников, добавивших к титулу короля Италии императорский титул, не произошло сколько-нибудь значительных изменений.

Итальянское королевство как таковое, по всей видимости, располагалось в границах древнего королевства лангобардов, а власть короля Италии не простиралась на папское государство. С другой стороны, правители Италии, начиная с Пипина, были не только королями Италии, но и представителями императора, либо же императорами в полном смысле этого слова, в связи с чем они могли и должны были вмешиваться во внутреннюю политику папского государства. Учитывая то, что удаленность папских земель от Рима была достаточно велика, а архиепископ Равеннский стремился к автокефалии, императоры стали особенно часто наведываться в экзархат, который в действительности уже стал частью королевства.

Герцогство Сполето, переименованное в маркграфство Сполето, связывали с королевством гораздо более прочные узы, чем те, что некогда объединяли его с лангобардским государством, а Беневенто, Салерно и Капуя, детища старинного беневентского герцогства, отныне находились в сфере византийского влияния^[1].

В отличие от заальпийских государств, где никогда не было столицы, в которой бы постоянно находились король и органы управления, столица королевства Италии даже во время владычества франков оставалась в Павии, закрепленной в этом качестве при лангобардах. После распада империи Каролингов, в мимолетный период независимости Итальянского королевства, столицу не перенесли; более того, именно в Павии вопрос о законности права на власть часто решался в пользу государя, а не ее завоевателя.

Несмотря на то что события последних лет, начиная со смерти Людовика II^[3], весьма пагубно повлияли на стабильность государственного строя, первым королям Италии достались в наследство еще действующие указы и учреждения, своими корнями уходившие во времена гораздо более древние, чем период правления Каролингов, в лангобардскую или даже в готскую эпоху^[2].

Благодаря долголетию миру в Итальянском королевстве царил некое подобие благополучия.

Сразу же после лангобардского нашествия государство, безусловно, вступило в нелегкий период своего существования; понесла глубокий урон социально-экономическая структура страны, еще не оправившаяся от ущерба, нанесенного готской войной^[4]. Но с течением времени жизнь вошла в свою колею: когда стабилизировались границы и наладились отношения с византийцами и франками, прекратились набеги аваров, которые к тому же ограничивались попытками проникнуть лишь на крайнюю восточную оконечность страны. Начиная с середины VII века многие секторы итальянской экономики возобновили

свою деятельность, чему, несмотря на давность лет, можно найти подтверждение в сохранившихся документах.

Деревни вновь заселялись, леса и невозделанные участки земли стали уступать свое место пашням. Торговля вновь ожила, а вместе с ней стали возрождаться ремесла в городах и деревнях.

Вторжение франков в небольшую стратегически важную зону не несло с собой разруху и запустение, следовательно, не могло подвергнуть риску благополучие королевства, а войны, в которых Каролинги боролись за наследство Карла Великого, проходили за пределами Италии. Франкская администрация пришла на смену лангобардской, оставив без изменений и усложнений налоговую систему: франкских, бургундских, баварских сеньоров, попавших в Италию в свите многочисленных правителей из династии Каролингов, одарили землями, владениями, феодами, что, возможно, нанесло ущерб интересам лангобардских аристократов, но отнюдь не повредило большинству населения, которое спокойно продолжило заниматься своими делами.

Из-за незнания даже самых элементарных законов экономики правители не заботились о принятии мер, необходимых для развития сельского хозяйства, ремесленного производства, торговли в стране, а также не предупреждали спонтанные действия отдельных личностей.

Безусловно, серьезным препятствием на пути экономического развития была недостаточная безопасность в государстве: издавшим массу постановлений Каролингам все же так и не удалось установить общественный порядок. Злоупотребления, превышение полномочий, несправедливые поступки со стороны феодалов и королевских чиновников были отнюдь не редки; случаи грабежа и насилия, совершенных малолетними преступниками, — еще более частыми. Но, к счастью, проходимцев всегда меньше, нежели благородных людей, которые, несмотря на страх и нужду, продолжают самоотверженно трудиться, чтобы обеспечить себе и своим семьям средства к существованию; чем, даже не предполагая того, служат интересам общества.

Трудности, с которыми — в конце IX века — приходилось бороться, все же были столь многочисленными, что многие добровольно отказывались от личной свободы для того, чтобы оказаться под защитой какой-нибудь могущественной персоны. Количество вариантов подчинения среди представителей низших социальных слоев в то время постоянно увеличивалось, и все это делалось с единой целью: иметь возможность работать в относительной безопасности.

В сельской местности возникло множество новых деревень, их жители стали осваивать новые земли. Города вышли из периода глубокой депрессии, вновь возвели крепостные стены и понемногу возвращались к жизни, хотя сохраняли практически сельский облик, поскольку участки возделанной или даже нетронутой земли чередовались в них с построенными из простых, порой из простейших, материалов домами вокруг того или иного памятника древнеримской эпохи.

Некоторые города украсились новыми постройками. Жители Павии помимо королевского дворца могли гордиться также крепостными стенами и церквями в количестве сорока четырех. В Милане к старинным памятникам римской эпохи прибавились восхитительные церкви, такие, как церковь св. Лаврентия, построенная из дорогих пород камня и увенчанная золотым куполом. Верона могла похвастаться крепостной стеной с сорока восемью башнями, мраморными мостами, двумя замками.

Вне городских стен уже выросли маленькие поселки, и по обе стороны крепостных укреплений кипела работа ремесленников и торговцев, старавшихся удовлетворить все основные потребности городского и сельского населения, а также стремление знати к роскоши и блеску, которыми она так любила себя окружать.

Сложно сказать, чем ограничивались в своих требованиях низшие сословия; что же до знатных людей, известно, что их дома были украшены коврами, их инкрустированные драгоценными камнями кровати устилали вышитые покрывала, их обеденные столы

украшала дорогая посуда. Их шелковые одежды были расшиты золотом, парчовые мантии подбиты мехом, чеканные ожерелья, перстни, пояса, браслеты, мечи, шпоры усыпаны драгоценными камнями. Столь же ценными были и предметы домашнего обихода, которые верующие приносили в дар церквям^[3].

Искусство в том смысле, который придал бы этому понятию грек времени Перикла или римлянин эпохи Августа, — возможно, имело мало общего с этой выставкой сокровищ. Однако нельзя назвать варварским и непросвещенным общество, которое могло рождать литературные тексты, подобные песням моденской школы, веронезским ритмам, поэме в честь Беренгария. С другой стороны, не стоит извращать, как это делают моралисты и проповедники, значение и цель всего этого драгоценного великолепия: в отличие от сеньоров и купцов Возрождения, средневековая знать украшала себя и свой дом драгоценными украшениями и утварью лишь потому, что это был наиболее простой и практичный метод создания запаса ценного материала, который можно было бы впоследствии использовать в случае необходимости.

Уместность подобных мер предосторожности должна была показаться очевидной прежде всего знатым людям, которые, в отличие от итальянских сеньоров, не были рождены в этой стране, а были переселены в нее как господа и управители. Итальянские феодалы имели баварское, бургундское, рипуарское, салическое происхождение. Они постоянно контактировали со своими родными племенами, которые обитали в старинных селениях в долинах Мааса, Мозеля, Рейна, Дуная. Кроме того, высшее духовенство также по большей части состояло из чужестранцев, а мелкая знать была родом из заальпийских земель.

Никто пока не укоренился в Италии, никто еще не начал связывать свою счастливую или злую судьбу со страной, в которой жил; поэтому, как только представлялась такая возможность, каждый охотно отправлялся по ту сторону Альп. Этим объясняется, почему итальянские — лишь по названию — феодалы возвращались к своим королям в заальпийские земли, откуда они были родом — и о чем они никогда не забывали. Кроме того, становится понятно, почему эти феодалы оказывались способны только на кровопролитие во время междоусобных войн и не были в состоянии защитить государство, пребывание в котором они не переставали считать временным^[4]. Города и укрепленные деревни смогли бы обороняться самостоятельно. Горожане никогда, даже в самые тяжелые годы лангобардского владычества, не теряли права на участие в управлении городскими делами. Они любили то место, где родились они сами, их дети, где должны были родиться их внуки, и эта слепая собственническая любовь сделала их способными на самопожертвование и на героические поступки, недоступные пониманию знати.

В среде феодалов конца IX века некоторые семьи выделялись особой знатностью, как, например, Бернардины, потомки Бернарда, короля Италии и племянника Карла Великого^[5]. Некоторые другие семьи примечательны в силу той роли, которую они сыграли в произошедших чуть позже немаловажных событиях, например, Манфреды, переехавшие в Италию во время правления Карла Лысого вместе с герцогом Бозоном, жена которого была их родственницей^[6]. Род Ардуинов появился в Италии недавно и еще не был особенно влиятельным^[7]. Знатные семьи, члены которых чуть позже станут творить историю Северной Италии — Аттоны, Алерамы, Отберты, — еще не совершили своего выхода на сцену, где уже не одно поколение блистали многочисленные Суппоницы.

Суппон I, родоначальник этого семейства, франк по происхождению, в 814 году был назначен на высокую должность графа дворца. В 817–822 годах он — граф Брешианский, в 822–824 годах — герцог Сполето. Его потомки осели в Сполето, Парме, Бергамо, Брешии, Пьяченце, Реджо. Семья его была настолько влиятельной и авторитетной, что Людовик II предпочел жениться на женщине из этого рода — Ангельберге, — нежели на византийской принцессе.

Семейный союз Ангельберги с императором серьезно повлиял на рост благосостояния

Суппонидов, и некоторые авторы полагают, что им было пожаловано ломбардо-эмилианское маркграфство^[8].

Система деления на графства, которую Каролинги ввели в завоеванном Лангобардском королевстве, в свою очередь, преобразилась в систему более крупных территориальных единиц, которые включали в себя несколько графств: в систему маркграфств.

Само понятие «маркграфств», их количество, происхождение, функционирование — одна из наиболее спорных тем в итальянской истории. Не все ученые соглашались с фактом существования северного, или ломбардо-эмилианского маркграфства, которое включало в себя графства Бергамо, Брешия, Парма, Пьяченца, Аучия, Кремона, Мантуя, Реджо и являлось оборонительным рубежом на пути через Альпы в Ломбардию. Однако все сходятся на том, что три старинных маркграфства: Сполето, Тоскана и Фриули — и чуть позже Иврея — выполняли, как и германские маркграфства, оборонительную функцию. Фриули защищал восточную границу Италии от славян, Тоскана должна была стать препятствием на пути сарацинской атаки с Тирренского моря, Сполето должен был оборонять государство от сарацин и византийцев. Впрочем, эти маркграфства имели ярко выраженный региональный характер, тесно связанный с укоренившейся римской провинциальной традицией. Таким образом, они становились больше похожи не на франкские маркграфства, состоявшие из одного, хотя и протяженного, графства, а на немецкие герцогства: и первые, и последние были не только единицами политического деления, но и, прежде всего, географическими округами^[9].

Являясь по сути своей регионами, маркграфства были весьма органичными и компактными образованиями. Маркграфы крепко держали бразды правления в своих руках, что давало им возможность безнаказанно бросать вызов королям и императорам, выбирать наследников короны и самим претендовать на нее. В свете постоянного роста влияния маркграфств значимость графов уменьшалась день ото дня. Во время смуты последних лет многие графства остались без хозяина, и столь же многие епископы автоматически превратились в представителей и защитников городов, в которых они жили, а деревенская округа оставалась предоставленной заботам мелких сеньоров, не имевших практически никакого веса в обществе именно в силу своего не слишком знатного происхождения.

С момента кончины Людовика II и вплоть до потери Итальянским королевством независимости вершителями политической судьбы Италии попеременно были маркграфы Фриули, Сполето, Тосканы, Ивреи вкупе с оставшимися в живых графами, епископами, архиепископами — прежде всего, миланскими. Только они на королевской ассамблее могли громко заявить о своих требованиях. Что же касается городов, то именитые граждане, которые регулярно и осознанно использовали свое право выносить постановления по сугубо муниципальным вопросам, порой оказывали влияние на политический курс государства, проводя различные локальные акции, но они были не в состоянии наладить и стабилизировать ход итальянской политической жизни^[10].

Самое старинное из трех маркграфств — Фриули — по площади было несколько больше прежнего одноименного герцогства, поскольку простиралось вплоть до Истрии, на востоке включало в себя часть Карниолы, на западе доходило до Адды, а на севере — до Тренто^[11]. В 828 году или немного позже Людовик Благочестивый передал его во владение Эверарду, влиятельному франкскому сеньору.

Эверард был отважным воином, сражался со славянами и сарацинами, но до нашего времени дошло больше сведений о его личной жизни, нежели о его ратных подвигах. Эверард, знатный и необыкновенно богатый сеньор, переехав в Италию, не порвал отношения с родной страной, сохранил и передал сыновьям принадлежавшие ему в областях Мааса и Швабии земли. Он взял в жены младшую дочь Людовика Благочестивого Гизелу. У них было девять детей, и, если судить по тем словам, с которыми овдовевшая Гизела обращалась к памяти супруга, их союз был проникнут искренней нежностью^[12].

Будучи глубоко религиозным человеком, Эверард основал несколько церквей и монастырей в родных землях. Особенное внимание он уделял аббатству Сизоен, где впоследствии был погребен и почитаем как святой^[13]. Кроме того, Эверард был очень образованным человеком или, по крайней мере, интересовался культурой: он поддерживал отношения с учеными людьми своего времени — Рабаном Майнцским, Артгарием Льежским, Гинкмаром Реймским, — а Седулий Скот посвятил ему некоторые из своих наиболее удачных поэтических сочинений. Но, прежде всего, Эверард известен благодаря своей богатейшей библиотеке, которую в своем завещании разделил между сыновьями.

Безусловно, он был не единственным мирянином, который владел собственной библиотекой в ту эпоху. К сожалению, до наших дней дошел лишь каталог этой библиотеки. Она насчитывала довольно большое количество церковных книг, но рядом с этими книгами, а также грамматическими сочинениями и глоссариями можно было обнаружить собрание франкских, рипуарских, лангобардских, аламанных, баварских правд, трактатов по военному искусству, собрание *constitutiones principum* (государственных постановлений), а также сборник императорских указов; компиляцию из *Gesta Pontificum* (Деяния понтификов) и из *Gesta Francorum* (Деяния франков). К этим книгам маркграф Эверард постоянно обращался; он высоко ценил их практическое значение и передал их своему первенцу и наследнику Унроху. Ему же он оставил парадные одежды, расшитые золотом, меч, пояс и инкрустированные драгоценными камнями золотые шпоры.

Эверард умер между 864 и 866 годом. Ему наследовал его первенец Унрох, а его второй сын, Беренгарий, отправился во Францию, чтобы вступить в права владения частью оставленного ему отцовского достояния. Помимо маркграфства Фриули Унрох унаследовал земли в Италии. Как и отец, он пользовался благосклонностью Людовика II, доблестно сражался с сарацинами на юге Италии, но очень скоро скончался (874 или 875 г.), и, поскольку от его брака с Авой, дочерью Лиутфрида из Тренто, родилась только одна дочь, маркграфство перешло к Беренгарию, к тому времени вернувшемуся в Италию.

Беренгарий, по всей видимости, родился между 850 и 855 годом, если в 878 году Иоанн VIII повествовал о его цветущей молодости^[14]. Выросший в доме Эверарда и Гизелы, образованных и культурных аристократов, которые дружили с людьми еще более высококультурными, Беренгарий не должен был вырасти неотесанным невеждой. По всей видимости, ему по наследству достались дружеские связи его отца в литературной среде, и через некоторое время нашелся поэт, воспевавший его деяния в отнюдь не грубых стихах. На политической арене Беренгарий дебютировал, заключив блистательный брачный союз: после возвращения из Франции или, самое позднее, в момент вступления в права обладания маркграфством Фриули он женился на Бертилле, дочери графа Суппона.

Унрохи и Суппонида уже были родственниками; новый союз укрепил связи между двумя знатными семьями и увеличил их влияние^[15].

Вскоре после того, как новый маркграф принял в свои руки бразды правления, император Людовик II умер, не оставив наследника (875 г.). Поиски преемника высшей знатью королевства привели к расколу, который губительно повлиял на политическую ситуацию в Италии.

Часть знати ориентировалась на Иоанна VIII, который от имени папства предложил признать право Каролингов из Франции наследовать Людовику II. Другие последовали за императрицей Ангельбергой, продолжательницей политики мужа, который приветствовал идею наследования престола Каролингами из Германии. Обе стороны не видели возможности прийти к единому решению.

В дальнейшем, во время военных и политических событий, которые повлекла за собой раздвоенность позиции итальянской знати, Беренгарий встал на сторону прогерманской партии и превратился в ее наиболее яркого представителя.

У Беренгария было несколько поводов для благосклонности к Каролингам из Германии: прежде всего, традиционная преданность его рода Людовику II, который предоставил Ангельберге позаботиться о том, чтобы на трон взойшел кто-нибудь из

германских Каролингов. Местоположение маркграфства Фриули, граничащего с Германским королевством на севере и северо-востоке, заставило его установить с германской правящей династией более тесные личные отношения, нежели с королями Франции. Ведь было весьма целесообразным поддерживать дружбу с ближайшим соседом, который смог бы с легкостью отреагировать на враждебность маркграфа Фриули.

Превосходство оказалось на стороне короля Франции Карла Лысого, а Беренгарий сформировал оппозицию, хотя это стоило ему потери Вероны и Тренто. Их забрал в свои владения император, пожелавший взять под свой контроль путь, которым могли воспользоваться противники из Германии. На стороне Беренгария были графы и епископы маркграфства, которые не присутствовали ни на ассамблее 876 года в Павии, где Карл Лысый был избран королем Италии, ни на Соборе в Равенне год спустя, а также продемонстрировали, что не намеревались принимать участие и в заседаниях Собора, задуманном Иоанном VIII после смерти Карла Лысого (877 г.), на котором Папа хотел провозгласить императором Бозона^[16].

Беренгарий до конца оставался в оппозиции Карлу Лысому, но сумел сохранить ровные отношения с Иоанном VIII, что давало Папе возможность обращаться к нему в случае необходимости^[17]. К моменту, когда в Италию приехал Карл Швабский, маркграф Фриули был самой значительной фигурой королевства. Он присутствовал на заседаниях Собора в Равенне в конце 880 года, в феврале 881 года последовал за Карлом в Рим на императорскую коронацию, а в марте в Павии оказался в качестве одного из советников императора. О том, что именно Беренгарий получил в награду за свою безграничную преданность, история умалчивает^[18].

Маркграфство Тосканское должно было оборонять королевство от набегов сарацин. Правящее в нем семейство было баварского происхождения; в 812 году оно получило Лукку, позже расширило свои владения, и при жизни Адальберта I, в 847 году, они включали в себя всю Тоскану, Лигурию и Корсику. Помимо маркграфства Адальберт I передал в наследство своему сыну Адальберту II несметные богатства, находившиеся в Италии и Провансе. Адальберта II прозвали Богатым, ибо его двор по роскоши и пышности не уступал королевскому.

Адальберт I женился на Рихильде (или Ротильде), сестре герцога Ламберта Сполетского, и пошел по стопам своего неугомонного шурина. При всем богатстве и могуществе Адальберту I — а вслед за ним и Адальберту II — никогда не удавалось придерживаться собственного, независимого политического курса, поскольку он всегда подпадал под влияние человека с более сильным, чем у него, характером^[19].

Маркграфство Сполето, задачей которого было охранять государственные границы Италии от проникновения сарацин и византийцев, простиралось на большую часть Умбрии и Аbruццо, доходя до самого моря в области, сохранившей до наших дней название Марке.

Члены семьи, получившей этот феод в 842 году, считали, что их родоначальниками были древние франкские короли, и особенно гордились своим предком, св. Лидвином Трирским; правда, ни одна из переселившихся в Италию феодальных династий не могла соревноваться с ними в энергии, наглости и самоуправстве.

Политические амбиции сполетцев не распространялись на Северную Италию, они ориентировались на Тоскану, Рим, на южные княжества. Обзаведясь родственными связями, они вторглись на эти территории с оружием и захватили несколько городов.

Император выбрал герцога Сполето своим представителем в папском окружении в Риме, чтобы он от его лица оказывал Папе поддержку, охраняя при этом интересы империи, однако сполетцы жестоко злоупотребили своим положением. В 867 году Ламберт вошел в Рим «подобно тирану», где грабил и опустошал церкви и монастыри, приказывал привозить себе на потеху девушек благородного происхождения. Все это делалось под предлогом защиты императорских прав и прерогатив, которые не были учтены при выборе и

посвящении в сан Папы Адриана II. Императору Людовику II отнюдь не понравилось подобное усердие, поэтому он повелел лишить герцога Сполето его феодалов. Впрочем, не имея возможности привести этот приговор в исполнение, император был вынужден великодушно простить преступника, который четыре года спустя принял участие в восстании правителей княжеств Южной Италии и пленении императора.

У Ламберта во второй раз конфисковали земли и имущество, но ему удалось избежать мести Людовику II и вернуться в маркграфство; более того, Карл Лысый вновь препоручил Иоанна VIII именно его заботам с тем, чтобы Ламберт помог ему осуществить план по созданию союза центральных и южных итальянских областей, направленного против сарацин.

Военно-политическое могущество Папы Римского в южных землях никоим образом не вписывалось в планы сполетцев, и Ламберт сделал все возможное и невозможное, чтобы провалить реализацию этого плана. Когда Карл Лысый умер, Ламберт вознамерился отправиться в Рим и потребовать у римского народа заложников. Возмущение Иоанна VIII остудило его пыл, но через некоторое время ему вновь представилась прекрасная возможность вмешаться в дела Рима.

В 877–878 годах Ламберт оказывал личную поддержку некоторым папским чиновникам, личным врагам Иоанна VIII, которые бежали из Рима. Он вступил с Папой в переписку, которая не дала никакого практического результата, и воспринял неуступчивость Папы как повод для новой агрессии.

Вместе с Адальбертом I Тосканским Ламберт в конце марта 878 года пошел в атаку на Рим. Они устроили настоящее побоище, заставили Папу провести тридцать дней в осаждаемом городе Льва и, ища оправдания для этого разбоя, потребовали, чтобы римляне поклялись в верности Карломану^[51], который на тот момент казался лучшим кандидатом на императорский престол. Римляне поклялись, но Папа не сдался. Когда нападавшие покинули пределы города, Иоанн VIII отлучил их от Церкви, заявил властям предержащим о лишениях и насилии, которым он подвергся, и обнародовал свое мнение об истинных намерениях Ламберта: завладеть королевской и императорской коронами.

Ламберт умер отлученным от Церкви в 879 году; его сын и наследник Гвидо, о котором в хрониках не говорится ни плохо, ни хорошо, умер в 882 году, оставив маркграфство Франции своему дяде, носившему то же имя — Гвидо^[20].

Гвидо управлял герцогством Камерино, которое в какой-то момент по не вполне ясным причинам отделилось от герцогства Сполето: в любом случае, Гвидо объединил эти территории и продолжил борьбу с понтификом в лучших традициях своих предшественников. Он отказался вернуть земли, узурпированные его братом, и вступил в союз с Константинополем, откуда получил денежные субсидии. Карл III, не без оснований считавший Гвидо изменником, взял его под стражу, но тому удалось бежать и найти временное пристанище, после чего он объединился с сарацинами. Императору ничего не оставалось, кроме как объявить его вне закона, лишить всех владений и приказать своему верноподданному, маркграфу Фриули, схватить бунтаря.

Впервые два маркграфа очутились по разные стороны баррикад.

В свое время Иоанн VIII уже обращался к Беренгарию с просьбой убедить Карломана в необходимости обуздать Ламберта Сполетского, а преданность Беренгария Папе и германским Каролингам вполне объясняет уверенность Иоанна VIII в том, что именно он сможет довести это дело до победного конца.

Начало кампании было весьма удачным, но поразившая войско Беренгария эпидемия заставила его отступить. Гвидо отсиделся в своем маркграфстве и два года спустя отправился в Павию, на королевскую ассамблею. На ней Гвидо, произнеся клятву, снял с себя обвинение в государственной измене и в предательстве. Карл III вернул ему и его сообщникам свое благоволение, а также отменил указ о конфискации их имущества^[21].

После этого отношения Гвидо с папским престолом кардинально изменились. Злейший враг Иоанна VIII, Гвидо стал самым верным союзником нового Папы, Стефана V, который

даже говорил, что усыновил бы его, если бы мог.

От такого поворота во взаимоотношениях обе стороны ждали очень многого: хотя Стефан V отнюдь не обольщался насчет своего «единственного возлюбленного сына», помня о его безудержном честолюбии, недобросовестности, любви к интригам; но он понимал, что тот был в состоянии разгромить войско сарацин, и тешил себя мыслью о том, что в дальнейшем Гвидо сможет стать серьезным соперником для византийцев, которые после кончины Людовика II добились впечатляющих успехов в южных районах Италии. Гвидо слишком долго пристально следил за всеми неурядицами, ссорами и стычками, которые происходили в южных лангобардских княжествах, и не мог внезапно потерять к ним всякий интерес; поэтому Стефан V надеялся, что со временем сможет полностью контролировать его поступки.

Что же до Гвидо, он, по всей видимости, догадывался о дальнейшем развитии событий: о закате славы Карла III и выборах короля, которые должны были проводиться среди крупнейших феодалов империи, поскольку представителями великой династии Каролингов в тот момент были лишь младенцы и бастарды.

Претендент, добившийся благосклонности Папы, в такой ситуации заметно выигрывал на фоне других, и Гвидо сделал все возможное и невозможное, чтобы стать фаворитом: сражался с сарацинами в 885 году, храбро атаковал Беневенто, Капую и любыми способами избегал трений с понтификом^[22].

I. ОТ ИЗБРАНИЯ БЕРЕНГАРИЯ ДО КОНЧИНЫ ГВИДО

Папский престол и вопрос о наследнике Карла III. — Избрание Беренгария. — Франкская авантюра Гвидо. — Выборы короля и посвящение Гвидо в императоры. — Присвоение Ламберту королевского и императорского титулов. — Германское вторжение. — Поход Цветибольда, первый поход Арнульфа и взятие Бергамо. — Смерть Гвидо.

Поиск преемника Людовика II в свое время доставил массу хлопот Папе Иоанну VIII, а новый глава папского престола демонстрировал странное безразличие к судьбе короны Карла III. Казалось, что он смирился с неизбежностью распада империи за отсутствием императора, который смог бы защитить ее от множества внешних врагов, но эта видимость, как выяснилось позднее, была обманчивой^[1].

В 887 году на право наследовать Карлу III могли претендовать два законнорожденных Каролинга и два бастарда, однако первому законнорожденному Каролингу, Карлу Простоватому, сыну Людовика Заики, было всего восемь лет. Второй, Людовик, сын Бозона Прованского и дочери Людовика II Эрменгарды, был одного возраста с Карлом Простоватым, если не моложе. Карломан оставил после себя внебрачного сына, Арнульфа Каринтийского. У Карла III был бастард по имени Бернанд, но император отошел от дел, не успев назначить его своим наследником.

Если бы Стефан V, подобно Иоанну VIII, хотел выбрать будущего императора для всего христианского мира, он не смог бы найти кандидатуры лучше Арнульфа. Арнульф был внебрачным сыном Карломана, но уже взрослым, поскольку родился между 845 и 850 годом; кроме того, он сочетал в себе прекрасные внешние данные и незаурядные моральные качества. Однако, став королем Германии в ноябре 887 года, Арнульф не сразу заявил претензии на императорский венец: объезжая вдоль и поперек свое королевство, он потерял уйму времени, за которое остальные страны успели выбрать своих королей^[2].

По всей видимости, глава папского престола положительно отнесся к идее разрешения династического кризиса силами одной страны.

В Италии претендентами на императорский венец могли стать три человека: Гвидо Сполетский, Адальберт Тосканский и Беренгарий Фриульский. Стефан V заявил, что считает Гвидо «своим единственным возлюбленным сыном», практически повторив слова, сказанные Иоанном VIII о Бозоне. Но если Иоанн VIII в свое время со всей очевидностью собирался

поддержать кандидатуру Бозона, то Стефан V вряд ли хотел собственными руками создать ту геополитическую ситуацию, с которой ему уже приходилось бороться. Невозможно представить себе, что он желал видеть своего и без того слишком могущественного соседа из Сполето королем и императором.

Впрочем, Гвидо так и не предложил свою кандидатуру, поскольку был ослеплен сиянием, затмевавшим блеск итальянской короны: сиянием короны Франции.

Адальберт Тосканский и не пытался вмешаться в ситуацию. Его современники были настолько уверены в том, что он не примет участия в выборах, что даже не пробовали найти этому хоть какое-то объяснение. В их понимании маркграф Тосканы стоял на ступень ниже маркграфа Фриули, который, соответственно, остался единственным кандидатом.

Беренгарий, маркграф Фриули, всегда выказывал уважение по отношению к Церкви. По рассказам, он совершил лишь одно злодеяние, жестоко отомстив за нанесенное ему оскорбление — похищение его племянницы. Лиутард, епископ Верчелли и архиканцлер Карла III, осмелился выкрасть из монастыря св. Юлии Брешианской племянницу Беренгария, чтобы отдать ее в жены своему родственнику. Новоявленный супруг при таинственных обстоятельствах умер, так и не притронувшись к девушке, которая вернулась в свой монастырь, а Беренгарий стал мстить обидчику. Епископский дворец в Верчелли подвергся осаде и разграблению, но Лиутарду удалось скрыться; позже враги примирились, причем с нравственной стороны Беренгарий только выиграл.

Хотя могущество Карла III было в прошлом, Беренгарий все еще оставался признанным лидером прогерманской партии. Он был в прекрасных отношениях с императором; мог похвастаться тем, что его мать была дочерью императора Людовика Благочестивого. За неимением иных предпочтений, глава папского престола решил пустить все на самотек, и Беренгария избрали королем Италии.

Претензии Гвидо на корону Франции показались современникам не очень вразумительным объяснением тому, что он не стал состязаться с Беренгарием. Поговаривали о давно заключенном между ними недвусмысленном договоре: один должен был выдвинуть свою кандидатуру во Франции, другой — в Италии^[3]. Современные исследователи, рассуждая о правдоподобности этого договора, пришли, чего и следовало ожидать, к противоположному выводу. В этой связи необходимо упомянуть следующее: в действительности, пока шли переговоры между Беренгарием и итальянскими магнатами, в результате которых в период с 30 декабря 887-го по 6 декабря 888 года он был избран итальянским королем, Гвидо должен был встретиться с бургундскими грандами, мечтавшими видеть на троне Франции своего ставленника. Вполне возможно, что одновременно с этими встречами проходили также переговоры между Беренгарием и Гвидо, поскольку первый, скорее всего, предпочел бы услатить подальше своего соперника, а второго более всего занимала проблема привлечения на свою сторону Унрохов с их вассалами в Северной Франции и во Фландрии. Результатом этих переговоров явилось, в частности, то, что Рудольф, аббат монастыря св. Бертина и брат Беренгария, встал на сторону Гвидо^[4].

Франция, как и Германия, нуждалась в короле, который смог бы защитить страну от норманнов. Поскольку при этих обстоятельствах последний малолетний Каролинг не мог претендовать на корону, самой подходящей кандидатурой оказался граф Эд Парижский, который ранее проявил редкостное мужество, защищая город от кровожадных викингов. Впрочем, знатные избиратели никак не могли единогласно остановить свой выбор на этом имени, и образовавшаяся в Бургундии группа оппозиции под руководством архиепископа Фулька Реймского выбрала Гвидо Сполетского, чтобы на выборах противопоставить его Эду. Причиной этого выбора послужило лишь родство маркграфа с могущественным архиепископом и, возможно, с еще какими-то членами этой группы. К Эду архиепископ Фульк относился враждебно, поскольку граф всегда не слишком уважительно обращался с Церковью, а Гвидо выбрал, руководствуясь личными интересами и амбициями. Вполне понятно, на какое высокое моральное и политическое положение Фульк как человек и

государственный деятель мог бы рассчитывать, если бы ему удалось сделать своего родственника королем Франции^[5].

Тем временем переговоры об избрании Беренгария шли своим ходом. Неизвестный поэт хотел бы убедить нас в том, что Карл III на смертном одре назначил Беренгария своим преемником, но до своего низложения Карл думал лишь о том, как сохранить трон для своего внебрачного сына, а после низложения императора никому не пришло бы в голову спрашивать его мнения. В любом случае одного слова Карла III не было достаточно, и неизвестный поэт, понимая это, решил заставить нас поверить в то, что целая делегация итальянских сеньоров отправилась к Беренгарию, чтобы предложить ему корону. И, якобы уступив их настойчивым мольбам, Беренгарий поехал в Павию, где его с соблюдением всех формальностей избрали и короновали^[6].

Знатным сеньорам нужно было найти подходящего короля; однако Беренгарий и сам мечтал стать королем. Неизвестный поэт не упоминает о его сомнениях, о страхах, которые преследовали его во время этой скоротечной избирательной кампании, о встречах и переговорах с его главными сподвижниками и с его злейшими врагами. Поэт упускает из виду обещания и завуалированные угрозы, к которым Беренгарий прибегал так же, как это делали все, кто намеревался вскарабкаться вверх по ступенькам трона^[7].

Этот сочинитель даже не описал церемонию королевской коронации Беренгария: он хранил свое вдохновение, свои лучшие строки для рассказа об императорской коронации. В поэме предполагалось прославление именно второго грандиозного события, поэтому не стоит удивляться тому, что первому поэт посвятил единственный стих:

Затем он получил корону и королевские регалии.

(Gesta Berengarii, I, 59)

Церемония должна была проходить согласно правилам, которые уже вошли в обычай и получили одобрение церковников. Коронация была не только более или менее ярким зрелищем: разные ее этапы имели конкретное религиозное и юридическое значение, весьма существенное и даже мистическое. Производившееся в определенный момент миропомазание придавало фигуре государя практически священный характер и, следовательно, связывало его с вечностью.

Церемония коронации итальянских правителей не описывается ни в одном документе, но, учитывая консерватизм Церкви в отношении церемониала, вполне допустимо отнести ко времени правления королей Италии гораздо более поздние сведения, а также описать в контексте наших реалий особенности, характерные для церемонии избрания франкских королей. Итак, церемония проходила примерно следующим образом. До начала самого обряда будущий государь торжественно обещал своим подданным выполнять обязанности христианского короля. Затем епископы передавали ему прошение об отдельном подтверждении всех привилегий Церкви и духовенства, и государь давал им формальное обещание. За этим следовало пение литаний, после чего государь получал Святое помазание на запястья и виски. Начиналась месса; и после того, как один за другим прочитывались полагавшиеся псалмы, ведущий церемонию подпоясывал короля мечом, возлагал ему на голову корону, вручал ему скипетр, произнося при этом соответствующие случаю молитвы и благословение. Затем король восходил на трон, и народ приветствовал его. Продолжалась месса, и после чтения Евангелия новоявленный король давал ведущему церемонию несколько золотых монет^[8].

Здесь должен возникнуть вопрос о том, венчали ли короля легендарной железной короной лангобардских государей. Вопрос сложный, поскольку история железной короны — по слухам столь тесной, что никто не смог бы надеть ее на голову, — еще не написана^[9].

Беренгарий получил титул короля Италии, который ранее принадлежал последним Каролингам, и начал править с помощью своих верных советников, среди которых были епископ Адалард Веронский (по всей видимости, его дальний родственник), епископ

Антоний Брешианский, граф Вальфред Веронский. Король подтвердил права церквей и монастырей на земельные владения, предоставленные им предыдущими правителями, а также не только сохранил их привилегии, но и добавил новые. Для венецианцев он подтвердил уступки, которые те получали со времен Лотаря I, бывшей императрице Ангельберге оставил дары, сделанные ей Людовиком II и Карлом III. При этом он избегал нововведений, которые могли бы поставить под удар его королевское могущество. Звезды были вначале благосклонны к новому государю:

Повсюду были тишина и спокойствие, —

говорит неизвестный поэт и описывает для нас это мирное, идиллическое, спокойное существование, наполненное музыкой и песнями:

Раздаются радостные рукоплескания,
и все голоса отзываются

Но недолго длились эти безмятежные дни:

Мучимый нестерпимой завистью Гвидо
продолжил свои злодеяния...

(Gesta Berengarii, I, 70–77)^[10]

Откликнувшись на призыв своих родственников, которые, вероятно, знали горькую правду насчет состоятельности их партии^[11] и все же сумели скрыть истинное положение дел, Гвидо отправился во Францию в сопровождении нескольких верных ему людей. Но, в то время как Беренгарий, быстро получив корону, входил во вкус власти, дела Гвидо шли из рук вон плохо. Самому Фульку Реймскому в какой-то момент пришлось признать, что у его протеже не было шансов на успех: очень немногие открыто приняли его сторону, а остальные даже слышать не хотели о короле-чужеземце. Так и не став итальянцем, Гвидо уже не мог считаться настоящим франком. Гвидо был далек от понимания ситуации; более того, он считал, что франки смирятся, когда их поставят перед свершившимся фактом. Поэтому, по настоянию Гвидо, епископ Лангра миропомазал и короновал его в этом городе в феврале 888 года.

Несвоевременное решение Гвидо привело, с одной стороны, к окончательному разрыву с Фульком, который считал себя единственным обладателем привилегии короновать франкских монархов и не мог простить того, кто не посчитался с его исконным правом. С другой стороны, оно вынудило франков перейти от нерешительности и глухого сопротивления к активным действиям: 29 февраля 888 года они избрали и короновали Эда.

Общее удовлетворение от разрешения этой кризисной ситуации выразилось — к слову — в песне, помимо слов которой сохранилась также и музыка:

Пусть высочайший государь, могущественный король,
Возьмет королевский жезл и долгое время правит^[12].

Гвидо стало ясно, что в условиях, когда у нового короля неуклонно возрастало количество сторонников и его к тому же поддерживало большинство франков, он не сможет преуспеть, поэтому он отрекся от короны Франции. Но, испытав во Франции восторг обладания скипетром и короной, Гвидо решил повторить попытку в Италии, разорвав заключенный с Беренгарием договор:

...можно разорвать договор
и легко смутить молодые умы.

(Gesta Berengarii, I, 82–83)

Такие слова вкладывает в его уста неизвестный поэт^[13]. Безусловно, к этому решению его подталкивали как вассалы, остававшиеся рядом с ним во Франции и разочарованные его неудачей, так и сеньоры, которые во Франции скомпрометировали себя, поддерживая его кандидатуру, и намеревались последовать за ним в Италию, чтобы там обрести благополучие, ускользнувшее от них на родине.

С момента избрания Эда, положившего конец большей части амбициозных устремлений Гвидо, до начала войны против Беренгария прошло несколько месяцев, на протяжении которых Гвидо с помощью увещаний и денег пытался, как утверждают хронисты, привлечь на свою сторону как можно больше людей^[14]. Но на самом деле первые успехи Гвидо должны были быть связаны с теми немногими дожившими до этих времен, кто 20 лет тому назад, во времена Иоанна VIII и начала правления Людовика II, составили оппозицию германским Каролингам и их основным сторонникам, маркграфам Фриули, а теперь возвращались в ряды прежней партии, как к первой любви. К этим сподвижникам прибавились те, кто надеялся извлечь выгоду из смены правителя, а также те, кто по той или иной причине не могли оставаться верными Беренгарию или сохранять нейтралитет.

В конце октября 888 года Гвидо пересек границы Италии вместе со своими вассалами и приобретенными по ту сторону Альп друзьями, полный уверенности в том, что ему достаточно просто появиться для того, чтобы одержать победу. Однако он нашел в лице Беренгария гораздо более серьезного противника, чем мог себе представить.

Беренгарий находился в Вероне, когда ему стало известно, что Гвидо пересек Альпы; он собрал войско, двинулся на неприятеля и, встретив его около Брешии, вынудил его отступить после весьма кровопролитного сражения.

Эта жестокая битва, однако, не стала решающей. Гвидо со своей стороны повел в бой бургундские и сполетские войска, а также контингенты, которые ему предоставили сеньоры из Северной Италии, перешедшие на его сторону; но резервные войска в Сполето и Камерино не были задействованы, и стоило рискнуть ими, чтобы выиграть ставку. Поэтому Гвидо попросил о перемирии для Всех Святых 889 года, и Беренгарий согласился, но не только потому, что он также был не в состоянии сразу же возобновить сражение, но в основном из-за новой и весьма серьезной опасности, появившейся на севере: имя ей было Арнульф Каринтийский^[15].

Арнульф давно понял, что народы каролингской империи нуждались каждый в своем короле, который бы постоянно присутствовал в своей стране и всегда был бы готов оказать помощь при необходимости, а не в императоре, вечно занятом на дальних фронтах. Арнульф на время отказался от претензий на суверенную власть в отдельных странах, но был и ощущал себя единственным наследником последнего императора. Он хотел спасти духовное единство империи — ни больше ни меньше. Поэтому он стремился обрести над отдельными посткаролингскими королевствами власть, отдаленно напоминавшую ту, которую при разделении 817 года Людовик Благочестивый уготовал своему первенцу^[16].

Король Франции Эд смирился, признал превосходство германского правителя, принес ему клятву верности, и Арнульф подтвердил его право на корону. Это произошло в Вормсе в августе 888 года. В октябре или ноябре подобное соглашение было заключено в Регенсбурге с Рудольфом Бургундским, теперь пришел черед Беренгария. Сначала Беренгарий попытался договориться через послов, затем в ноябре или декабре лично поехал в Тренто к королю, который прибыл туда с внушительных размеров войском, и, подобно Эду и Рудольфу, принес ему клятву верности^[16].

Это было чрезвычайно важное решение: признавая превосходство Арнульфа и внедряясь в систему национальных королей, Беренгарий на время сохранял свою королевскую власть. Но таким образом он смирился с претензиями Арнульфа на императорский венец, а поскольку императорский титул и итальянская корона были

традиционно неразрывны, ставил под удар будущее и своего суверенного правления, и страны.

Вполне удовлетворенный достигнутыми результатами, Арнульф вернулся в Германию, а Беренгарий стал готовиться к новой войне.

Неизвестный поэт в свойственной ему манере сообщает нам немаловажные детали, предшествующие второй битве, которая произошла близ Треббии и решила судьбу королевства. Гвидо воспользовался перемирием, чтобы попросить поддержки во Франции и в Сполето. На его призыв откликнулись многие, и его войско значительно выросло. Прежде всего, к войску присоединился граф Анскарий со своим братом Гвидо и пятьюстами воинами. Еще триста человек пошли в бой под предводительством графа Гоцлина, и двести под предводительством Губерта: все в «галльских» кольчугах и с «галльским» оружием. Присутствовал также отряд тосканцев в невыясненном количестве; Сполето и Камерино выслали крупное войско: только от Камерино была тысяча воинов, а от Сполето было еще больше. Альберих, который впоследствии завладел сполетским маркграфством, вел за собой чуть меньше сотни воинов, но Вильгельм и Губальд — позже проявивший себя в битве против Цветибольда — шли во главе трехсот человек каждый.

Три тысячи человек, собранных в Северной Италии, поступили в распоряжение трех графов, каждый из которых плохо кончил (для них было бы лучше погибнуть на поле боя). Первым был граф Манфред, которого несколько лет спустя обезглавили по обвинению в предательстве; второму, Эверарду из Тортоны, было суждено умереть от жажды, скрываясь от венгров, вторгшихся в Италию; третий, Сигифред из Пьяченцы, напрасно пытался избежать королевской мести, ища убежища в краю горных озер. Не подозревая об уготованной им судьбе, три графа гордо ехали во главе своих отрядов, а за ними шли воины, которых прислали некоторые епископы, принимавшие участие в войне.

Войско Гвидо насчитывало от семи до восьми тысяч человек. В свою очередь, Беренгарий привлек на свою сторону веронского графа Вальфреда с трехтысячным отрядом. Его шурины, Адалгиз, Вифред и Бозон, три безупречных воина (подобные трем молниям на поле боя, по выражению неизвестного поэта), вели за собой полторы тысячи вооруженных до зубов людей. За ними следовали германцы в количестве тысячи двухсот человек иод командованием двух братьев, Лиутарда и Бернарда, шедшие, возможно, из Алемании, где Унрохам принадлежали обширные владения, или же присланные Арнульфом, который, согласно подписанному в Тренто договору, был обязан поддерживать своего верного Беренгария.

Воины обеих противоборствующих сторон доблестно сражались, и многие пали на поле боя. Беренгарий храбро бился, но был ранен Альберихом, и возможно, по этой причине военная фортуна повернулась лицом к Гвидо. Беренгарий со своим войском отступил, и Гвидо остался хозяином бранного поля и королевства^[17].

Гвидо пересек границу Италии как авантюрист в сопровождении таких же, как он, любителей приключений. Он заинтриговал и склонил на свою сторону итальянских сеньоров. Он соблазнил их, заставил сражаться и силой оружия добился власти в королевстве. Теперь необходимо было придать свершившемуся факту видимость законности.

Гвидо сам созвал королевскую ассамблею или же вынудил созвать ее архиепископа Миланского либо какого-нибудь другого сановника. В середине февраля в Павии собрались все (или почти все) те, кто годом раньше избрал Беренгария, и, немножко поспорив о цене своих голосов, признали королевский титул за новым правителем.

Еще раз напомним, что Гвидо был избран на ассамблее, на которой присутствовали только епископы, после того как он принял их условия.

Епископы стали играть весьма важную роль в политической жизни королевства во времена Каролингов. Они всегда старались не пропускать ни одной королевской ассамблеи, причем не по долгу службы, а добровольно, поскольку стремились увеличить и укрепить

придаваемый им духовным саном политический вес, который признавали короли и императоры, каждый раз высылавшие им пригласительные письма^[18].

На избирательной ассамблее 876 года епископы составили подавляющее большинство: восемнадцать духовных и одиннадцать светских лиц приняли решение об избрании Карла Лысого, излюбленного кандидата Папы Римского. Но правда ли, что на ассамблее 889 года в Павии присутствовали только епископы? Неужели итальянские сеньоры, проливавшие свою кровь в битвах при Брешии и Треббии, молча смирились с кандидатурой короля, избранного церковнослужителями, и даже не попытались заявить о своих правах, которые являлись основополагающими для проведения ассамблеи и которыми они уже воспользовались во время сложных поисков преемника Людовика II, Карла Лысого и Карла Толстого, когда был избран Беренгарий?

Внимательно перечитав акт об избрании Гвидо, можно заметить, что в нем отчетливо выделяются две части. Первую открывает небольшая преамбула, в которой кратко описывается, как по окончании войны Гвидо хотел преобразовать королевство и как епископы, собравшись в королевском дворце, представили ему список требований, относящихся как раз к предпринятой им реорганизации. Поскольку Гвидо согласился с этими требованиями, они избрали его королем: «Таким образом, мы все согласны избрать его королем и сеньором, а также защитником, чтобы ныне и во веки управлял нами сообразно королевскому служению; каждый же из нас в своем сословии будет ему из всех сил подчиняться и помогать, ради спасения королевства и его самого». Казалось бы, этим все было сказано, однако епископы, составившие акт, начали повествование по новой.

Речь снова пошла о ситуации, сложившейся сразу после смерти Карла III, причем о Беренгарии и о его сторонниках упоминалось как о таинственных персонажах, «которые... чтобы им волей-неволей нашего согласия добиться, тайком и обманом к себе привлекли». По-видимому, считая это оправдание своего союза с Беренгарием вполне достаточным, епископы перешли к повествованию о том, как эти личности, даже не названные по имени, были вынуждены спасаться бегством от Гвидо, и «исчезли, как дым, оставив нас в нерешительности, подобно овцам без пастуха». Тогда было решено, что необходимо «всем собраться в королевском дворце в Павии. Там, заботясь об общем спасении и о состоянии королевства», собравшиеся постановили «единогласно, общим решением» избрать королем Гвидо.

Слова «всем собраться, ради общего спасения, единогласно, общим решением», «каждый из нас в своем сословии повиноваться будет» дают нам понять, что речь шла о соглашении между людьми разного положения, светскими и духовными лицами, которые обсуждали небезынтересные для всех вопросы и в полном согласии пришли к удовлетворившему всех решению.

Под актом должны были стоять подписи присутствовавших: в данном случае их нет, но это объясняется тем, что мы имеем дело с черновым наброском заявления, а не с официальным, окончательным вариантом документа, подобным, например, документу об избрании Карла II, которое было провозглашено лично архиепископом Миланским, епископами, графами и «остальными знатными людьми» (*reliqui optimates*), поставившими свои подписи согласно правилам.

В этот период во всех случаях избрания короля архиепископы и епископы оказывались на первом плане, начиная, например, с избрания Карла II королем Лотарингии, которому, если верить тексту составленного по этому случаю капитулярия, он был обязан исключительно духовенству, хотя в голосовании принимали участие также и светские люди, о чем упоминается в хрониках. То же самое можно сказать и об избрании Бозона королем Прованса^[17], проведенном епископами, которые отправили торжественное приглашение избраннику от собственного имени, вскользь упоминая о «знатнейших» (*nobiliores*), находившихся среди них, и о «верности церковных и светских лиц» (*sacerdotalis et laicalis fidelitas*). Таким же образом, избрание Людовика, второго короля Прованса, произошло благодаря проголосовавшим за него епископам и «совету знати со всего королевства»

(*procerum totius regni consilio*).

По всей видимости, точно так же дело обстояло и с избранием Гвидо, которое произошло при участии большого количества клириков и оказавшихся в меньшинстве светских лиц.

По обычаям Каролингов и их потомков в момент избрания или коронации монарха епископы представляли ему свои прошения. Карл Лысый в ответ на клятву верности епископов, графов и «знати» (*optimates*) сам поклялся сохранять церковные привилегии. Бозон ответил на приглашение от епископов, которое сопровождалось длинным нравоучением, обещанием множества милостей, сделанным в самом подобострастном тоне: «...с помощью вашего общего совета позабочусь о справедливости, о том, чтобы сохранять и возрождать привилегии Церкви. Всем, как просите, сохраню закон, правосудие и право покровительства с помощью Господней... Если же я, поскольку являюсь человеком, преступлю что-либо [из вышесказанного], то сообразно вашему совету исправить это постараюсь». Людовик Заика, Карломан и Эд во время коронации клялись духовенству в том, что гарантируют защиту его прав и привилегий.

То, что в 889 году итальянские епископы не удовлетворились туманными обещаниями и определили те сферы, в которых им хотелось бы видеть конкретные действия со стороны короля, объяснялось особенностью ситуации в государстве, за последние четырнадцать лет поменявшем не одного правителя и в последние месяцы разрываемом гражданской войной. Когда епископы чуть ли не автоматически стали представителями и кураторами городов в отсутствие графов, они убедили себя в необходимости повторного узаконивания и разъяснения отношений между новым королем Италии и Церковью. Поэтому Гвидо пришлось позаботиться о признании и почитании привилегий, предоставленных папскому престолу «императорами и королями древних и новых времен» (*ab antiquis et modernis imperatoribus et regibus*), то есть начиная с Константина Великого и заканчивая Карлом Толстым^[19].

Споры ученых пока еще не внесли ясности в вопрос о предполагаемых привилегиях, предоставленных Церкви в промежутке между Константиновым даром, сфальсифицированным в VIII веке, привилегиями Людовика I, дарованными в 817 году, и теми, что были пожалованы Оттоном I в 961 году^[20]. Вопрос этот многогранен и запутан, и здесь мы не будем его касаться: отметим, впрочем, что содержание прошения епископов, обращенного к Гвидо, заставляет подозревать о присутствии папских представителей на ассамблее в Павии.

Для себя епископы попросили о предоставлении им полной свободы в исполнении священнических функций. Церковные учреждения не должны были облагаться новыми налогами, а духовенство — остаться «под властью своих епископов» (*sub potestate proprii episcopi*).

Впрочем, собравшиеся позаботились также об интересах и благополучии мирян, и Гвидо пришлось приложить все усилия, чтобы прекратить злоупотребления властью со стороны графов и королевских чиновников, а также самоуправство франкских наемников и авантюристов, оставшихся в Италии после победы.

За исключением последнего пункта, касающегося проблем местного и временного характера, остальные просьбы епископов были соотносимы с постановлениями из капитулярных сборников эпохи Каролингов и не были нововведением^[21].

За избранием должна была последовать коронация, которая, по всей видимости, состоялась 16 февраля^[22]: как и Беренгарий, Гвидо не мог отказаться от того, чтобы после коронации и миропомазания придать своей власти священный характер, которая приподняла бы его над себе равными, избравшими его.

Тем временем Беренгарий отправился в свое маркграфство и укрылся в резиденции в Вероне. Он все так же носил королевский титул, и его окружение составляли те, кто остался ему верен: Вальфред, граф Веронский, теперь возвысившийся до титула маркграфа Фриули, епископ Адалард, граф Адальгиз и остальные Суппонида. Королевская канцелярия

продолжала свою работу: Беренгарий предоставлял и подтверждал привилегии, жаловал дары церквям и монастырям, вассалам и подвассалам, ожидая дальнейшего развития событий^[23].

В свою очередь, Гвидо, обосновавшийся в Павии и отныне признанный на всем пространстве государства, остерегался от попыток распространить свою власть на последний кусок земли, где хранили верность его сопернику, поскольку не хотел обострения отношений с Арнульфом.

Маркграф Сполето, король Италии, Гвидо хотел стать императором и сделать это как можно быстрее, так как прекрасно понимал, что Арнульф стремился к тому же^[24].

Принуждая национальных королей признать свое превосходство, Арнульф создал предпосылки для своего восхождения на императорский трон. Его политический план, основанный на личных амбициях, имел идеологическое обоснование, что сближало его с традициями Каролингов.

Претензии Гвидо на императорскую корону были, напротив, лишены идеологического и универсального размаха, он преследовал практические, приземленные цели. Императорский венец и корона Италии по традиции были неразделимы: Гвидо было нужно непременно и как можно скорее получить императорский венец, чтобы помешать Арнульфу заявить свои права на него и вмешаться в политику Италии по праву императорского суверенитета.

Титул императора укрепил бы позиции нового короля в его противостоянии Беренгарию, который к тому же являлся вассалом германского короля: заставил бы повиноваться маркграфа Тосканского, кичившегося своей полной независимостью. Но самым главным было то, что этот неоспоримый титул позволил бы Гвидо наконец достичь той цели, к которой столь рьяно стремился его брат: установления суверенитета Сполето на папской территории, от Рима — до Перуджи и Равенны. Венец императора дал бы ему возможность объединить Южную Италию — старинное поле захватнических битв сполетцев — с Северной, где его позиции были теперь как никогда крепки. Это было возвращением к политике Людовика II и самых доблестных лангобардских королей.

Стефан V уже давно называл Гвидо своим сыном и поддерживал с ним самые сердечные отношения, но при этом он никогда не забывал о том, сколько вытерпели от сполетцев его предшественники. То, что маркграф Сполето стал королем Италии и его территории окружили владения Церкви со всех сторон, вызывало у Стефана лишь некоторое беспокойство. Сама мысль о том, что Гвидо станет императором и воспользуется своим высоким положением с присущей ему энергией, наверняка была абсолютно неприемлема для понтифика, который старался сохранить независимость церковных земель.

Церковь давно уже выработала собственную имперскую теорию, согласно которой духовное единство самой Церкви должно было служить основой для политического единства империи: все христианские государства должны были стать ее частью, подчиниться императору, который олицетворял верховную политическую власть (так же как Папа Римский олицетворял власть духовную).

Возможность избрания императором Гвидо, этого «королька» (*regulus*), который правил маленькой частью полуострова, ничем не прославился за пределами Италии и, более того, потерпел там оглушительное фиаско, должна была казаться скверной шуткой, особенно после даже самого поверхностного сравнения его с Арнульфом, обладателем владений, по крайней мере в четыре раза превосходящих Итальянское королевство; властителем, чье превосходство признали короли Франции, Бургундии, Прованса, Италии, который подобно Карлу Великому, чья кровь текла в его жилах, вел непрекращающуюся и победоносную войну с варварами.

Было более чем достаточно причин для того, чтобы, выслушав увещевания Гвидо, Стефан V обратился к Арнульфу и стал умолять его, чтобы тот приехал и вырвал Италию и Святой престол из рук недобросовестных христиан и неверных. По всей видимости, недобросовестных христиан Стефан V боялся настолько, что не осмелился даже направить к

Арнульфу послов, а передал ему свое послание через Святополка, князя Моравии.

Арнульф, который по вполне веским причинам задержался в Германии, этого послания не получил, и Гвидо, воспользовавшись представившимся ему случаем, вынудил Стефана V сделать то, чего тот до самого последнего момента хотел избежать^[25].

21 февраля 891 года Гвидо стал императором, и вместе с ним короновали его жену Агельтруду^[26].

В прошедшие годы высказывалось мнение о том, что Агельтруда имела собственную четко очерченную имперскую политическую программу, изложенную в «Книге об императорской власти в городе Риме» (*Libellus de imperatoria potestate in urbe Roma*), которая была написана по ее инициативе. В настоящее время это утверждение, как правило, оспаривается, и «Книгу» относят к гораздо более позднему времени. Вместе с тем нельзя отрицать, что императрица была цельной личностью и умела заставить всех с этим считаться^[27].

Агельтруда была дочерью Адальгиза Беневентского, и ее бракосочетание с Гвидо, скорее всего, произошло в те времена, когда сполетцы стремились к южным частям Италии. По всей видимости, она была энергичной и честолюбивой женщиной. Некоторые считали ее виновной в том, что Гвидо проводил политику противостояния Папе, и возлагали на нее ответственность за неумные амбиции Гвидо, за авантюру во Франции, за претензии на императорский венец; в общем, за все то плохое, что он сделал в своей жизни. Нет причин сомневаться в том, что Гвидо смог бы додуматься до всего перечисленного выше сам, однако нужно признать, что Агельтруда имела огромное влияние на мужа, который осыпал ее бесценными дарами и удостоил титула *соправительницы империи* (*consors imperii*). Его сын почти сравнился в щедрости с отцом и наделил Агельтруду правом на участие в важнейших политических делах.

Велись споры о том, подтвердил ли Гвидо, как любой новый император, в присутствии Папы все церковные права и привилегии. Дискуссии такого рода абсолютно беспочвенны, поскольку это подтверждение являлось, можно сказать, частью церемониала. В случае Гвидо достаточно сложно представить, что Стефан V, столь враждебно относившийся к перспективе его коронации, в итоге согласился бы на нее, не получив от будущего императора гарантий, что тот станет соблюдать правила, освященные традициями и временем. Гвидо, желавший получить корону во что бы то ни стало, вряд ли ответил бы Папе отказом и, возможно, пошел бы на новые уступки, чтобы впоследствии отказаться от своего решения. Он никогда бы не отдал во владения папского престола земли, завоеванные его братом Ламбертом и им самим, и можно с уверенностью говорить о том, что он использовал их как разменную монету, чтобы иметь возможность вести переговоры так, как было угодно ему.

Об условиях договора также велись дискуссии, но, по большому счету, обсуждения утерянных договоров не привели к какому бы то ни было конкретному результату. Впрочем, доказательством тому, что этот договор был выгоден для Папы, может послужить то, что в 898 году, после кризиса, связанного с правлением Папы Формоза, поступила просьба о его возобновлении^[28].

После церемонии коронации Гвидо Папа лично сообщил о ней Фульку Реймскому, главному покровителю сполетцев. И итальянцы, и чужеземцы восприняли новоявленного императора, не делая из этого события сенсации и не задаваясь вопросом, почему титул императора получил чужак, а не прямой потомок рода Каролингов, который имел полное право претендовать на него. Однако очевидно, что случившееся стало оскорблением для Арнульфа, а также глубоким разочарованием для византийцев, даже если они и тешили себя надеждой на то, что дела задержат Гвидо на севере и он не сможет вмешаться в происходящее на южных территориях^[29].

Став королем и императором, Гвидо проявил такие качества, о которых никто не мог даже предполагать в то время, когда он причинял массу хлопот Карлу III и Марину I, плел интриги заодно с византийцами и сарацинами, ввязываясь в легкомысленную авантюру во

Франции или решался на безрассудный поход в Италию с кучкой воинов.

Гвидо решил сыграть роль продолжателя каролингских традиций и приказал выбить на своей печати знаменательный девиз: «Возрождение Франкского королевства» (*Renovatio regni Francorum*). Девиз не был новым, поскольку его использовали и другие правители из рода Каролингов, но он показывает, какой именно характер новый император хотел придать своему правлению^[30]. Подобно Каролингам, Гвидо обнародовал капитулярии по вопросам частного и общественного права, которые частично соотносились с капитуляриями его предшественников, а также отражали те условия, в которых он начал свое правление. Как и Карл Великий, Гвидо призвал епископов и графов к тесному и искреннему сотрудничеству в борьбе за поддержание общественного порядка, для того чтобы прекратить грабежи и самоуправство франкских и бургундских авантюристов, которые еще не покинули страну, а также обязать государственных чиновников соблюдать и уважать законы. Он напомнил всем, свободным людям и рабам, а особенно ариманам, что они обязаны в любой момент прибывать на зов графа, чтобы «защитить родину» (*ad defensionem patriae*), и пригрозил смещением с должностей (впоследствии действительно осуществил свою угрозу) тем графам и чиновникам, которые попытались бы уклониться от исполнения своего долга^[31].

Новый император, подобно последним Каролингам, искал советников и союзников среди епископов, поскольку ему, как никому другому, было известно, насколько ненадежны бывали светские магнаты. Однако дары и привилегии, которые эти епископы получали от короны, были сравнительно скромными. Известная грамота 891 года, которой Гвидо пожаловал епископу Модены все подати, которые город платил в государственную казну, пошлины на дорогах, мостах, право копать рвы, возводить стены, строить мельницы — то есть все важнейшие в то время права — на расстоянии одной мили вокруг города, стоит особняком. Гораздо больше, чем материальное благополучие, возрастает влияние епископов в нравственной сфере^[32].

При дворе Гвидо наряду с представителями духовенства были также и миряне, которым он поручил важнейшие должности, например, графа дворца или камерария. Это были не только те, кто сражался вместе с ним против Беренгария и участвовал в его избрании, но также и те, кто сражался на стороне Беренгария и впоследствии подчинился Гвидо, чтобы сохранить свои титулы и феодалы: Манфред, граф Миланский (который стал графом дворца), Сигифред, Эверард.

События, произошедшие в Италии, и ее новые отношения с соседними государствами на тот момент потребовали создания двух новых маркграфств: маркграфство Иврейское, которое должно было противостоять любому нападению с западной границы, перешло в распоряжение Анскария. Анскарий приехал в Италию вместе с Гвидо, сражался против Беренгария; он неизменно присутствовал при дворе, был самым преданным советником; поэтому вполне естественно, что на защиту столь уязвимой позиции был направлен именно он. Но еще более уязвимой была северо-восточная граница, на которой могли появиться весьма опасные противники — Арнульф и его вассал Беренгарий. Безопасность этого рубежа была доверена маркграфу Конраду, близкому родственнику Гвидо^[33].

Какие именно территории входили в состав этого маркграфства, мы сказать не можем.

В июне 891 года, при поддержке своих советников, Гвидо возобновил с венецианцами договор (который Карл Великий заключил в 812 году с византийцами), а в ноябре отправился в экзархат, следуя через Кремону, Мантую, Леньяго, Феррару; 22 ноября он был в Леньяго, а 24-го уже прибыл в Феррару.

Территория от Кремоны до Леньяго находилась во владениях Беренгария, и вопрос о том, как Гвидо сумел ее спокойно пересечь, являет собой одну из проблем этого смутного периода. Изменились ли отношения между двумя соперниками, стали ли они дружескими настолько, чтобы Беренгарий позволил Гвидо проехать по своим владениям? Но где же был Беренгарий? На три года, с 3 ноября 890-го по 9 ноября 893 года, он исчезает из поля зрения, и то, что Гвидо оказался на подвластной ему территории, позволяет предположить, что он перебрался на восток своих владений и потерял из виду их западную часть^[34]. Также ничего

не известно о продолжительности и деталях путешествия Гвидо в экзархат. Отправляясь туда, он хотел утвердить свою императорскую власть на земле, номинально принадлежащей Церкви, но на деле входящей в состав королевства, и, должно быть, собирался принять меры по разрешению местных проблем. Но какое отношение имела эта поездка к ассамблее, которая состоялась в Равенне несколько месяцев спустя, в апреле — мае 892 года? Сам Папа присутствовал на этой ассамблее и короновал на ней Ламберта, сына и наследника Гвидо. Эта коронация, проведенная в Равенне, а не в Риме, входит в тот самый длинный список вопросов, на которые нет ответа.

Гвидо придавал огромное значение заботе о будущем династии, которую он с гордостью считал своим детищем. На ассамблее в Павии в мае 891 года он добился королевского титула для своего сына Ламберта, которому в то время было 12 или, самое большее, 14 лет^[35]. Первый шаг был сделан, но он был бы совершенно бесполезным без второго шага, то есть без присвоения Ламберту императорского титула, о чем Гвидо попросил у преемника Стефана V, поскольку сам Стефан скончался в конце сентября.

Новым Папой стал Формоз, хорошо известный епископ Порто, который, после того как выполнил важнейшую миссию у болгар и сыграл роль посредника между Иоанном VIII и Карлом Лысым, подвергся гонениям и был отлучен от Церкви тем же самым Иоанном VIII, а затем, оправданный и восстановленный в своих правах Папой Марином I, был избран понтификом ко всеобщей радости духовенства и народа^[36].

О переговорах, которые проходили до и во время коронации Ламберта, ничего не известно^[37], но факт ее проведения не в Риме, а в Равенне — а это была единственная императорская коронация за весь период Средневековья, состоявшаяся за пределами Рима, — требует небольшого комментария.

Похоже, что Формоз был убежденным сторонником союза Восточной и Западной империй в борьбе с сарацинами, и высказывалось мнение о том, что решение о коронации Ламберта в Равенне было продиктовано желанием умерить непреклонность византийцев в вопросе о титуле римского императора, который, по мнению западного императора, по праву полагался именно ему. Византийцы много раз меняли свое мнение по этому вопросу, начиная со времен Карла Великого, но в конце концов оспорили право Людовика II именоваться римским императором, намереваясь позволить ему носить в лучшем случае титул императора франков.

Следовательно, Формоз якобы решился на проведение коронации Ламберта в Равенне, а не в Риме, потому что собирался облечь его титулом императора франков; однако подобный титул не имел в то время никакого значения. Император становился императором на деле, а не на словах, лишь когда его власть распространялась на Рим, на римский народ и защищала Церковь. Было бы абсурдно предполагать, что Гвидо, коронованный как император в Риме, согласился бы на присвоение своему сыну титула, не имеющего никакой ценности, в то время как он стремился обеспечить своим наследникам титул, положение и влияние, идентичные собственным. Подобное объяснение совершенно неправдоподобно, но нужно признать, что найти лучшее не представляется возможным^[38].

Равенна, старинный оплот империи, в каком-то смысле вновь обретала свои прежние функции: она превращалась в постоянное место проведения крупных имперских ассамблей, на которых обсуждались вопросы взаимоотношений между папством и империей и где, помимо Папы, присутствовали также представители высшего клира из чужеземных стран. Напротив, ассамблеи, посвященные решению вопросов, касающихся только королевства, собирали, как и раньше, или в Павии, или — гораздо реже — в других городах, что было продиктовано текущей необходимостью.

Коронация Ламберта произошла, несомненно, в присутствии членов ассамблеи. Но приглашали ли ее участников в Равенну специально для проведения там коронации, создавая по весьма сложным политическим замыслам новую традицию, которая, впрочем, очень скоро была забыта? И какими могли быть эти причины? Возможно, они были связаны с императорскими амбициями сполетцев, которые, возводя Равенну в ранг имперского города,

хотели отодвинуть Рим и Папу на второй план? Или же эта коронация была проведена по просьбе — или требованию — Папы, о чем он заявил в ходе собрания? Какие вопросы могло добавить к повестке дня это собрание, не упомянутое ни в одном источнике, но явившееся прямым следствием инспекционной поездки, которую Гвидо совершил осенью предыдущего года?

Все эти вопросы так и остаются без ответа. Стефан V сообщил Фульку Реймскому о коронации Гвидо; Формоз осведомил его о коронации Ламберта, не уточняя, что она проводилась вне Рима, и его современники также не выказали удивления по этому поводу. Но уверенность в том, что за средневековым формализмом всегда скрывается какая-нибудь веская идеологическая или юридическая причина, позволяет нам утверждать, что вопрос о равеннской коронации Ламберта достоин подробного рассмотрения.

Коронация состоялась в воскресенье, 30 апреля; тогда же от имени Ламберта был возобновлен договор, который Гвидо заключил годом раньше, и отец с сыном отпраздновали это событие, распределяя между родственниками и друзьями щедрые дары, не без участия императрицы Агельтруды^[39].

Через несколько месяцев Гвидо отправился в Рим. Причина этой поездки не ясна, но, может быть, она имеет отношение к проискам Фулька Реймского, занимавшегося организацией самого настоящего заговора против французского короля Эда и, по-видимому, весьма благосклонно воспринимавшего кандидатуру Гвидо, который, будучи королем Италии и императором, теперь имел гораздо больше шансов на успех, нежели в первый раз.

Через некоторое время об этом замысле забыли, и противники Эда обратили свои взоры к юному сыну Людовика Заики, которому в то время было 13 лет. Это движение набрало обороты, и 28 января 893 года Карл Простоватый был коронован. Таким образом, Французское королевство, как и Итальянское, обрело двух королей — одного на востоке, другого на западе — и, кроме того, мятежного магната^[8] во Фландрии.

Фульк постарался заручиться поддержкой Формоза и Гвидо для своего протезе, и Папа действительно вошел в число сторонников Карла Простоватого. Что же касается Гвидо, то неизвестно, поддержал ли он своего могущественного кузена Фулька, поскольку был все так же занят решением собственных проблем^[40].

Напряжение в отношениях между императором и Папой все возрастало: Гвидо пользовался своими императорскими полномочиями в папском государстве, не слишком заботясь о соблюдении условий подписанных им договоров. Но в действительности причины разногласий были гораздо более серьезными.

Формоз, как и Стефан V, хоть и признал королями Италии и императорами сполетцев, но относился к усилению их власти с той же недоверчивостью, с какой все Папы — от Захария до Адриана I — следили за возвышением лангобардов.

Подобно тому как предшественники Формоза прибегли к помощи Пипина и Карла Великого, он сам осенью 893 году попросил помощи у Арнульфа. К папским посланникам, отправившимся в Регенсбург, присоединились некоторые крупные итальянские магнаты (даже если среди них и не было Беренгария, вполне возможно, что он отправил своего представителя). Они умоляли короля приехать и принести Италии и папскому престолу свободу от тирании Гвидо, недвусмысленно намекая на то, что тогда он непременно получит императорскую корону. Но и на этот раз Арнульф никуда не поехал и удовольствовался тем, что отправил в Италию своего сына Цвентибольда, который добрался до Италии, объединил там свои собранные из баварцев войска с силами Беренгария и пошел на Павию.

Гвидо укрылся в городе, намереваясь отстаивать переправу через Вернаволу, протекавшую к востоку от города, а Цвентибольд и Беренгарий разбили лагерь на другом берегу этой реки. Так они простояли, не начиная сражения, примерно 20 дней, пока Гвидо не решился предложить Цвентибольду некоторую денежную сумму. Цвентибольд вернулся в Германию в конце октября, бросив Беренгария на произвол судьбы. Единственным достойным упоминания эпизодом стал поединок между баварским рыцарем и графом

Губальдом, весьма живо описанный Лиутпрандом, который, возможно, почерпнул сведения о нем из какой-нибудь народной песни^[41].

Гвидо надеялся на то, что германцы откажутся от проведения этой кампании; впрочем, вполне возможно, он предвидел, что выход германцев из игры невозможен, и поэтому, решив разгромить их союзника Беренгария, стал готовиться атаковать его:

Гвидо собирает войска, он спешит вновь наступать
и копит силы...

(Gesta Berengarii, III, 47–48)

Папа, разочарованный результатами экспедиции Цвентибольда, вновь обратился к Арнульфу, настаивая на том, чтобы тот оказал ему более действенную помощь; к его просьбе присоединился и Беренгарий^[42].

Арнульф собрал внушительную армию из швабских воинов и в первых числах января отправился в Италию, спустившись через Бреннерский перевал к Вероне. В его свите, состоявшей из представителей духовенства и мирян, были Оттон Саксонский, архиепископ Аттон Майнцский, епископ Вальдон Фрейзингенский^[43].

Гвидо не считал себя достаточно сильным, чтобы дать новое сражение, и укрылся в Павии, как не раз до него поступали лангобардские короли, ожидая, когда нехватка продовольствия и суровый климат усмирят ярость противника.

Из Вероны Арнульф отправился в Милан, в конце января он был в Брешии, ворота которой распахнулись перед ним без всякого промедления. А вот граф Амвросий Бергамский решил хранить верность своему королю и начал приготовления к обороне своего города. Арнульф воспользовался возможностью, как обычно говорят в подобных случаях, преподать наглядный урок.

Он добрался до Бергамо на закате и решил атаковать на заре следующего дня, после мессы. Арнульф лично руководил наступлением с высоты одного из холмов. Город, естественно, был окружен внушительными крепостными стенами и полон людей, готовых защищаться до конца, но отряды папской гвардии все же смогли добраться до стен, прикрываясь щитами от града сыпавшихся сверху стрел и камней. Им удалось пробить в стенах брешь и проникнуть в город, где они зверски расправились с его защитниками и жителями и все с тем же ожесточенным рвением принялись грабить дома, церкви и монастыри.

Граф Амвросий забаррикадировался в башне, готовый защищаться до последней капли крови, но, к своему несчастью, живым попал в руки врага и в полном графском облачении, с мечом, перевязью и в своих драгоценных наручах был повешен за городской стеной, как и остальные зачинщики сопротивления. Его жену и детей взяли в плен, его имущество конфисковали; даже епископа заключили под стражу.

Известие о бойне в Бергамо распространилось с быстротой молнии, все были объаты ужасом; «у всякого, кто об этом слышал, эта новость звоном отдавалась в обоих ушах», — рассказывает Лиутпранд. Милан не стал дожидаться прибытия короля; как и Павия, откуда Гвидо, по всей видимости, тотчас же уехал. Власти обоих городов отправили послов с сообщением о своем безоговорочном подчинении. Благодаря этому граф Миланский сохранил должность графа дворца, а правителем Милана был назначен Оттон Саксонский. Кратчайшим путем Арнульф отправился в Павию, которая ждала нового повелителя.

Арнульф установил свою власть и начал ставить на своих грамотах даты, соответствовавшие эпохе нового королевского правления, нимало не беспокоясь о Беренгарии^[44].

Итальянские сеньоры поспешили предстать перед германским королем, чтобы выразить ему свое почтение и что-нибудь за это урвать, но Арнульф был совершенно не расположен раздавать другим собственные полномочия, к чему все как раз и стремились. Он решил преподать еще один урок на примере тех, кто показал себя самым жадным и

ненасытным. Арнульф приказал арестовать Адалберта Тосканского, его брата Бонифация и графа Герарда, но затем, поскольку причин держать их в вечном заточении не было, отпустил их, предварительно заставив принести ему клятву верности. Как и следовало предполагать, освободившись, они тут же бежали в Тоскану и, собрав все силы, которые были в их распоряжении, приготовились воспрепятствовать походу Арнульфа на Рим, где тот собирался получить корону из рук самого Папы.

Одиннадцатого марта Арнульф уже находился в Пьяченце, откуда мог бы проследовать дальше через Парму и Чизу, но, посчитав, что его войско не сумеет одолеть охраняемый тосканцами переход через Апеннины, отказался от этой затеи и повернул назад (в то время в Павии разразилось кровопролитное восстание; к тому же Беренгарий не скрывал своих намерений проучить короля Германии, который прибыл к нему для оказания помощи и неожиданно-негаданно назвался королем Италии). Существовала лишь одна возможность с честью выйти из этой ситуации, а именно отправиться на запад, и Арнульф решил воспользоваться ей, добраться до Бургундии и напомнить ее королю Рудольфу об обязательствах, которые тот взял на себя несколькими годами ранее, признав верховенство Арнульфа.

Однако он выбрал неподходящий момент: в Италии бушевало восстание, и Рудольф увидел в этом свой шанс взять реванш за 888 год, когда ему пришлось подписать вышеупомянутый договор. Он послал войска на подмогу Анскарию, который хранил верность Гвидо (или просто решил вновь перейти на его сторону), и намеревался перекрыть Арнульфу последний путь к отступлению.

За десять дней Арнульф дошел от Пьяченцы до Ивреи, но городские ворота не распахнулись перед ним. Арнульф приказал штурмовать город, однако его воины не смогли преодолеть стойкого сопротивления защитников. Чтобы продолжить путь, германский король был вынужден предпринять труднейший марш-бросок через горы, «пробираясь в обход через горные кручи». Обогнув вражеские позиции, он спустился в Валле-д'Аоста и вошел в Бургундию. Рудольф, увидев в своих землях с довольно внушительным войском непрошеного гостя, растерял всю свою отвагу и не посмел атаковать его. Арнульф же оставил эти земли на разграбление своим войскам, а сам отправился в Германию. Через 2 месяца на ассамблее в Вормсе было решено организовать крупную карательную экспедицию в Бургундию: разбирательства с Италией были оставлены на потом^[45].

После отъезда Арнульфа вновь обострилось противостояние между Гвидо и Беренгарием. Гвидо немедленно отправился с войском на север и стал готовиться к новой битве с Беренгарием, который укрепился в горных районах Италии и пытался набрать войско, чтобы удержать противника в отдалении. Еще не произошло ни одного вооруженного столкновения, когда в окрестностях Пармы у Гвидо внезапно пошла горлом кровь, он скончался и был похоронен в городском соборе^[46].

II. ИМПЕРАТОР ЛАМБЕРТ

Наследование престола Ламбертом. — Сполетцы в Южной Италии. Второй поход Арнульфа: захват Рима и императорская коронация. Завершение похода. — Реакция римлян и месть сполетцев: процесс, над Формозом. — Собор Иоанна IX и равеннская ассамблея 898 г. — Смерть Ламберта .

Когда умер Гвидо, Беренгарий посчитал, что настал его звездный час, и во весь опор помчался в Павию; он обосновался в королевском дворце и решил, что сможет устранить сына Гвидо, не прилагая особых усилий.

Ламберт никогда не принимал действенного участия в управлении государством, но он уже не был ребенком. Мать давала ему мудрые советы, и на тот момент на стороне Ламберта были симпатии всех вассалов, которые в большинстве своем ответили на его призыв, когда он задумал дать бой Беренгарию и отвоевать Павию.

Беренгарий покинул столицу; 2 декабря он находился в Милане и, вероятно, поддерживаемый своими сторонниками, пытался сопротивляться, но не устоял, и в январе столицу занял Ламберт. Юный император был уверен, что теперь он прочно утвердился на престоле своего государства, и принял тон деспота, который всегда был чужд его отцу: «...граф Эверард припал к коленям нашего императорского величия, [после того, как] в священном дворце в Павии вознеслись мы к сияющей вершине, на трон благословенной памяти светлейшего родителя нашего и благочестивейшего сеньора государя Гвидо...»^[1]. Однако на горизонте уже сгущались тучи. Беренгарий, вновь укрывшийся в своем маркграфстве, не казался слишком напуганным. Благодаря дружескому содействию Фулька Реймского Папа Формоз, разочаровавшийся к тому же в Арнульфе, выказывал свое расположение молодому императору: но рано или поздно Арнульф решил бы взять реванш за свое поражение^[2].

Мудрый и осмотрительный политик постарался бы не давать Арнульфу предложения для повторного вторжения в пределы Италии; искусный политик особенно задумался бы над тем, как не допустить разногласий с главой папского престола, чтобы тот в четвертый раз не попросил о помощи у какого-нибудь защитника. Фульк Реймский все это прекрасно понимал и трезво оценивал ситуацию со своего отдаленного, но весьма эффективного наблюдательного пункта. Поэтому он одновременно слал Папе письма с заверениями в бескрайнем уважении, которое выказывал к нему Ламберт, и советовал Ламберту беречь благорасположение Папы. Формоз действительно писал ему о том, что относился к Ламберту, как к родному сыну, и хотел бы добиться идеального согласия в их помыслах. Конечно же, юноше следовало бы больше дорожить этой дружбой и почаще вспоминать о печальной судьбе своего дяди Ламберта^[3]. Рекомендации архиепископа были отнюдь не бесполезными, но, как это часто случается, к самым мудрым советам никто не прислушивается. Летом 895 года молодой император позволил своей матери Агельтруде втянуть себя в авантюру, которая стоила ему дружеского отношения понтифика.

Императрица Агельтруда была дочерью Адальгиза, герцога Беневенто, и мысль о том, что византийцы, захватившие в 891 году город и герцогство, лишили ее семью родовых владений, терзала ее душу. Поддавшись на уговоры матери, Ламберт позволил своему кузену Гвидо IV, правившему маркграфством Сполето, отправиться в августе 895 года в поход на Беневенто.

Завоевание Беневенто должно было стать первым шагом на пути к подчинению лангобардских княжеств на юге Италии.

Возможно, Формоз, вняв пылким заверениям Фулька Реймского, действительно искренне симпатизировал Ламберту. Но вторжение Гвидо IV в пределы Южной Италии убедило Папу в том, что он глубоко заблуждался, ожидая политической сдержанности от венценосного представителя сполетского рода.

Папы Римские всегда имели виды на Южную Италию: Иоанн VIII, по крайней мере, попытался заставить Карла Лысого признать власть папства в этой части полуострова. Если даже признание этой власти и нашло некое документальное выражение, оно осталось лишь на бумаге. С этим глава папского престола еще мог смириться, имея возможность в любой момент потребовать соблюдения своих прав и полномочий. Но он не мог допустить, чтобы итальянский король подчинил себе эти территории. Ведь тогда папское государство оказалось бы зажато в тисках сувереном, ясно собиравшимся следовать традициям своих предшественников, которые в свое время доставляли папству немало неприятностей.

Поэтому случилось так, что, несмотря на недавние признания в отеческой любви к Ламберту, Формоз вновь обратился за помощью к Арнульфу, и сенат поддержал Папу. Представители римской знати опасались власти императоров из сполетской династии столь же сильно, что и понтифик, поскольку, на их взгляд, оно ограничивало их влияние и свободу действий.

Связь событий подтверждается хронологией: Гвидо Сполетский вступил в пределы

Беневенто в августе 895 года, а в сентябре папские посланники были уже в Баварии. С одобрения магнатов королевства Арнульф собрал войско и вторгся в Италию в октябре^[3].

Повторное проникновение сполетцев в Южную Италию несколько беспокоило византийцев, и император Лев VI договорился с Арнульфом о совместном нападении на Гвидо. Следуя византийскому обычаю искать таких союзников, чтобы можно было зажать противника в тиски, Лев VI заключил союз и с Людовиком Прованским, пообещав ему в жены свою единственную дочь. Таким образом, атаки на Итальянское королевство должны были вестись с юга, с запада и с севера^[4]. Арнульф отнюдь не обрадовался вмешательству в итальянские дела Людовика Прованского (который мог предъявить претензии на наследство своего деда, Людовика II) и поэтому поспешил ответить согласием на предложение Папы о помощи.

Первого декабря 895 года Арнульф все еще находился в Павии, вместе с супругой Утой, Адальбероном, епископом Аугсбургским, архиепископом Аттоном Майнцским и, возможно, еще со многими знатными клириками и мирянами, о которых история умалчивает^[5].

После первого вторжения в пределы Итальянского королевства Арнульф присвоил себе титул короля Италии, невзирая на условия договора, который он заключил с Беренгарием осенью 888 года в Тренто. Естественно, этот шаг вызвал неудовольствие Беренгария, вскоре переросшее в открытую враждебность. Поэтому Арнульф не мог спокойно проследовать через Верону и Бреннерский перевал. С какой стороны он вошел в Италию в 895 году, неизвестно. Как бы то ни было, он встретился с Беренгарием, и, по всей видимости, они заключили некий договор, поскольку Беренгарий сопровождал Арнульфа вплоть до Тосканы^[6].

Направляясь в Рим, Арнульф со всем своим войском перешел р. По в районе Пьяченцы. Тем временем Ламберт, который 6 декабря был еще только в Реджо Эмилии, вместе с Агельтрудой отступал перед его натиском. В Парме Арнульф разделил войско; он отправил германские отряды через Болонью во Флоренцию, а сам во главе основной армии пошел по дороге на Чизу; к Рождеству германский король добрался до Луни. Как раз на этом этапе своего похода он попытался избавиться от помехи, которую представлял для него Беренгарий. Один из шуринов Беренгария, знавший о замыслах Арнульфа, вовремя предупредил своего родственника, и тот спасся бегством.

Тяготы и невзгоды подстерегали германское войско на всем его пути: проливные дожди, разливы рек и ручьев затрудняли движение и препятствовали доставке провианта. Губительная эпидемия поразила лошадей, и для перевозки поклажи пришлось использовать быков. В довершение всего стало известно о том, что Беренгарий вернулся в Северную Италию после того, как провел серию тайных переговоров с Адальбертом Тосканским и убедил его покинуть ряды сторонников германского короля.

Поворачивать назад было не менее опасно, чем продолжать путь. Арнульф решил идти вперед, надеясь, что как только он доберется до Рима и получит императорскую корону, то легко положит конец непокорности своих вассалов^[7].

Он дошел до Рима в середине февраля 896 года, но обнаружил, что ворота закрыты, а город занят сполетскими войсками: возглавила его оборону гордая Агельтруда, поскольку ее сын уехал в Сполето, чтобы организовать там последний рубеж сопротивления на тот случай, если Рим падет.

Предварительно прослушав мессу, Арнульф провел военный совет у ворот св. Панкратия, где обсуждался один-единственный вопрос: нужно ли штурмовать город? Конечно же, король не собирался отказываться от своей цели, будучи в двух шагах от нее, но мысль о том, что он должен будет взять Рим штурмом, ворваться с войском в тот город, куда паломники, покаянно склонив голову, входили с молитвой, претила ему. Кроме того, такой шаг мог поставить под удар его соглашение с Папой и саму императорскую коронацию.

Объявить о своем решении необходимо было в торжественной манере, дабы скрасить его возможный — или кажущийся таким — кощунственный, нечестивый характер.

Растроганные воины со слезами на глазах вновь поклялись в верности своему королю, публично исповедовались и объявили о том, что будут поститься и молиться весь день перед штурмом; тем не менее решение идти на приступ было единодушным.

В то время когда собравшиеся на совет расходились, а король собирался объехать вокруг городских стен, чтобы выбрать подходящее место для штурма, из-за случайности разгорелась схватка.

Лиутпранд Кремонский — который слишком часто забавлялся сочинением разных небылиц — пытается заверить нас в том, что в случившемся был виноват заяц, испуганный гомоном войска: якобы заяц выскочил к стене, и заметившие его германцы с криками помчались за ним. Римляне, увидев бегущих воинов, решили, что начался штурм, и...последовали примеру зайца: покинули укрепления и в панике бросились бежать со всех ног. Однако это объяснение слишком несерьезное для такого важного события, как захват Рима, не говоря уже о том, что эта легенда была известна еще самому Геродоту.

Возможно, что кто-то, защитник города со стены или германский воин, выпустил стрелу, бросил камень или просто прокричал крепкое словцо; так или иначе, германцы без всякой подготовки пошли на штурм, столь живо описанный хронистом, что мы предоставим слово ему: «Неожиданно началась битва: со всех сторон побежали воины, крича о том, что они возьмут город силой согласно общему решению. Они подбежали к стенам, бросая камни в их защитников; толпа воинов собралась у ворот. Одни бросились с топорами и мечами на ворота и железные засовы, другие стали пробивать брешь в стене, а кто-то по лестнице стал перебираться через стены». Некоторые, чтобы быстрее перелезть через стену, забирались на седло своего коня.

К вечеру германцы завладели городом Льва, не пролив ни единой капли крови; это свидетельствовало о том, что Агелтруда не сумела убедить римлян обороняться. Рим пал, и Агелтруде пришлось его покинуть.

Арнульф не сразу отправился в собор св. Петра: он не хотел входить в Рим в качестве завоевателя; король дал папским служителям время обставить все так, чтобы он смог торжественно въехать в город с соблюдением всех, более чем столетних, традиций.

Подобно императорам из рода Каролингов, Арнульф вошел в город с Мильвийского моста: его встречали представители городской власти, римское войско со знаменами и крестами, дети с пальмовыми и оливковыми ветвями, певшие гимны.

За этим последовала коронация в соборе св. Петра, и новый император, вне всякого сомнения, подтвердил упоминавшиеся им ранее привилегии главы папского престола. В тот же день римский народ собрался на площади св. Павла и принес клятву верности императору: «Клянусь ...что сохраняя честь и закон мой и преданность господину Папе Формозу... верным буду императору Арнульфу... а Ламберту, сыну Агелтруды, и его матери никогда не окажу помощь, и Рим Ламберту или матери его Агелтруде, или их людям... не сдам».

Арнульф пробыл в Риме четырнадцать дней, уделив время как служению Богу, так и государственным делам: он посещал церкви и соборы, судил и приговорил к смерти двух сенаторов, ответственных за оказанное Римом сопротивление, других отправил в изгнание; кроме того, приготовился напасть на герцогство Сполето, где укрылась бежавшая из Рима Агелтруда. Действительно, если бы Арнульф вернулся на север, не сломив могущества сполетцев, Рим, Папа и королевство снова попали бы в руки Ламберта и Агелтруды. Убежденный в необходимости этого предприятия, Арнульф оставил Рим на попечение своего вассала Фароальда и со всем войском отправился в Умбрию. Однако по дороге с ним случился апоплексический удар, сделавший его совершенно беспомощным. Причем этот недуг поразил его так неожиданно и настолько кстати для дома Сполето, что молва тут же обвинила Агелтруду в том, что она отравила Арнульфа. Возможно, Агелтруда пошла бы на подобный шаг, но паралич Арнульфа вполне объясняется предрасположенностью последних Каролингов к подобным болезням.

Не было никого, кто смог бы взять на себя командование и продолжить поход; поэтому

германское войско поспешило обратно на север, увозя с собой парализованного императора. Двадцать седьмого апреля германцы достигли Пьяченцы, откуда вернулись в Баварию, не встретив никаких препятствий на своем пути.

Болезнь Арнульфа, повлекшая за собой крах всех возлагавшихся на него надежд, стала слишком сильным ударом для Формоза, который был уже более чем восьмидесятилетним старцем. Четвертого апреля он умер, после чего на глазах остававшихся в Риме представителей Арнульфа были дважды проведены выборы Папы, в ходе которых грубо нарушалось каноническое право: первым избранником стал монах Бонифаций, до этого уже два раза подвергавшийся низложению. Избранный народом, Бонифаций VI продержался на папском престоле только 15 дней, и ему на смену избрали Стефана, епископа Ананьи, хотя в соответствии с каноническим правом переход с одной епископской кафедры на другую воспрещался.

В Северной Италии оставался незаконнорожденный сын Арнульфа Ратольд, которому тот, возможно, прочил титул короля Италии. Ратольд был еще совсем юным и не мог взять на себя командование, чтобы внушить уважение явно враждебному ему окружению, поэтому он спустя какое-то время вернулся в Германию через Комо; недолго продержался и Фароальд, остававшийся в Риме^[8].

Попытка Арнульфа установить свою власть в 894 году не на шутку напугала христианский мир, а штурм Рима в 896 году заставил всех содрогнуться от ужаса. «Возврат к прошлым векам», — писал Рeginон, но Арнульф, заставив римлян вспомнить о нашествии варваров, исчез в мгновение ока, не оставив следа в списке королей и императоров^[9]. Все вернулось на круги своя. Беренгарий вновь вступил во владение своим маркграфством, как только умер маркграф Вальфред, доблестно оборонявший эти территории от имени императора, и 30 апреля уже был в Вероне. Через несколько дней Ламберт снова приехал в Павию и преподнес своей матери невиданно щедрый подарок, желая вознаградить ее за все, что она для него сделала.

Безусловно, Ламберт отблагодарил и тех немногих, кто сохранил ему верность, но по отношению к предателям он был беспощаден. Граф Манфред, который перешел на сторону врага в 894 году и был прощен, вновь переступил черту: он попытался отстоять Милан после отъезда Ратольда (скорее из страха перед Ламбертом, чем от любви к Арнульфу), но город пал, Манфред был схвачен и обезглавлен. Его сына и зятя ослепили, и, надо думать, они были не единственными жертвами сполетской реакции на севере.

Итальянское королевство вновь обуюл ужас, как после известия о взятии Бергамо, и несколько вассалов Ламберта отправились в Верону, чтобы просить Беренгария о помощи. Беренгарий посчитал их предложение несвоевременным, а Ламберт и его мать поняли, что пришло время наконец определить отношения с Беренгарием и заключить с ним мирный договор на длительный срок^[10].

Возможно, идею такого договора стал вынашивать еще Гвидо, посчитавший, что его союз с Беренгарием позволит удерживать Арнульфа вдали от Италии. Однако он умер, прежде чем сумел претворить ее в жизнь. Ламберт, которого последние события сделали более осторожным, возобновил переговоры и после того, как посланцы провели предварительное обсуждение договора, в октябре (или ноябре) 896 года встретился с Беренгарием.

Встреча состоялась за пределами Павии, на берегах Тичино, где во времена лангобардских королей обычно проводились королевские собрания. Неизвестный поэт хотел бы заставить нас поверить в то, что Ламберт предстал перед Беренгарием в качестве просителя, но тот факт, что Беренгарий лично приехал в Павию, недвусмысленно указывает на того, кто был важнее и влиятельнее на этой встрече.

Оба государя определили условия договора и поклялись хранить вечный мир:

Оба произнесли речи, затем каждый пообещал

Другому сохранить союз...

(Gesta Berengarii, III, 239-40)

Во власти Беренгария остались земли между реками По и Адда, Ламберт сохранил для себя остальную часть королевства; следовательно, все оставалось в том порядке вещей, который существовал с 889 года. Не исключено также, что речь могла пойти о заключении брака между Ламбертом и Гизлой, дочерью Беренгария: тогда Беренгарий согласился бы объединить территории, поскольку у него не было наследника. На эту мысль наталкивают похвалы, которые неизвестный поэт расточает молодому императору. Именно они заставили потомков практически забыть о тех проступках, которыми Ламберт запятнал свое имя.

Союз оказался вовсе не таким искренним и прочным, каким он был задуман:

О, юношеская честь, ах, если бы не был столь превратным ум!
Преграду захотел создать он миру и разорвать союз,
замыслив обман...

(Gesta Berengarii, III, 245-247)

Но в тот момент времени заключенный с Беренгарием договор позволил Ламберту и Агельтруде обратить свои помыслы к Риму и Южной Италии, не опасаясь внезапного удара в спину^[11].

В конце августа 896 года Рим все еще находился во власти германцев, но в конце года Ламберт и Агельтруда вошли в город вместе с маркграфом Гвидо IV Сполетским, после того как их сторонники одержали победу — неизвестно как и когда — над Фароальдом и его гарнизоном.

Через несколько дней после прибытия императора и его матери в Рим Стефан VI созвал Собор, провести который собирались еще в сентябре 896 года, но все время откладывали; возможно, в ожидании приезда правителей^[12].

Собор должен был постановить, что проведенная Формозом коронация Арнульфа была недействительной; то есть ее как бы и не было: достаточным стало бы весьма правдоподобное заявление о том, что Арнульф получил императорскую корону силой оружия. Однако было принято другое решение — отрицать законность избрания Формоза, который, согласно каноническому праву, не мог стать Папой Римским, поскольку на момент выборов уже являлся епископом Порто. Поскольку избрание Формоза Папой было признано незаконным, то все подписанные им документы были объявлены не имеющими никакой юридической и канонической силы, начиная с распоряжений, которые он сделал простым священником и будучи епископом.

Эта мера противоречила католической доктрине — установленной Стефаном I и изложенной св. Амвросием и св. Августом, — согласно которой законность религиозного таинства не зависела ни от степени благоволения Церкви к тому, кто его совершил, ни от строгости соблюдения канонических правил при возведении в сан. Иными словами, таинства и посвящения, которые были проведены епископами, отлученными от церкви, раскольниками, еретиками, по указанию антипап и лжеепископов, также считались законными. В раннем Средневековье эту доктрину принимали далеко не все и далеко не всегда применяли ее на практике. Во многих случаях законность религиозных таинств, совершенных епископами и Папами, оспаривалась не столько по теологическим, сколько по политическим соображениям, и одним из самых сложных и скандальных случаев стало дело Формоза^[13].

Решение Собора полностью устраивало Стефана VI, тем более что именно он, очевидно, и стал его главным вдохновителем. Сам Стефан VI, до выборов являвшийся епископом Ананьи, также не смог бы стать Папой, но поскольку его возведение в сан епископа было объявлено незаконным и недействительным, как и любое другое действие

Формоза, то факт избрания Стефана понтификом пришел в полное соответствие с каноническим правом.

Все эти проблемы можно было бы разрешить обычным способом, однако Стефан VI и его советники разыграли мрачный фарс. Разложившийся труп Формоза извлекли из склепа, за ноги проволокли по земле; затем обрядили его в священнические одеяния и, как преступника на судилище, притащили его на Собор, приставив к нему диакона, который должен был от его имени отвечать на вопросы и обвинения собравшихся.

На Соборе присутствовали епископы из пригородов: Петр из Альбано, Сильвестр из Порто, Иоанн из Веллетри, Иоанн из Галлезе, Стефан из Орты, Иоанн из Тускании, и многие другие. Некоторые из них испытывали к Формозу такую же неприязнь, как и Стефан VI, и одобряли его действия, а те, кто ужаснулся содеянному и не хотел бы делить ответственность за это с Папой и его советниками, были вынуждены подписать все документы под угрозой применения силы, конфискации имущества и, в некоторых случаях, ареста. По всей видимости, император Ламберт и императрица Агелтруда также сыграли свою роль в этом запугивании, даже если и не присутствовали на заседаниях Собора. Акты Собора год спустя сожгли, но сведения о некоторых особенностях процесса мы можем почерпнуть из произведений писателей того времени: тщательному изучению подверглась все долгая жизнь Формоза, его интриги с болгарами, его споры с Иоанном VIII, его честолюбивые стремления. Старые забытые каноны вновь вступили в силу, и в соответствии с ними обвиняемый был признан нечестивцем и преступником, посвящение его в сан незаконным, его распоряжения недействительными.

С мертвого тела сорвали папское облачение, оставив на нем лишь власяницу, немую свидетельницу его наказания, одели его в светские одежды, отрубили ему правую руку, вытащили из церкви св. Иоанна, где присутствовали в полном составе соборные отцы, и закопали на кладбище для чужеземцев; но позже и эту могилу осквернили, а труп бросили в Тибр^[14].

Действия участников Собора заставили содрогнуться весь христианский мир, современники и потомки испытывали чувства ужаса и бессилия. Ученые нового времени откликнулись на эти настроения, но вполне удовлетворились тем, что возложили ответственность за позорный процесс на Ламберта с Агелтрудой или на представителей римских группировок, не попытавшись как-то объяснить появление жуткой, абсурдной идеи подвергнуть суду мертвеца. Делались даже попытки найти произошедшему юридическое обоснование, утверждая, что останки Формоза притащили на заседание Собора согласно процессуальным нормам. В старинном германском кодексе судопроизводства не существовало понятия заочного приговора; кроме того, по римскому праву присутствие обвиняемого в суде также являлось неотъемлемым условием для признания приговора действительным. Однако ни римляне, ни германцы никогда не возбуждали процесс против умершего и не притаскивали его труп на судебное заседание.

Тому, как обошлись с мертвым телом, действительно можно подобрать юридическое и каноническое объяснения. С трупа сорвали папское одеяние и заменили его светскими одеждами, так как Формоз не имел права носить священническое облачение: отлученный в свое время от Церкви Иоанном VIII, Формоз вернулся в ее лоно как светский человек и поклялся не хлопотать о возвращении утраченного епископского сана; вернуть себе сан во времена Марина I он мог только лишь путем интриг и клятвопреступления.

Однозначное значение имеет отсечение правой руки. Ни одна из канонических догм не грозит подобной карой мирянину, присвоившему себе функции духовного лица. Так обычно наказывали за подделку документов, хотя, как и почему Формозу могло быть предъявлено подобное обвинение, пока не ясно. Однако, скорее всего, подтверждение тому, что Формоз подделывал документы или пользовался подделками, нужно искать в бурном периоде его жизни, предшествовавшем избранию Папой.

Все это, безусловно, могло бы объяснить это жуткое представление, но если Стефан VI и его сообщники выкопали останки Формоза, следуя букве закона, то извращенность их

понятий о правосудии оказывается гораздо отвратительнее слепой ненависти, на которую ссылались ранее^[15].

По окончании заседания Собора Ламберт вернулся в Павию, а Агельтруда поехала в Беневенто, где до сих пор оставался сполетский гарнизон; 31 марта или 1 апреля императрица торжественно въехала в родной город и пробыла там до августа. От имени императора она передала управление городом и герцогством своему брату Радальгизу и, несомненно, использовала время своего пребывания в Беневенто для контактов со знатью Салерно и Капуи, а также для размышлений над новыми путями развития имперской политики. Она еще не добилась результата, который был бы заметным и для народа, и для местных хронистов, когда события чрезвычайного характера вынудили ее вернуться в Рим.

Когда сделанные Формозом распоряжения были провозглашены недействительными, многие епископы и другие священники лишились своего сана и всех сопутствующих ему привилегий. В связи с этим они были настроены не слишком благодушно по отношению к правящему понтифику и его спутникам. Действия Собора вызвали в Риме панику, подогреваемую суеверным ужасом: обрушение Латеранского собора было воспринято как Божья кара; волны Тибра выбросили на берег тело Формоза, которое какие-то благочестивые люди подобрали и тайно захоронили. Все тайное становится явным, и случившееся показалось новым свидетельством Божьего суда.

Этого вполне хватило для того, чтобы народ восстал против Стефана VI: понтифика схватили и бросили в темницу. Бунт разразился в конце июля, и, по всей видимости, отъезд Агельтруды из Беневенто в августе явился его прямым следствием.

Новый Папа Роман, который умер 4 месяца спустя, не совершил ни одного значительного деяния и, самое главное, даже не попытался ни утихомирить скандал, разгоревшийся вокруг дела Формоза, ни защитить интересы тех, кто пострадал во время этого процесса. Это вполне позволяет предположить, что он был ставленником взявших верх противников Формоза; возможно также, что Агельтруда съездила в Рим и поспособствовала их успеху. Впрочем, они не стали вызволять из тюрьмы ненавистного римлянам Стефана VI и выбрали нового Папу, по-видимому, не имевшего права голоса.

Однако сторонники Формоза возобновили борьбу, и на этот раз удача им сопутствовала: в октябре Стефана VI убили в тюремной камере; Роман умер в ноябре (вероятно, своей смертью), а новым Папой стал Феодор II, убежденный сторонник Формоза. Он решительно вмешался в ситуацию и первым делом позаботился о достойном погребении тела Формоза.

Торжественная церемония должна была скрасить впечатление от святотатства, совершенного годом ранее; присутствовавшие на ней люди пришли в огромное волнение, и позже в народе бытовали рассказы о том, как лики святых склонились, чтобы поприветствовать усопшего понтифика^[16].

Феодор II не удовольствовался проведением этих церемоний и, несмотря на то что правил всего 20 дней, успел созвать Собор, который подтвердил законность всех распоряжений Формоза. К сожалению, он умер прежде, чем соборные постановления обрели практическую силу: и подозревали, что он умер не своей смертью. С уверенностью можно говорить о том, что кончина Феодора II и реакция противников Формоза спровоцировали раскол. Помимо иррациональной сплоченности обеих партий в этой ситуации сыграла роль личная заинтересованность тех, кого избрали на места, освободившиеся во время опалы Формоза: они ясно видели, что их должности и привилегии поставлены под удар восстановлением в правах церковников, низложенных годом ранее.

Часть духовенства и народа выбрала Сергия III, другие отдали свои голоса за Иоанна IX. Первый происходил из благородного римского рода, был злейшим врагом Формоза и его деяний, и существует предположение, что он был тем самым диаконом, который во время судилища над Формозом отвечал за него на вопросы. Напротив, Иоанн IX был набожным и осторожным священником, который искренне хотел уладить скандал вокруг дела Формоза, раз и навсегда решить вопрос о правомочности его распоряжений и

восстановить на прочной основе отношения между императором и понтификом, лишенные определенности еще со времен правления последнего Каролинга.

Сергий III на протяжении какого-то времени препятствовал возведению в сан соперника, но не смог добиться собственного посвящения и был вынужден покинуть Рим. Успеху Иоанна IX, вероятно, поспособствовал император Ламберт, сумевший наглядно убедиться в том, чего мог стоить Церкви и государству спор из-за Формоза. Иоанн IX был уверен, что покровительство императора станет лучшей защитой против любых агрессивных действий со стороны приверженцев Формоза и против самоуправства римлян. Папа намеревался пойти на любые уступки Ламберту, но не ущемляющие интересы Церкви. Одновременно он пытался отвратить Ламберта от пути злоупотреблений, которые его отец практиковал, исполняя свои императорские полномочия на церковных территориях. Со своей стороны, Ламберт отдавал себе отчет в том, что самый верный способ укрепить собственную власть — это союз с Папой и сотрудничество с ним ради установления мира в королевстве и в папском государстве, которые испытали немало потрясений со времен Людовика II. Поэтому взаимопонимание между ними наладилось очень быстро и легко^[17].

Иоанн IX провел один за другим три Собора, а император созвал в Равенне ассамблею, в которой приняли участие все магнаты государства, примерно семьдесят епископов и сам Папа.

Второй Собор Иоанна IX (единственный, чьи акты сохранились) и императорская ассамблея в Равенне закончились примерно в одно и то же время. Слишком многое остается неизвестным для того, чтобы оценить значимость отдельных решений, принятых на этих двух собраниях, однако в целом они отражают желание обеих сторон достичь понимания и устранить разногласия.

На втором Соборе присутствовали епископы из Северной и Центральной Италии. Иоанн из Ареццо и Амолон из Турина, при поддержке остальных епископов из северных областей — Адальарда из Вероны, Антония из Брешии, Ильдегерия из Лодии — провели предварительную дискуссию, чтобы установить меру ответственности епископов, выступавших на процессе Формоза. В ходе дискуссии Иоанн из Ареццо выразил мнение собравшихся, заявив, что они не собирались выступать в качестве судей понтифика — «мы не судьи папскому престолу» (*non nos sedem iudicamus apostolicam*), — а хотели искоренить зло, проникшее в лоно Церкви: «зло, проникшее в церковь, окончательно искоренить». Собравшиеся зааплодировали: «И мы желаем этого, и все за это высказываемся». Амолон из Турина обратился к обвиняемым епископам с конкретными вопросами, на которые те ответили весьма уклончиво. Никто не хотел признать, что добровольно поставил свою подпись под актами Собора, все, как один, утверждали, что эти подписи подделали. Протоскриниарий Бенедикт попытался переложить свою вину на заключенного под стражу диакона. Все утверждали, что подверглись угрозам и насилию, однако в конце концов пали ниц перед Папой и собратьями, моля о милосердии за свое преступление.

Далее Собор перешел к составлению канонов: в первую очередь собравшиеся запретили впредь вершить суд над мертвецами и оправдывать это причинами юридического порядка и осудили тех, кто надругался над могилой Формоза. Святые отцы, помнившие о моральном и телесном насилии, которому их подвергли, заставляя подписать обвинительный акт Формозу, вновь подтвердили принцип абсолютной свободы действий, предоставляемой епископам: «...чтобы им было разрешено на заседаниях Собора свободно обсуждать и выносить постановления о том, что позволено в канонах святых отцов. Никого из них [епископов] нельзя терзать и, пренебрегая священными канонами, не выслушав и не обсудив, беспокоить, отбирать имущество или в темницу заключать».

Затем, вникнув в суть споров, связанных с Формозом, святые отцы возобновили запрет на перевод епископов из одной епархии в другую, подтвердили законность посвящений, сделанных Формозом, и, исходя из этого, отменили необходимость повторного посвящения в сан или подтверждения назначения тех, кого он посвятил и назначил. Собравшиеся признали

императорскую коронацию Ламберта, а коронация Арнульфа — «варварское миропомазание, вырванное силой» — была объявлена незаконной. Акты о проведении Собора Стефаном VI сожгли, а постановления Собора Феодора II и первого Собора Иоанна IX одобрили и подтвердили, но не потому, что сомневались в их законности, а чтобы установить связь между Собором, который они проводили, и предыдущими Соборами, где обсуждались те же вопросы.

Вслед за этим святые отцы утвердили приговор Сергию III и его сообщникам, и, посчитав причиной беспорядков, которыми в последнее время сопровождались каждые папские выборы, отсутствие на них императорских представителей, постановили, что отныне ни один понтифик не может быть избран в отсутствие императорских послов, имеющих право отменить выборы, если они не соответствовали каноническим требованиям. Это стало возвратом к римскому установлению 824 года, введенному Лотарем I и столь неохотно воспринятому папским престолом. Духовенство пыталось избавиться от него на протяжении долгих лет; однако последние события показали, что именно такое установление могло обеспечить порядок на выборах.

Наконец, последнее постановление вернуло епископам право вершить суд и следствие в случаях супружеской измены и тому подобных проступков на территории всей епархии, полностью исключая их из компетенции светских судов, и позволило епископам собирать в таких целях судебные заседания^[18].

На императорской ассамблее в Равенне Папа прежде всего попросил императора Ламберта подтвердить привилегию, «еще в древние времена установленную и подтвержденную благочестивейшими императорами», которая являла собой не что иное, как старинную подделку Константинова дара, основы всех папских притязаний. Затем он попросил заверить договор, который был подписан «согласно обычаю прошлых времен» (*iuxta praecedentem consuetudinem*) отцом императора Гвидо и им самим на императорской коронации.

Выше уже упоминалось о спорах вокруг предположительного содержания этого утерянного договора и его возможной связи с более ранними и более поздними договорами: сохранившимся договором Людовика (817 г.), договором Карла Лысого, известным лишь по его тенденциозному анализу, который сделал автор «*Книги об императорской власти*» (*Libellus de imperatoria potestate*); даром Оттона (961 г.). Высказывалось предположение о том, что все новые привилегии, добавленные Оттоном к условиям договора Людовика, всего лишь подтверждают привилегии, предоставленные сполетцами. Однако чтобы принять или опровергнуть эту гипотезу, необходимо располагать достоверными данными, поскольку с документами нельзя обращаться, как с математическими величинами, у которых можно вычислить среднее. Сомнений нет лишь в том, что Папа считал условия этого договора если не выгодными, то, по крайней мере, справедливыми, и именно поэтому попросил подтвердить его.

Однако Гвидо Сполетский злоупотребил полномочиями, которыми он как император пользовался на папских территориях, и решил, что может от собственного имени дарить и отчуждать земли. Теперь Папа настаивал на том, чтобы были приняты меры по предотвращению подобных злоупотреблений в будущем и чтобы был возмещен нанесенный ими ущерб.

В слабом, лишенном внутренней связи папском государстве подданные строили козни и организовывали заговоры против своего законного правителя; Папа изъявил желание, чтобы вмешательство императора положило конец «незаконным союзам» (*inlicitae coniunctiones*) подчинявшихся ему римлян, лангобардов и франков, которые, в зависимости от своей национальности, шли на сотрудничество с чужеземными державами. Папские земли кишели разбойниками; убийства, грабежи, поджоги были обычным делом, и понтифик посчитал, что восстановление порядка в его государстве возможно только при содействии императора.

Последние события и абсолютное безвластие губительно сказались на финансовых

запасах Церкви. Папа жаловался, что ему не хватает средств на содержание священников и на помощь беднякам, и за этим тоже обратился к императору.

Император Ламберт подтвердил все привилегии Папы Римского и рассмотрел остальные просьбы, сделав также распоряжения, согласно пожеланиям понтифика, по поводу сбора десятины, определил в капитулярии меры по установлению общественного порядка — который обнародовал на той же ассамблее, — согласился со всеми решениями Римского Собора, включая постановление о судебной власти епископов, но потребовал предоставить всем папским подданным право апеллировать его суду.

В капитулярии были возобновлены старинные предписания, защищавшие простых людей и духовенство от самоуправства и злоупотреблений государственных чиновников и графов. Было запрещено передавать приходы в частное владение, а приходские протоиереи получили большую дисциплинарную власть над вверенными им в подчинение священниками и церквями. В статьях капитулярии подтверждались решения Собора по вопросу о десятине, но с епископов, вступивших во владение имуществом и рентой из графской казны, потребовали уплаты денег, по традиции отчисляемых графами императору^[19].

Может показаться, что эти решения не вполне соответствовали прошениям Папы и, возможно, относились в большей степени к компетенции светских властей; но понтифик был доволен, и заседание ассамблеи завершилось пылкой речью Папы, в которой он обратился к епископам с призывом молиться за благополучие и процветание императора, оправдавшего надежды Святого Престола.

Собрание в Равенне, по всей видимости, стало одним из тех событий, которые время от времени зарождают надежду в сердцах тех, кто рад обманываться: оно показалось важным не только потому, что в отношениях между императорами и Папами наступила долгожданная определенность, но и потому, что молодой император продемонстрировал решимость подавить своей властью мятежные локальные силы. Присутствовавшей на ассамблее амбициозной императрице Агелтруде положение, которое ее сын должен был занять в ближайшем будущем, по всей видимости, показалось достойным, и по окончании собрания она отправилась в Беневенто, чтобы вернуться к делам, оставленным в августе предыдущего года. Но уже во второй раз вести, пришедшие с севера, заставили ее срочно вернуться туда^[20].

«Да склонит головы этим высокомерным людям своею мощной десницей Иисус Христос, Господь наш», — молил Иоанн IX. Однако, несмотря на то что позиции молодого императора окрепли благодаря заключенному с Папой договору, королевство все так же пронизывали ростки раздора. Не успел Ламберт вернуться в Павию, как Адальберт II Тосканский открыто восстал против него.

Сполетцы поддерживали весьма близкие отношения с представителями тосканской династии еще до прихода Гвидо к власти, сохраняли их, пока он был жив, и тосканские войска сражались на его стороне в битве при Треббии. После смерти Гвидо Адальберт II не сразу смирился с восшествием на престол Ламберта, но затем сдался^[21].

Адальберт унаследовал от отца феоды в Провансе, что позволило ему войти в круг высшей знати этого королевства и незадолго до описываемых событий жениться на Берте, дочери Лотаря II и знаменитой Вальдрады, вдове графа Тибо Вьеннского. Красивая и гордая своим королевским происхождением — хотя вопрос о его законности все же стоял — Берта была весьма известной фигурой в кругу венценосных особ. При ее дворе всегда можно было встретить влиятельных людей, которые приезжали, чтобы обсудить с ней важные вопросы, а ее влияние распространялось далеко за пределы, обозначенные ее титулом маркграфини Тосканской.

Берта была очень честолюбива, и поговаривали даже, что именно она подстрекала мужа на бунт с целью получить корону. Это предположение, впрочем, безосновательно, поскольку Адальберт никогда не выдвигал своей кандидатуры, а всецело поддерживал Людовика Прованского.

Адальберт Тосканский поднял мятеж по иным причинам. Он укрывал у себя бежавшего из Рима Сергия III, и чуть более поздний источник сообщает о том, что все епископы Тосканы были противниками Формоза. В августе 898 года, когда Адальберт уже решился на бунт или был готов принять это решение, епископ Пьяченцы, Эверард, датировал свои документы эрой правления Беренгария. Сам Беренгарий в феврале того же года уже покинул границы своего королевства и вошел в Милан, а архиепископ Ландольф последовал за ним и ходатайствовал за некоего Эрменульфа, для которого Беренгарий составил грамоту в непривычном для себя тоне щедрого и великодушного к своим верноподданным правителя. Позже выявилась связь Беренгария с архиепископом Равеннским Иоанном, врагом Формоза, а Сергий III, ставший к тому времени Папой, был готов возложить на его голову императорскую корону^[22].

Все это не более чем догадки; но за мятежом Адальберта с большой долей вероятности стояло широкое повстанческое движение, политические причины которого переплетались и смешивались с причинами псевдорелигиозного порядка, в свое время вызвавшими обострение споров о Формозе.

Адальберт взял себе в союзники графа Хильдебранда, которого, как и его самого, заключил под стражу Арнульф в 894 году. Они собрали войско и отправились к Павии по дороге через Чизу.

Ламберт был на охоте в Маренго, когда ему сообщили о приближении мятежников. Не теряя времени на сбор войска, он вместе с всадниками из своего окружения, хотя их было не более ста, отважно ринулся навстречу врагу.

В Павии они узнали, что войско Адальберта и его союзника расположилось лагерем на берегах Сестериона, близ Борго — Сан-Доннино. Оно было многочисленным, но не имело никакого понятия о дисциплине: его brave воины отдали должное еде и вину, устроили шумное гулянье с песнями и улеглись спать, ни на миг не задумавшись об опасностях, которые могли их подстергать.

Ночью Ламберт со своими всадниками напали на погружившийся в сон лагерь и расправились с теми, кто не успел убежать. Графу Хильдебранду удалось скрыться, но Адальберта, который спрятался в хлеву, схватили и отвели к Ламберту.

Общеизвестным фактом являлось то, что маркграф Тосканский во всех своих делах следовал совету жены, и намек на это содержится даже в надписи на ее могиле^[23]. Однако Лиутпранду не кажется правдоподобной приписываемая Ламберту язвительная фраза: «Твоя жена была права, когда говорила, что если ей не удастся сделать из тебя короля, это будет означать, что ты просто осел. Ты не стал королем и очутился в хлеву». Как бы то ни было, маркграфа вместе с остальными пленниками отправили в Павию дожидаться суда, на котором должна была решиться его судьба.

Ламберт вернулся в Маренго и возобновил охоту, но 15 октября лошадь, на которой он преследовал дикого кабана, споткнулась и упала, увлекая за собой наездника. От удара о землю Ламберт мгновенно скончался.

Слишком большие надежды возлагались на молодого императора, красивого, энергичного, чтобы все поверили в несчастный случай. Рассказывали, что его убил Гуго — оставшийся в живых сын графа Манфреда Миланского. Ламберт осыпал его дарами, чтобы заставить забыть о гибели отца, но тот не забыл и, однажды оказавшись наедине с заснувшим императором в чаще леса, убил его мощным ударом дубины по голове, инсценировав падение с лошади. Якобы позже он признался в совершенном им преступлении.

Другие говорили о причастности Амолонa, епископа Турина, которого туринцы ненавидели настолько, что с радостью придумали историю о том, как в наказание за его преступление его унес с собой дьявол. Он появился перед Амолоном в виде лисы, когда тот был на охоте; епископ последовал за исчадием ада и больше не вернулся^[24].

Павший жертвой убийцы или несчастного случая, Ламберт умер, унося с собой множество самых смелых надежд.

Выдающийся потомок франкского рода,
Ламберт был могущественным цезарем на земле —

так начинается гордая надпись на его могильном надгробии.

Он был вторым Константином, вторым Феодосием —

продолжает автор эпитафии. Сравнение с Константином объясняется легко, поскольку созыв ассамблеи в Равенне и договор с Папой после ужасающего кризиса, связанного с процессом Формоза, многим могли показаться зарей новой эры в истории Церкви. А вот сравнение с Феодосием требует более развернутого объяснения, к тому же не столь очевидного. Вероятно, автор эпитафии не хотел во второй раз ссылаться на заслуги Ламберта перед Церковью, сравнивая его с Феодосием, поскольку уже поставил его в один ряд с Константином. Следовательно, Ламберт должен был иметь какие-то другие общие с Феодосием заслуги: он якобы составил для своих подданных редакцию римского права, известную ученым как «*Lex romana utinensis*», по названию места, где был найден первый манускрипт. Однако лингвистические особенности этого труда позволяют предположить, что он был создан в экзархате, если не в самой Болонье^[25].

Не переставая восхвалять императора, автор эпитафии говорит о его любви к миру, о его военной доблести; подчеркивая, что он ушел из жизни так рано потому, что его подданные были недостойны его. Видоизменив фразу из литургии, автор завершает надгробную надпись тихой молитвой:

Скажи же, путник, вместе со мной веруя и моля:
О Боже, пусть он окажется среди поющих ангелов!^[26]

Во всем облике Ламберта, в трагическом конце его жизни и в возлагавшихся на него трепетных надеждах было нечто столь возвышенное и поэтическое, что неизвестный поэт вспомнил сцену гибели юного Палланта. Весьма кстати в память о молодом императоре прозвучали стихи, которые Вергилий посвятил итальяскому герою:

Какой невыразимо нежный цветок увял.

III. БЕРЕНГАРИЙ И ЕГО НОВЫЕ СОПЕРНИКИ

Примирительная политика Беренгария. — Венгры. — Людовик Прованский и его первый поход в Италию. — Второй поход. — Гуго Вьеннский. — Беренгарий, Иоанн Равеннский и Сергей III. — Первый поход Гуго Вьеннского в Италию. — Императорская коронация Беренгария. — Две жены Беренгария. — Мятежи и заговоры. — Итальянское королевство в руках Рудольфа II Бургундского. — Кончина Беренгария I.

Ламберт умер 15 октября, а 6 ноября Беренгарий уже был в Павии.

Неизвестный поэт рассказывает, что целая делегация итальянских сеньоров отправилась к Беренгарию и обратилась к нему с такой речью:

Благочестивый король!
Снизойди до наших тягот,
Дабы мы не принуждались впоследствии
Находиться под двумя тиранами.
Поскольку угодно, чтобы лишь ты
Один властвовал на латинскими делами.

(Gesta Berengarli, III, 288–290)

Беренгария не пришлось звать дважды, а может быть, он даже не стал дожидаться приглашения и немедленно отправился в Павию.

Сполетская династия угасла: Арнульф был парализован, Адальберт Тосканский томился в темнице. Никто не оспаривал у Беренгария права на Итальянское королевство, и он беспрепятственно взял бразды правления в свои руки. Он вызволил Адальберта из заточения (что можно воспринимать как доказательство их связи и общности во время мятежа), формально примирился с императрицей Агельтрудой, пообещал ей свою дружбу и оставил ей все те щедрые дары, которые сделали ее муж и сын. В отношении тех, кто сражался против него, он выработал примиренческий подход и принял под свое покровительство людей, которые прежде входили в близкое окружение Гвидо или Ламберта: маркграфа Ансария, Гаменульфа, епископа Модены, Амолона, епископа Турина (которого, вопреки надеждам туринцев, еще не утащил дьявол), Зенобия, епископа Фьезоле, графа Сигифрида из Пьяченцы.

Беренгарий был в прекрасных отношениях с Папой Римским, которые не испортились после предпринятой им поездки в Эмилию, хотя некоторые сомнения по этому поводу все же существовали^[1]. Однако Беренгарий еще не успел в достаточной степени укрепить свое могущество за пределами своих наследных доменов, когда в Италию вторглись венгры.

Это было первое столкновение Запада с венграми, за которым последовали 55 лет варварского террора в христианской Европе. Беренгарий, как и все его современники, не имел ни малейшего представления о том, насколько опасны и сильны варвары, поэтому он быстро собрал войско и отправился навстречу врагу.

Миновав восточную границу Италии, варвары быстро продвигались к Павии, по своему обыкновению изредка отклоняясь от выбранного направления вправо и влево.

После смерти Ламберта и Гвидо IV, правителя Сполетского маркграфства, Беренгарию нужно было как-то уладить земельный вопрос в Центральной Италии, где он и находился в тот момент; он собрал весьма многочисленное войско — речь шла о пятнадцати тысячах его воинов против пяти тысяч венгров — и спустился в долину р. По, намереваясь переправиться через реку в районе Пьяченцы.

Приближение королевского войска вынудило венгров поспешно отступить; Беренгарий пересек По и следовал за ними по пятам. Венгры добрались до р. Адды и стали переправляться через нее в такой спешке, что многие утонули. С противоположного берега этой реки они направили к Беренгарию посольство, предлагая вернуть ему все трофеи, взятые ими, с тем чтобы он отказался от дальнейшего преследования и позволил им вернуться на родину.

Но победа над противником, который практически не выказывал никакого желания сражаться, была очень нужна Беренгарию и его советникам: она значительно подняла бы его престиж и привлекла бы на его сторону всех тех, кто до сих пор сомневался и выбирал, к кому примкнуть. Беренгарий нуждался в крупной победе и отверг предложение венгров.

Преследование возобновилось и продолжалось до самой Вероны. В окрестностях этого города произошла первая стычка между арьергардом венгров и итальянским авангардом, который оказался в худшем положении. Вовремя подоспевшие главные силы итальянцев отразили контратаку венгров, однако до настоящего сражения дело так и не дошло. Решающее столкновение произошло спустя несколько дней, 24 сентября 899 года, на переправе через р. Brenta, после того как новые предложения венгров о мире были вновь отклонены. Ведомые отчаянием, варвары внезапно атаковали королевский лагерь.

Тогда-то и обнаружился скрытый изъян войска Беренгария, отряды которого по большей части были набраны на территориях, подвластных сполетской династии. Воины продолжали воспринимать короля как старинного врага их сеньоров. Занятые мелочной враждой, они забыли о смертельной опасности, ставшей реальностью, не сумели или не

захотели поддержать друг друга, и внезапное нападение венгров превратилось в ужасающую резню.

Разгромив войско Беренгария, венгры устремились в поданскую равнину. Повторяя уже единожды испробованные пути или выбирая новые, они совершали молниеносные набеги, стремясь урвать как можно больше добычи. Прошел почти год, прежде чем они удовлетворились награбленным и повернули обратно.

Беренгарий нашел прибежище в Павии. Магнаты королевства возложили на него всю вину за постигшее страну бедствие (хотя каждый из них в какой-то степени был виновен в произошедшем) и вместо того, чтобы сообща, в полном согласии, искать способ изгнать венгров и помешать им еще раз вторгнуться в страну, не придумали ничего лучшего, чем организовать заговор против Беренгария и предложить корону Людовику Прованскому, единственному на тот момент кандидату^[2]. Не слишком правдоподобным кажется предположение о том, что подобный выбор был продиктован сторонниками старинной франкской партии, которые во времена Иоанна VIII выступали в поддержку Каролингов Франции против Каролингов Германии, а затем встали на сторону Гвидо Сполетского в его противоборстве с Беренгарием.

Сближение двух частей Итальянского королевства произошло благодаря не заслугам одного из двух королей, а случайности, повлекшей за собой гибель Ламберта, и говорить о восстановлении единства королевства было еще рано.

Беренгарий не выдержал основного испытания правителя, и высшие слои духовенства и знати — а за ними и весь народ — почувствовали необходимость в таком государе, который бы олицетворял собой государство, проводил бы его политику — которую они с большим удовольствием направляли бы в нужное русло — и, прежде всего, обеспечивал бы его защиту.

Сполетская династия прекратила свое существование; Адальберт Тосканский решил не выставлять свою кандидатуру, хотя обладал воистину королевскими богатством и могуществом (или, может быть, как раз поэтому), а гораздо менее богатый и влиятельный маркграф Иврейский не осмеливался даже заикнуться о своих претензиях. Поэтому магнатам, которые хотели заменить Беренгария другим королем, пришлось искать его за пределами Италии.

Решения итальянских сеньоров предложить корону чужеземцу следовало ожидать в первую очередь, поскольку большинство из них были чужаками и насчитывали, самое большее, три поколения предков, живших по эту сторону Альп, и гордились своим иноземным происхождением.

Кроме того, избрание короля из чужеземцев не должно было повлечь за собой подчинение Итальянского королевства другому государству: Лангобардское королевство сохранило свою самобытность в недрах империи Карла Великого, хотя и стало называться Итальянским. Представители франкской знати частично вытеснили знатных лангобардов с высших светских и духовных постов в государстве, но от этого королевство лангобардов не перестало существовать и не потеряло своей автономии. Ассамблея магнатов продолжала проводить в жизнь партикуляристские тенденции даже тогда, когда представители франкских семейств составляли в ней подавляющее большинство. Например, еще со времен Лотаря I участники ассамблеи претендовали на право отбирать королевские капитулярии по принципу годности или непригодности для Италии, а в момент избрания Карла Лысого не поклялись беспрекословно повиноваться ему, а лишь согласились выполнять те его распоряжения, которые были приняты с их согласия^[3].

По всей видимости, в понимании итальянских магнатов, передать итальянскую корону чужеземцу означало лишь создание личной унии двух государств.

Жизнестойкостью Итальянского королевства, впрочем, объясняется, почему те, кто очень давно иммигрировал или происходил из древних лангобардских родов, воспринимали слово «Италия» не просто как расплывчатое географическое понятие. Если неизвестному

поэту нравилось называть Беренгария итальянским или латинским героем, если он всегда подчеркивал иностранное происхождение его соперников и их сторонников, считая это целесообразным, очевидно, что все это не проходило незамеченным для тех, кто его слушал. Впрочем, чувство итальянского национального самосознания было еще слишком неопределенным для того, чтобы кто-то решительно возвел его в ранг ценности и нашел последователей своего убеждения. Долгое время это чувство основывалось на ощущении себя потомками древних римлян, на ощущении превосходства над «варварами», покорившимися Риму. Столь же долгое время это чувство искало выхода за пределы узкого кружка людей, которые не задумывались о том, как из литературно-сентиментальной плоскости перевести его в сферу политики^[4].

У итальянских магнатов, занятых поисками нового короля, не было большого выбора: из Каролингов Германии оставался сын Арнульфа, совсем еще ребенок, который вошел в историю под именем Людовика Дитяти^[10]. Единственный Каролинг Франции, Людовик Простоватый^[11], безусловно, не мог вмешаться в дела Италии. Один только Людовик, король Прованса, приходясь внуком — хотя и по женской линии — Людовика II, казался подходящим претендентом на корону Италии.

Людовик Прованский был молод, поскольку Эрменгарда, дочь Людовика II, произвела его на свет, самое раннее, в 877 г. Бозон, его отец, в 879 г. провозгласил себя королем Прованса. В 882 г. Бозон лишился большей части своего королевства и скончался в 887 г.: последние принадлежавшие ему земли перешли во владение Карлу Толстому, а вдова Эрменгарда с детьми нашла прибежище в Бургундском герцогстве.

Эрменгарда была честолюбивой женщиной. В молодости она была обещана в жены византийскому императору Василию I, а став супругой герцога Бозона, говорила, что «не хочет жить, если... будучи дочерью императора, обещанной в жены императору Греции, не сделает своего мужа королем...». После смерти мужа она перенесла свои амбициозные надежды на сына: в 887 году ей удалось представить его Карлу Толстому и добиться того, чтобы король признал мальчика своим приемным сыном^[5].

Сложно сказать, чем руководствовался, принимая решение об усыновлении, Карл Толстый, который сам стремился обеспечить право наследования одному из своих незаконнорожденных сыновей. Возможно, он хотел дать юному Каролингу возможность в будущем возродить королевство своего отца, однако приверженцы мальчика посчитали, что Карл сделал его наследником императорской короны. Об амбициях Эрменгарды и ее окружения свидетельствует любопытный документ, известный ученым под названием «*Видение Карла Толстого*» (*Visio Caroli Crassi*).

В нем рассказывается о путешествии души Карла Толстого в загробный мир, где он увидел, как его предки и их недобросовестные советники претерпевали муки чистилища ада, а затем повстречал в раю Лотаря I и Людовика II. Первый поведал ему о его скорой кончине, а второй приказал передать империю его внуку: «Римскую империю, которой ты управлял, по праву наследства должен получить Людовик, сын моей дочери». Свое пропагандистское сочинение автор завершил безапелляционным заявлением: «Пусть все знают, что, хотя бы они того или нет, согласно предназначению Божию, в его руки попадет вся Римская империя»^[6].

В 888 году, когда было написано «*Видение*», юный возраст Людовика еще не позволял его сторонникам добиваться для него императорской короны и оспаривать моральное право Арнульфа на нее. Матери и советникам Людовика пришлось удовольствоваться возможностью восстановить королевство Бозона при поддержке Папы Стефана V и с одобрения Арнульфа. Более того, даже это оказалось непростым делом, так как королем мальчик стал только осенью 890 года, тогда как коронации Беренгария, Эда и Рудольфа проходили с 887 по 888 год.

Первые годы правления Людовика III — под чутким руководством матери и старых советников его отца — не ознаменовались какими-либо значительными событиями, но между 894 и 896 годом, о чем уже упоминалось, Арнульф Германский и Лев VI

Византийский решили использовать его в борьбе против сполетской династии.

Эта политическая комбинация расстроилась, однако Людовик не отказался от притязаний на Италию и, по всей видимости, открыто заявил итальянцам о своих правах на королевство и на императорскую корону. Если в то время престарелая императрица Ангельберга была еще жива, то в Северной Италии ее племяннику было обеспечено содействие тетки и всех ее родственников. Союзницей Людовика в Центральной Италии была Берта Тосканская, дальняя родственница и подруга молодого короля, которая, возможно, хотела извлечь выгоду из этой дружбы.

...вновь ядовитого
Зверя шипенье стало доноситься с Тирренских берегов,
Привлекая народы Роны...

(Gesta Berengarii, IV, 2–4)

Еще одной сторонницей юного Людовика III была императрица Агельтруда, которая заключила мирный договор с Беренгарием, поклялась ему в вечной дружбе, но не сдержала обещания. Именно она, вне всякого сомнения, настроила в его пользу прежних приверженцев сполетской династии. Адальберт Иврейский, который унаследовал маркграфство от отца примерно в 896 году, одним из первых примкнул к сторонникам нового короля. Учитывая месторасположение его владений, Адальберт чаще всех выступал в качестве курьера и проводил переговоры^[7]. Папа Бенедикт IV не только высказал свое высочайшее одобрение, но и, по всей видимости, договорился с королем Прованса, что его новый визит в Италию завершится императорской коронацией.

Людовик III приехал в Италию в конце сентября 900 года, а 5 октября в Павии произошло его официальное избрание королем на ассамблее светских и церковных магнатов. Присутствовали маркграф Иврейский, маркграф Тосканский, Лиутард, епископ Комо, которого немедленно назначили архиканцлером королевства, Сигифред, граф Пьяченцы, сохранивший должность графа дворца и получивший титул маркграфа, а также Петр, епископ Реджо.

Даже не попытавшись воспротивиться этому, Беренгарий укрылся по другую сторону Адды в своих наследных владениях, разграбленных венграми. Новый король отправился в Рим через Болонью и, не встретив серьезного сопротивления, кроме локальных мятежей, вошел в город, где 22 февраля Бенедикт IV короновал его императором^[8].

То, с какой легкостью, не встретив никакого противодействия, Людовик III получил императорскую корону, позволяет предположить, что все происходило по давнишней договоренности и что еще до своего отъезда из Прованса Людовик был абсолютно уверен в том, что его поход в Италию завершится триумфальной реставрацией империи.

Очевидно, что Бенедикт IV и его советники надеялись на то, что во главе империи встанет последний потомок Каролингов, которые подчас использовали авторитет Церкви в своих целях и напоминали ее служителям о силе своей власти, но в целом были ее верными и преданными помощниками.

Курия смогла на опыте последних лет убедиться в том, что сильная политическая власть, подкрепленная авторитетом императора, сможет защитить папство от нападок городских аристократов и феодальной знати папского государства.

По традиции, понтифик должен был с самого начала переговоров заявить об условиях, в целом идентичных тем, которые были предъявлены Гвидо Сполетскому во время его императорской коронации и позже подтверждены Ламбертом на ассамблее в Равенне.

Восхождение Людовика III на трон стало бы для Святого Престола компенсацией за разочарование, которое в 896 году было связано с болезнью Арнульфа, а в 898 году — с гибелью Ламберта. Свидетельством тому, какое значение присваивалось этому событию, является ассамблея епископов Итальянского королевства и папского государства, собравшихся в Риме, чтобы присутствовать на коронации, а также обсудить важнейший

вопрос «о благополучии Святой Церкви Господней и положении королевства» (*de stabilitate Sancte Dei Ecclesie regnie publice statu*).

Однако к моменту императорской коронации Людовик уже несколько сдал свои позиции, судя по тому, что на римской ассамблее практически не было крупных итальянских феодалов, представителей мирян.

Пробыв в Риме примерно два месяца, Людовик вернулся в Павию через Сиену и Лукку. По дороге он остановился у Адальберта Тосканского, и после этого краткого визита императора к вассалу отношения между ними значительно ухудшились. Хронисты объясняют это тем, что Людовик позавидовал невиданному богатству Адальберта, однако в реальности неприязнь императора имела гораздо более веские причины^[9].

Судя по грамотам, выпущенным императорской канцелярией, Людовик III правил так же, как и его предшественники: оказывал расположение в равной степени церквям, монастырям и вассалам, подтверждал привилегии, делал щедрые подарки, жаловал государственное имущество, но не пытался продолжить активную деятельность Гвидо и Ламберта.

Все королевство, от Ивреи до Сполето, признало власть нового императора, и лишь маркграфство Фриули оставалось последним оплотом Беренгария. Пока его соперник почивал на лаврах, Беренгарий, оставаясь в Вероне, медленно, но верно вносил разлад в ряды союзников Людовика, и одного за другим, обещаниями или лестью, привлек на свою сторону всех тех представителей мирян и духовенства, которые имели какие-либо причины для недовольства новым правителем.

На настроения итальянских магнатов неблагоприятным для Людовика образом повлияло новое нашествие венгров, которое император не сумел предотвратить, однако самым серьезным ударом по его авторитету стало отступничество Адальберта Иврейского. Беренгарий склонил его на свою сторону, предложив ему в жены свою единственную дочь Гизлу.

Когда недовольные превратились в мятежников, Беренгарий решил открыто выступить против императора. Людовику не удалось собрать столь же многочисленное и сильное войско, как у соперника, поскольку изменников оказалось слишком много, а в оставшихся союзниках он не был полностью уверен. Подкрепления из Прованса ждать не приходилось, так как Адальберт Иврейский перекрыл туда дорогу, и поэтому, проиграв первое же рядовое сражение, император начал переговоры. В итоге он торжественно поклялся оставить Италию и никогда более не возвращаться в ее пределы^[10].

Беренгарий вновь взял власть в свои руки, не стал мстить тем, кто перешел на сторону соперника, оставил Сигифреда на должности графа дворца и принял в свое окружение епископов, которые уже побывали при дворе Людовика, а теперь снова подчинялись Беренгарию, поскольку были вынуждены — если хотели остаться на своей кафедре — сохранять хорошие отношения с правящим королем, какие бы чувства они к нему ни испытывали.

После пребывания в Италии, продлившегося примерно 22 месяца, у Людовика, помимо бесполезного титула императора, остался предлог, под которым он нарушил бы данную им клятву, если бы представился малейший шанс на успех в попытке отвоевать королевство.

На этот раз ему снова помогли венгры, от набега которых летом 904 года понесла серьезный урон Северная Италия.

Помня о поражении при р. Бренте и о его политических последствиях, Беренгарий решил на этот раз не вступать в сражение. Он предпочел начать переговоры и сумел заключить перемирие, обязавшись платить венграм ежегодную дань, которая должна была лечь на плечи не только простых людей, но и знатных светских и церковных лиц. Однако светские магнаты и духовенство не хотели ни сражаться, ни платить, надеясь избежать и того и другого при помощи нового государственного переворота, поэтому они попросили Людовика вернуться. Берта Тосканская и ее муж Адальберт, который, видимо, не сумел

вновь войти в доверие к Беренгарию, приняли участие в этих переговорах^[11].

В конце мая Людовик перешел через Альпы и 4 июня уже завладел Павией. Собрав войско из отрядов, которые ему прислали его сторонники, он выступил против Беренгария. Страдавший от четырехдневной лихорадки Беренгарий отошел к озеру Гарда; за ним последовали канцлер Амвросий и архиканцлер Ардинг, который не перешел на сторону врага, как в 900 году. В руки Людовика тем временем попала Верона, вторая столица королевства, столь дорогая сердцу Беренгария.

Сторонники Людовика, вдохновленные епископом Адалардом, захватили Верону и передали ее императору, пока Беренгарий отступал по горным дорогам Трентино к границе Баварии и распространял о себе противоречивые слухи: в одних говорилось, что он укрылся в Баварии, в других — что он умер.

Неосторожный Людовик посчитал, что опасность миновала. Он распустил войско и «занимался мирными и спокойными вещами», то есть осыпал почетными должностями, знаками отличия, феодами и бенефициями тех, кто помог ему вернуть власть, и предался веселью вместо того, чтобы уделить внимание государственным делам.

Тем временем Беренгарий достал необходимое количество оружия и собрал войско, которое было не слишком многочисленным, зато состояло из доблестных и преданных людей, а также баварских наемников. Двадцать первого июля он подошел к Вероне, и кто-то из верных ему людей, с которыми он поддерживал связь, ночью открыл ему ворота. Воины Беренгария перешли мост над Аддой и на заре поднялись на холм св. Петра.

Разбуженный бряцанием оружия и криками солдат, Людовик бежал из дворца, в котором ночевал, и укрылся в ближайшей церкви, однако его нашли, схватили и ослепили.

Лиутпранд Кремонский рассказывает, что Беренгарий какой-то двусмысленной фразой обманул единственного человека, который знал, где прятался император, чтобы схватить его и ослепить. Напротив, неизвестный поэт возлагает ответственность за содеянное на приспешников Беренгария, которые ослушались своего государя, который, как обычно, хотел проявить милосердие и отправить Людовика живым и здоровым в его земли.

Ослепление соперника было варварским обычаем Каролингов: всем известна печальная судьба Бернарда, короля Италии, который поднял мятеж против своего дяди, Людовика Благочестивого, и был ослеплен так неумело, что спустя три дня скончался. Беренгарий во многих случаях был милосердным, однако не нужно забывать о том, что Людовик вернулся в Италию, нарушив данную им клятву. Беренгарий жестоко расправился с Иоанном Бракакуртой, веронцем и сторонником Людовика, который попытался спрятаться на колокольне, но был схвачен, осужден и казнен на главной городской площади; жестоко наказал он и графа Сигифреда, преследуя его вплоть до самого последнего прибежища. Все это позволяет предположить, что и с Людовиком Беренгарий вполне сознательно обошелся столь сурово. Неизвестный поэт пытался снять со своего господина ответственность за этот жестокий поступок, что вполне понятно. Что же касается Лиутпранда, его рассказ восходит к фольклорному поэтическому сочинению, которое было проникнуто жалостью к молодому императору. По всей видимости, в нем проводилась параллель между участием императора и гибелью самого Беренгария, который был убит на пороге той самой церкви, где схватили и ослепили Людовика^[12].

В первом и, возможно, во втором походе Людовика участвовал Гуго Вьеннский, будущий король Италии. Он родился в Лотарингии, между 880 и 881 годом от второго брака графа Тибо с Бертой, дочерью Лотаря II Лотарингского и Вальдрады. В 885 году вместе с матерью, братом Бозоном и сестрами Тевтбергой и Эрменгардой Гуго последовал за отцом в Прованс и в 899 году унаследовал его титул и полномочия графа Вьеннского^[13].

Насколько известно, тогда Гуго не был значительной фигурой. Однако его острый ум, позже проявившийся в полную силу, позволил ему сделать правильные выводы из того, что происходило в походах, а также из дальнейших событий, в которых его мать, сочетавшаяся

вторым браком с Адальбертом Тосканским, сыграла решающую роль.

Очевидно, первой и самой серьезной ошибкой Людовика было то, что он полностью доверился итальянским сеньорам. Жителей Прованса, которых он повел за собой, было очень мало; из них лишь Адалельм, граф Валансьенский, графы Ротерий, Роббальд и Лиуфред, канцлер Арнульф, епископ Исаак Гренобльский оставили след в истории.

Людовик не сумел поставить преданных ему людей на места тех сановников, чьи полномочия были столь обширными, что приглашенный и избранный ими император тотчас же оказался в их власти. И как только он им надоел, они предали его и вернулись к Беренгарию^[14].

Кроме того, Людовик переоценил значимость императорского титула и поддержку со стороны духовенства. Безусловно, этот фактор был немаловажным, и именно служители Церкви поспособствовали укреплению власти Гвидо и Ламберта, но оба эти короля черпали средства и набирали людей в их старинном герцогстве, а также доказали, что достаточно сильны и могут выстоять самостоятельно. Людовику всего этого не доставало: людей, денежных средств.

Эти, а также другие выводы должен был сделать граф Гуго, который знал о происходивших тогда событиях и о тех, кто их спровоцировал, гораздо больше, чем мы теперь, и мог бы употребить их себе на пользу, став первым человеком, научившимся на ошибках других.

Гуго был ближайшим родственником Людовика III в Провансе. Благодаря этому обстоятельству, а также своим личным качествам он стал главным человеком в королевстве, когда император вернулся на родину слепым и непопулярным.

Авторитет Гуго рос в ущерб интересам графа Тевберта, который с 890 по 908 год выполнял функции маркграфа Прованского, хотя и не носил такой титул. Титул и полномочия маркграфа король передал своему фавориту: Гуго, граф Вьеннский, стал именоваться также герцогом и маркграфом, сохранив эти титулы до самой смерти; и он неизменно упоминал их во всех документах, закрепив этот обычай как протокольную норму.

Будучи маркграфом Вьеннским и герцогом Прованским, Гуго пользовался своей властью на всей территории королевства: он ходатайствовал перед Людовиком III обо всех делах подвластных ему графств, в которых он правил лично, а также возглавлял оборону от сарацин^[15].

Если за пределами Прованса Гуго называли «графом Арелатским или Прованским» (*Arelatensium seu Provincialium comes*), то в Провансе о нем говорили, как об «именитом маркграфе, который правил государством при императоре Людовике» (*inclitus marchio qui rempublicam sub Ludovico imperatore regebat*). Располагая воистину королевской властью, Гуго покровительствовал своим родственникам, которые немало сделали для его возвышения. Так, его брат Бозон стал графом Везона и Авиньона, его племянник Манассия — архиепископом Арля. Неудивительно, что и себе и своему брату он выбрал жен тоже в соответствии с политическими соображениями.

Когда расстроились планы Людовика Прованского взять в жены византийскую принцессу, он сочетался браком (точная дата заключения которого неизвестна) с Аделаидой, дочерью Бургундского короля Рудольфа I, очевидно стремясь к укреплению добрососедских отношений. Бозон женился на сестре новобрачной Вилле, а Гуго поспешил предложить руку и сердце королеве-матери, которую тоже звали Виллой, как только она стала вдовой Рудольфа I (912–913 гг.).

Конечно, союз с династией бургундских королей обещал стать весьма выгодным для прованских молодоженов, и Гуго, взявший в жены овдовевшую королеву, которая была гораздо старше его, по всей видимости, не был самым непритязательным из всех троих. Он явно надеялся на то, что в скором времени станет опекуном наследника Бургундского королевства, Рудольфа II, которому было 8 (или 10) лет. Можно представить себе, какие выгоды могло принести это опекунство маркграфу Вьеннскому, не привыкшему мучиться угрызениями совести. Однако Гуго ждало разочарование, поскольку вскоре королева Вилла

умерла на его руках и об опекунстве более никто не заговаривал^[16].

Примерно в это же время Гуго решился на другую авантюру, которая тоже завершилась неудачей и чуть не стоила ему жизни.

Огромной власти в Провансе ему не хватало; было очевидно, что Гуго хотел править от собственного имени. Неудачное завершение первого похода Людовика III в Италию и кошмарный исход второго нисколько не смутили Гуго. Он сам решил стать итальянским королем, опираясь на более или менее тесные связи, которые Людовик сохранил с некоторыми итальянскими сеньорами, и на поддержку своих родственников в Тоскане, невзирая на то, что обстоятельства не были достаточно благоприятными.

В то время когда Гуго стремительно поднимался вверх по иерархической лестнице в Провансе, Беренгарий спокойно правил в Италии.

Среди тех, кто примкнул к числу сторонников Людовика III во время его первого похода, а затем вернулся в окружение Беренгария, Петр, епископ Реджо, оказался в наиболее выгодном положении. С 902 по 913 год этот епископ пользовался особым расположением короля и ходатайствовал перед ним за других. Сигифред, граф Пьяченцы и граф дворца Беренгария, сохранил свои привилегии, перейдя на сторону Людовика III, который дал ему титул маркграфа (неизвестно, какой области). Позже Сигифред примирился с Беренгарием и, хотя и потерял маркграфский титул, продолжал оставаться графом Пьяченцы и графом дворца. Возможно, желание вернуть себе маркграфство заставило его вторично переметнуться к Людовику, и на этот раз Беренгарий его не простил.

Епископ Брешианский, Ардинг, потомок Суппонидов, двоюродный брат Людовика III и шурин Беренгария, в 900 году примкнул к лагерю кузена, но затем примирился с шурином, стал архиканцлером в 903-м и остался верен Беренгарию в кризисном 905 году.

На политической арене, заменяя умерших или смещенных, рядом с уже известными персонажами появлялись новые люди, выказавшие наибольшую преданность правителю.

В Итальянском королевстве царил покойствие. Как уже говорилось, для того чтобы привлечь на свою сторону Адальберта Иврейского, Беренгарий отдал ему в жены свою дочь Гизлу. У Беренгария не было сыновей, и этот брак сделал из маркграфа возможного наследника престола. Предполагалось, что он сможет достойно защитить западную границу королевства, несмотря на измену, на которую он пошел в 905 году.

Заключенное с венграми перемирие являлось, по крайней мере, временной гарантией спокойствия на восточной границе, и, чтобы обезопасить страну от их новых набегов, король отдал приказ о начале строительства крепостных стен и замков^[17].

С тех пор как умер Арнульф, ничто не угрожало северным границам королевства. Людовик Дитя и Конрад Франконский^[12] были вынуждены бросить все свои скромные силы на борьбу с венграми, славянами, мятежными феодалами и не отваживались напасть на Италию.

С Адальбертом Тосканским, который после первого отступления Людовика из Италии примирился с Беренгарием, а затем оказался главным виновником вторичного вторжения короля Прованса, Беренгарий был холоден, но вежлив. Маркграф возглавлял судебные собрания от королевского имени, но власть короля на землях, подвластных маркграфу, была чисто номинальной: за все те годы он не выпустил ни единой грамоты, касающейся Тосканы.

И хотя Беренгарий обладал реальной властью на гораздо меньшей территории, чем та, на которой он был признан королем, его могущество все же мало-помалу росло. Канцелярия, где в смутный период 900–901 годов трижды сменился архиканцлер, а в дальнейшем царил хаос и безвластие, в 908 году была реформирована в соответствии с новым распорядком. Королевские посланцы регулярно созывали судебные собрания, и крупные прелаты Северной Италии, уже достаточно влиятельные, получали от короля дары и привилегии, благодаря которым успешно укрепляли свою власть в городах. Они демонстрировали глубокую преданность королю, морально и материально поддерживали его служащих и сами становились королевскими чиновниками^[18].

В 905 (или 906) году Иоанн архиепископ Равеннский также возобновил отношения с

королем. Состоялась встреча, на которой они торжественно пообещали друг другу самое широкое содействие.

Не облеченный императорским титулом Беренгарий не мог распространять свои полномочия на равеннский экзархат, подобно Гвидо и Ламберту. Однако теперь власти экзархата стали проводить политику взаимодействия с королевством: у могущественного архиепископа Равеннского, который надеялся стать Папой Римским, появился один весьма серьезный повод для налаживания отношений с королем, стремящимся стать императором^[19].

Иоанн Равеннский был весьма яркой фигурой, и поскольку его судьба, как и судьбы других не менее выдающихся личностей, является неотъемлемой частью истории описываемого периода, рассказать о ней необходимо.

Еще будучи диаконом, Иоанн часто ездил в Рим в качестве посланника архиепископа Равеннского Кайлона к Папе Иоанну IX.

Процесс Формоза, смешения епископов, а также канонические и политические последствия этого скандала вызвали брожение умов в Риме и за его пределами. И несмотря на то, что и отправивший Иоанна с поручением архиепископ, и принимавший его Папа были сторонниками Формоза, ловкий диакон сумел наладить отношения с его противниками. Самым ярким представителем их группировки был Феофилакт, человек знатного происхождения, которому было суждено добиться оглушительного успеха.

Иоанн IX умер в марте 900 года, после чего один за другим на папском престоле появились два человека из числа сторонников Формоза. Однако в 904 году на сцену вернулся тот самый Сергей, которого в 898 году избрали одновременно с Иоанном IX, после чего ему пришлось уступить место сопернику и отправиться в изгнание.

В молодости Сергей III столь явно демонстрировал свои амбиции, что Формоз направил его епископом в Черре, чтобы удалить его от Рима и обуздать его стремление к папскому престолу. После смерти Формоза Сергей отказался от епископского сана и вновь стал диаконом, чтобы получить посвящение от Стефана VI. Его близкие отношения со Стефаном VI дали почву предположению, что именно он был тем самым диаконом, который во время позорного судилища отвечал от имени мертвого Формоза.

Когда умер Феодор II, противники Формоза избрали Сергия в противовес Иоанну IX, кандидату от формозианцев. Покинув Рим, Сергей нашел пристанище у Адальберта Тосканского и, по всей видимости, повлиял на его решение поднять мятеж в 898 году. Неизвестно, что делал Сергей с 898 по 904 год, однако в Рим он вернулся в сопровождении Альбериха Сполетского, одного из упоминавшихся выше выдающихся персонажей того времени.

У Альбериха Сполетского не было никаких родственников из старинной династии сполетских маркграфов. Он был франкским или бургундским авантюристом и приехал в Италию в 889 году вместе с Гвидо Сполетским. Точных сведений о том, что с ним стало после победы Гвидо, нет; однако, скорее всего, он возглавлял одну из наводнивших страну банд франкских или бургундских наемников и авантюристов, на которых Гвидо обрушивался в своих капитуляциях — правда, безуспешно. В 897 году Альберих убил на дороге — около моста, уточняют хронисты^[20] — Гвидо IV Сполетского, своего друга, и захватил власть в маркграфстве.

Альбериху было нужно, чтобы кто-нибудь признал его власть над этими территориями свершившимся фактом и узаконил ее. Помощи не приходилось ждать ни от Ламберта, оскорбленного тем, что убили его родственника Гвидо, ни от Иоанна IX, который поддерживал близкие отношения с Ламбертом. Альберих примкнул к группировке противников Формоза, которые, конечно же, с радостью приняли в свои ряды человека, имевшего в подчинении внушительное количество вооруженных людей. Именно при поддержке отрядов Альбериха Сергию III удалось занять Рим и утвердиться в нем.

По всей видимости, идею этой вылазки в принципе одобрял и Беренгарий, который поддерживал связь с Сергием с 898 года, со времени мятежа Адальберта, а во время поездки

в Центральную Италию в 899 году, должно быть, встретился с Альберихом Сполетским и попросил у него содействия в борьбе с венграми. Две столь крупные величины, какими были король Италии и маркграф Сполето, просто не могли не понимать, что им невыгодно игнорировать друг друга. Беренгарий был как раз тем человеком, который мог признать владычество Альбериха в маркграфстве и узаконить его права.

Альберих скрепил свой союз с противниками Формоза, женившись на одной из дочерей Феофилакта — Мароции. Она была отдана ему в жены, поскольку приход к власти Сергия III претворил в жизнь все мечты Феофилакта и его друзей, в кругу которых, наряду с маркграфом Сполетским, не последнюю роль играл Иоанн, архиепископ Равеннский.

Через месяц после церемонии посвящения в сан Сергий III вернул на повестку дня вопрос о распоряжениях Формоза и на Соборе, который, по словам одного из его врагов, «был похож скорее на сходку, нежели на Собор» (*magis conventiculum quam synodus appellari potest*), вновь объявил недействительными все посвящения в сан, произведенные Формозом. Таким образом он потешил свою ненависть к усопшему, почтил память Стефана VI и выполнил волю своих единомышленников.

Одержав победу в Риме, противники Формоза позаботились также об укреплении своих позиций в Равенне, и после смерти равеннского архиепископа Кайлона поспособствовали избранию на его место диакона Иоанна.

Став архиепископом Равеннским, Иоанн позаботился об укреплении отношений с Беренгарием, которые, по всей видимости, уже давно поддерживал. Сам же Беренгарий симпатизировал противникам Формоза по причине того, что его враг Ламберт в последние годы жизни сблизился со сторонниками этого Папы.

Архиепископ Иоанн имел совершенно четкое представление об отношениях между церковной и светской властью: и та, и другая имели Божественное происхождение и были посланы на землю, чтобы обращать людей к служению Богу и соблюдению Его заповедей. Обязательным условием для их плодотворного сосуществования Иоанн считал укрепление могущества центра в противовес центробежной силе, которую олицетворяли собой феодалы. Король и архиепископ пообещали друг другу приложить все усилия для достижения этой цели. Кроме того, стремление Беренгария к императорскому титулу нашло у Иоанна искреннее понимание и серьезную поддержку^[21].

Трудно сказать, действительно ли Папа Сергий III хотел, чтобы Беренгарий стал императором, или же начавшиеся переговоры должны были лишь ввести в заблуждение короля и так бы ничем и не закончились. В 906–907 гг. маркграф Тосканский с супругой, а также маркграф Сполетский решительно воспротивились императорской коронации Беренгария и были готовы применить силу, чтобы не допустить его в Рим. Как и Беренгарий, они поддерживали противников Формоза, поскольку это было для них выгодно с политической точки зрения. Однако в появлении нового императора никакой выгоды для себя они не видели.

В какой-то момент переговоров между Иоанном, архиепископом Равеннским, и Папой Сергием III все препятствия для поездки Беренгария в Рим как будто бы исчезли. Однако почву для новых размышлений подготовили тосканцы и сполетцы, которые перекрыли все пути через Апеннины в районе Пармы и подготовились сделать то же самое в Модене и Болонье на случай, если бы королю пришлось в голову попытать счастья там.

Политическая ситуация того времени отличалась поразительной нестабильностью и могла кардинально измениться в мгновение ока. Приверженцы разных партий поддерживали связь друг с другом. Так и архиепископ Равеннский, которого возмутило, что чиновники Беренгария присвоили часть имущества его церкви, наладил отношения с Бертой Тосканской и в письмах к ней обстоятельно описывал политическую обстановку (возможно, более обстоятельно, чем это позволяла его дружба с Беренгарием). Дело было в том, что союз маркграфов Тосканы и Сполето дал трещину из-за претензий обеих сторон на обладание частью равеннского экзархата.

Несколько позже, когда равеннская Церковь переживала трудные времена из-за

схизмы, спровоцированной сторонниками Формоза, архиепископ Равеннский вновь сблизился с королем. К тому же казалось, что раздор между правителями Сполето и Тосканы сможет приблизить день императорской коронации Беренгария, и если бы истрийский маркграф Альбоин повременил с захватом располагавшегося на его территории имущества равеннской церкви, то все проблемы были бы решены и Беренгарий достиг бы желанной цели.

Чтобы разрешить конфликт с захватом имущества равеннской церкви, Иоанн прибег к помощи Папы, и тот потребовал немедленно вернуть это имущество и лишить маркграфа титула. «Король Беренгарий не получит от нас корону, пока не пообещает, что не отберет у Альбоина это маркграфство...» — восклицали в один голос Папа и епископ Полы Иоанн, который пекся о благополучии Иоанна Равеннского.

По всей видимости, маркграф Альбоин лишился титула, и вопрос о поездке в Рим был вроде бы решен. Архиепископ Иоанн Равеннский должен был сопровождать Беренгария, чтобы лично засвидетельствовать результат своей посреднической деятельности, однако внезапная смерть Сергия III расстроила их планы, перечеркнув результат столь продолжительных и непростых переговоров. Избравшиеся сразу вслед за Сергием III Папы правили слишком недолго, чтобы, начав все с нуля, выйти на тот же этап обсуждения императорской коронации Беренгария^[22].

Именно тогда Гуго Вьеннский предпринял свой первый поход в Италию.

Вместе со своим братом Бозоном, в сопровождении целой вереницы епископов и графов, среди которых выделялся некий Гуго, сын Талиаферна, и достаточно многочисленной армии (чтобы избежать участи, постигшей Людовика), Гуго пересек Альпы.

Очевидно, он надеялся на то, что к его армии присоединятся отряды итальянских сеньоров, пообещавших свою помощь, одним из которых был Адальберт Иврейский. После смерти своей супруги Гизлы Адальберт женился на Эрменгарде, сестре Гуго Вьеннского, которую Берта взяла с собой, когда, вторично выйдя замуж, переехала в Тоскану. Этот брак, знаменовавший собой конец отношений маркграфа Иврейского с бывшим тестем Беренгарием и сближавший его с маркграфами Тосканы, на взгляд хронистов того времени, был предвестником масштабных событий, одним из которых и стал поход Гуго в Италию.

Маркграф Прованский не имел обыкновения решаться на предприятие, подобное завоеванию Италии, предварительно не заручившись поддержкой людей, которые могли распоряжаться судьбой этого королевства. Основываясь на совпадении дат, можно предположить, что обсуждение кандидатуры Гуго проходило в то же время, когда он с помощью матери и сестры наладил отношения с маркграфом Иврейским. Однако отсутствие документальных подтверждений не позволяет оценить масштабы оппозиции Беренгарию, помощью которой Гуго хотел воспользоваться^[23].

Существует мнение, что захватчики дошли до самых стен Павии; в таком случае нужно было бы признать, что население большей части Северо-Западной Италии поддерживало завоевателей. Но хронист, сообщивший об этом, не отличался безупречным знанием деталей, а судя по тому, как быстро и легко Беренгарий нанес ответный удар, видно, что он постоянно держал ситуацию под контролем. Кроме того, в последний момент те, кто пообещал Гуго помощь, не сдвинулись с места.

Беренгарию удалось окружить и полностью изолировать захватчиков. Воины, покидавшие лагерь Гуго в поисках еды, возвращались обратно с отрезанными носом и ушами. Голод и страх вынудили завоевателей начать переговоры, в результате которых Гуго и его союзники поклялись на Евангелии, что, пока жив Беренгарий, ноги их не будет в пределах Италии.

Безусловно, эта клятва не мешала маркграфу Прованскому интересоваться ситуацией в Италии, время от времени встречаться с итальянскими магнатами и ожидать удобного случая для повторной попытки. Он продолжал править от имени Людовика III Слепого и представлял его интересы на межгосударственных собраниях. В 924 году он присутствовал

на ассамблее, которую организовал новый король Франции Рауль неподалеку от Шалона. Политическое соглашение, заключенное на этой ассамблее, дополнилось семейным союзом, который обеспечил Гуго новые — и весьма выгодные — родственные связи: ему удалось устроить женитьбу Бозона, брата короля Франции, на дочери своего брата Бозона Берте^[24].

Между тем смерть королевы Виллы предоставила Гуго возможность сочетаться новым браком. Его вторая супруга, Альда, происходила из германского рода, и других сведений о ней нет. Однако можно с уверенностью говорить о том, что в своем выборе Гуго руководствовался теми же соображениями, которые обусловили его первый брак, а также все последующие.

На пороге своего сорокалетия Гуго с удовольствием оглядывал прожитую жизнь и благодарил провидение за пройденный им путь, «осознавая... милосердие Божие, позволившее мне вознестись к столь высоким почестям, и считая немаловажным то, что благодаря Божественному покровительству я часто избегал множества опасностей...», а также в глубине души надеялся, что Господь будет помогать ему и в будущем и что он сможет добраться до недостигаемых вершин^[25].

Провал итальянского похода не поколебал авторитета Гуго в Провансе, но вполне естественно, что легкость, с которой Беренгарий атаковал и разгромил завоевателей, значительно увеличила популярность итальянского короля. Когда Папой избрали Иоанна Равеннского, переговоры об императорской коронации Беренгария незамедлительно возобновились, причем в гораздо более благоприятной обстановке, чем при Сергии III.

Восхождение Иоанна Равеннского на папский престол являлось серьезным нарушением канонической процедуры. Оправдать его можно было лишь тем, что папское государство нуждалось в человеке, который смог бы противостоять его внутренним и внешним врагам и в то же время осознавал бы высочайшую духовную значимость и Божественную миссию папства. Ведь, несмотря ни на что, римляне продолжали в нее верить.

Активные действия Иоанна X и представителя римской аристократии Феофилакта в создавшейся политической ситуации привели к объединению всех правителей южной Италии в борьбе против сарацин. Альберих Сполетский, Григорий Неаполитанский, Иоанн Гаэтанский, Гваймар Салернский, Ландольф, правитель Капуи и Беневенто, вместе с Папой, византийцами и их союзниками одержали убедительную победу на суше и на море. Сарацинская колония Гарильяно была стерта с лица земли.

Иоанн X вел переговоры, участвовал в военных действиях, доблестно сражался во главе своих солдат. Его личные достижения дали ему возможность проводить независимую политику и, в случае необходимости, навязать ее римским аристократам, которые, впрочем, довольно активно поддерживали его^[26].

Несколько месяцев спустя после падения Гарильяно Иоанн X, всегда последовательный в своих действиях и верный своим политическим убеждениям, короновал Беренгария императорским венцом.

Маркграф Тосканский и Беренгарий не принимали участия в битве с сарацинами; однако этот факт никак не повлиял на отношение современников к своему королю, хотя они вполне могли бы вспомнить об усилиях, которые в свое время предпринимал Людовик II, чтобы освободить Италию от сарацин. Но ни римляне, ни сполетцы, ни тем более жители лангобардских княжеств не хотели, чтобы Беренгарий продолжил дело Людовика II, поскольку борьба с сарацинами для императора была верным способом утвердить свою власть на территории Южной Италии.

Дипломатическая деятельность Папы была направлена на то, чтобы объединить южные государства для противостояния общему врагу и добиться помощи императора Византии и его флота. Однако Иоанн X всеми силами пытался воспрепятствовать участию короля Италии в общем походе, которое могло слишком дорого обойтись всем союзникам. Еще больше проблем создало бы участие в этом походе маркграфа Тосканского, намерения которого всегда таили в себе опасность. Так же как и надежда на помощь императора

Востока в противостоянии сарацинам, не пропадала и вера в то, что император Запада сможет обуздать маркграфа Тосканского и других внутренних врагов. Это обеспечило бы безопасность папству и позволило бы понтифику расширить влияние Церкви как в самой Италии, так и за ее пределами.

Смысл второй задачи большинству не был понятен: в обществе бытовало мнение о том, что Папа решил отдать императорскую корону Беренгарию, чтобы защититься от маркграфа Тосканы. С гораздо большим основанием общественное мнение приписывало маркграфу Тосканскому ответственность за задержку с коронацией, которая произошла во время правления Сергия III.

Смерть Адальберта Тосканского и закрепление его наследства за его сыном Гвидо, который получил от Беренгария подтверждение отцовских полномочий, мгновенно улучшили отношения нового маркграфа Тосканы и короля. Юный маркграф сопровождал в Рим короля, который прилюдно называл его «крестным сыном» (*filiolus*) и, возможно, поскольку наследников у него не было, думал, что однажды сможет передать все свои владения этому юноше. А поскольку маркграф Сполетский решил сменить гнев на милость и перестал противиться императорской коронации, поездка Беренгария прошла без неприятных неожиданностей^[27].

В конце ноября Беренгарий и его свита подошли к Риму. С вершины Марианского холма они увидели толпы людей, которые собрались, чтобы поприветствовать нового императора:

Казалось, что город кипит и выступает за пределы стен,
Столько людей Рим впустил в свои древние недра.

(Gesta Berengarii, IV, 108–109)

Члены Сената, войска со знаменами, греческая *Schola* ^[13] и простой люд — все собрались, чтобы воздать почести Беренгарию и его свите. Петр, брат понтифика, и один из сыновей Феофилакта встретили короля на Нероновых Полях, облобызали его ноги и провели его к собору св. Петра сквозь толпу народа, которая медленно расступалась перед ним.

Иоанн X ожидал Беренгария на самом верху парадной лестницы собора, восседая на позолоченном троне. Он спустился навстречу королю, обнял его и провел внутрь. Король пал ниц перед могилой св. Петра; затем все отправились в папский дворец, где был устроен роскошный пир.

На следующий день Беренгарий получил столь желанную императорскую корону (которая, по сути дела, была для него абсолютно бесполезной). В пурпурном одеянии, в расшитых золотом туфлях король вошел в празднично украшенный собор, где его ожидал понтифик.

...Затем цезарь в венце на голове,
Украшенном золотом и драгоценными камнями,
Был помазан сливовым маслом и нектаром.

(Gesta Berengarii, 176–178)

Собравшиеся торжественно поприветствовали нового императора:

Тогда в священном храме раздалась
Громогласные приветствия народа...

(Gesta Berengarii, IV, 183–184)

Заключительная часть церемонии проходила в полной тишине: новый император зачитал грамоту, в которой подтверждались все права и привилегии Церкви:

Стоя на вершине лестницы, он огласил

Грамоту о передаче в дар земель,
Как было цезарю угодно, чтобы
Впредь никто не посмел присвоить
Священные земли.

(Gesta Berengarii, IV, 188–191)

Затем внесли дары, которые новый император преподнес Папе:

Наконец, благочестивый государь внес красивейшие дары в
храм:
Дорогую герцогскую перевязь своего отца,
С драгоценными камнями, из желтого, весьма ценного
металла,
И одежды, жесткие от золотых украшений,
А выделялась из всего прочего диадема.

(Gesta Berengarii, IV, 192–196)

Это были золотые, усыпанные драгоценными камнями перевязи и золототканые одежды, предмет гордости герцога Эверарда, отца Беренгария, которые теперь сын принес в дар сокровищнице собора св. Петра вместе с возложенным на него во время коронации императорским венцом в память об этом достославном событии.

Церемония была весьма пышной и торжественной. Неизвестный поэт использовал весь свой талант, чтобы описать ее потомкам, но упустил одну деталь, выяснить которую теперь побуждает нас нескромное любопытство: сопровождала ли Беренгария в Рим его новая супруга Анна?

Королева Бертилла, которая столь часто пыталась воздействовать на Беренгария, используя свой авторитет, скончалась вскоре после 911 года, оставив о себе недобрую память. Она умерла при трагических, окутанных тайной обстоятельствах.

Неизвестный поэт рассказывает о ней так:

...тогда верная супруга испила чародейский напиток и умерла,
Последовав недоброму совету Цирцеи.

(Gesta Berengarii, II, 79–80)

Кто же была эта Цирцея, на чьи коварные уговоры поддалась королева? Глоссатор поэмы поясняет: «Известно, по чьей вине она погибла. Цирцея, по рассказам, была публичной девкой, которая с помощью колдовских трав и песен могла изменять облик приходящих к ней людей: и говорят, что именно из-за действий Цирцеи королева отошла от своих честных побуждений...» Возможно ли, что в пятьдесят с лишним лет королева поддалась пагубной страсти, или же ее измена заключалась в чем-то другом? Быть может, королева вступила в преступный сговор с врагами короля и либо отравилась, когда ее преступление раскрылось, либо ее собственный муж заставил ее выпить яд? И кто такая Анна, новая жена, которая появилась в 915 году, накануне коронации, но не носила ни королевского, ни императорского титула? Ее имя — Анна — было редкостью для лангобардской Италии того периода, что дает почву для самых разнообразных предположений: была ли она родом из Равенны, либо из Византии? И что с ней случилось после смерти Беренгария?

Тот, кто в способности фантазировать может сравниться с писателями, которые превратили Ангельбергу во вдохновительницу политических деяний Людовика II, а Агельтруду в злого гения королевей сполетской династии, без труда представит себе Анну простой и скромной, лишенной честолюбия женщиной, которая своей нежностью скрасила последние годы жизни одинокого короля.

После тридцати пяти лет брака Беренгарий при трагических обстоятельствах потерял

свою жену, в Иврее умерла его дочь Гизла, другая дочь ушла в монастырь в Брешии, интриги отца и мачехи отдалили от него племянника, который мог бы стать его наследником, и старость Беренгария, выросшего в такой же большой и дружной семье, как и семья Эверарда и Гизелы, обещала быть весьма печальной. Что же представляла собой Анна?

Никто из современников не сказал о ней ни единого слова, и Беренгарий, упоминая в грамотах свою новую жену, со сдержанным достоинством, которое отличало его на протяжении всей жизни, называет ее «нашей возлюбленной супругой» (*dilectissima coniux nostra*). Однако такое обращение соответствовало требованиям протокола. Таким образом, нескромное любопытство потомков так и остается неудовлетворенным^[28].

Получив вождьленную императорскую корону, Беренгарий издал несколько постановлений, порадовал кого-то знаками своего расположения и отправился в обратный путь, избрав, однако, вовсе не ту дорогу, которая привела его в Рим. Через Муджелло он поехал в Эмилию, затем вернулся в Ломбардию, а летом снова покинул ее пределы, чтобы нанести визит в равеннский экзархат. И, как будто для того, чтобы почувствовать себя в новом качестве — императора, Беренгарий остановился в Равенне. Нет никаких доказательств того, что он провел там ассамблею или, по крайней мере, судебное собрание. Тем не менее нужно признать, что либо то, либо другое состоялось, поскольку Беренгарий не преминул бы использовать эту императорскую прерогативу^[29].

После пышных празднеств в Риме и чествования, устроенного магнатами королевства, у Беренгария сложилось впечатление, что после императорской коронации он стал обладателем чего-то гораздо более существенного, чем просто титул. Впрочем, очень скоро ему пришлось спуститься с небес на землю. Беренгарий, в отличие от Гвидо и Ламберта, не обладал ни острым умом, ни сильным характером. Во время его правления все посткаролингские государства переживали период глубокой депрессии: ни одно из них не могло похвастаться правителем, который оказался бы в состоянии предпринять поход за пределы собственного королевства. Карл Простоватый, Людовик Дитя, Конрад Франконский предпочитали оставаться в границах своих владений. При Беренгарии в области международной политики ничего не происходило: все были обеспокоены неурядицами в своих землях и не вмешивались в чужие дела. Однако, по всей видимости, Беренгарий не интересовался и внутригосударственными проблемами, которые в прежние времена пытались решить Гвидо и Ламберт.

Беренгария не волновало даже положение дел в Южной Италии, которую он оставил на произвол судьбы и византийцев. Со времен Гвидо и Ламберта улучшений в сфере безопасности и общественного порядка не наблюдалось, однако Беренгарий не издавал новых капитуляриев, вероятно, полагая, что это ни к чему не приведет, поскольку никто и никогда не считался со старыми. В среде знати он не был слишком популярен: как и Гвидо, он искал поддержки у епископов, осыпая их щедрыми дарами.

Гвидо и Ламберт проявляли щедрость, когда было необходимо вознаградить верных им людей: но старались, чтобы казна от этого не страдала. Беренгарий, напротив, расточал дары, подобно королям героической эпохи, которые отнятое у побежденных отдавали победителям: но сам-то Беренгарий был одним из самых неудачливых полководцев своего времени. Начиная с 883 года, когда был предпринят поход против Гвидо, и вплоть до сражения при Фьоренцуоле в 923 году он терпел поражения, одно за другим. Его успехи на политическом поприще, восхождение на королевский трон и последовавшую за этим императорскую коронацию с большой долей вероятности можно расценивать не как плоды его дипломатической деятельности, а как стечение обстоятельств, которым он не сумел воспользоваться, чтобы добиться окончательного успеха, как это сделали бы другие на его месте.

Несостоятельность императора обнаружилась сразу же после его коронации. Хорошие отношения, которые как будто бы связывали его с представителями тосканской династии, быстро испортились, и Беренгарий решил, что пришло время применить силу. Он внезапно

атаковал прибежище Берты и Гвидо, захватил их в плен и отправил их в заточение в Мантую. Однако чиновники и вассалы тосканских маркграфов столь яростно воспротивились передаче городов и замков императорским представителям, что Беренгарий был вынужден уступить и освободить пленников.

Подавление тосканского мятежа могло бы стать первым серьезным шагом на пути к установлению королевского влияния на всех сеньоров королевства. Вынужденная капитуляция Беренгария, напротив, положила начало серии заговоров, последний из которых стоил ему жизни^[30].

Беренгарию не хватало сил, чтобы держать в узде крупных феодалов, и в то же время он был слишком силен, чтобы покорно повиноваться их воле. У магнатов было более чем достаточно причин для того, чтобы решить, что нужно посадить на его место другого короля. Новый король должен был дать им все то, чего они не получили от Гвидо. Выбор знати пал на Рудольфа II Бургундского^[14].

Очевидно, Рудольфа, протеже Адальберта Иврейского (который не на минуту не забывал о своих бургундских корнях), выбрали методом исключения, поскольку среди феодалов Итальянского королевства и правителей соседних государств не было подходящей кандидатуры.

Молодой маркграф Тосканский еще не стал столь влиятельным, как его отец в прежние времена, и, как и он, вряд ли бы обрадовался перспективе променять безраздельное господство в своем маркграфстве на сомнительное удовольствие управлять королевством.

Политические устремления маркграфа Сполетского были нацелены на Рим, и, по-видимому, он совершенно не интересовался тем, что происходило в государстве. Маркграф Фриульский был всего лишь одним из чиновников Беренгария. Маркграф Иврейский обладал достаточным авторитетом для того, чтобы возглавить оппозиционные силы, однако он так и не решился выдвинуть свою кандидатуру. Кроме того, в своих рассуждениях он, по всей видимости, пришел к тому же выводу, что и маркграф Тосканский.

За пределами Италии слепого, дискредитировавшего себя Людовика III Прованского в качестве политика не рассматривали; германские герцоги Швабии и Баварии — какими бы достоинствами они ни обладали — до сих пор не установили с Италией настолько прочные отношения, чтобы убедить итальянцев прибегнуть к их покровительству. Король Франции как личность не представлял собой ничего особенного; кроме того, между его владениями и Италией пролегали территории Прованса и Бургундии. Таким образом, кроме короля Бургундии, других претендентов не было.

Рудольф II еще не достиг совершеннолетия, когда взошел на трон в 911–912 году, поскольку женился он только в 922-м, а в те времена правители вступали в брак в весьма юном возрасте. Сначала он задался целью расширить территорию своих владений и попытал счастья в Швабии. Потерпев поражение в битве, он с благословения германского короля Генриха I все же удержал занятые земли и женился на дочери герцога Бурхарда Швабского. Впрочем, этот брак вынудил его, по крайней мере на время, отказаться от дальнейших походов в Швабию. Поэтому Рудольф II обратил самое пристальное внимание на Италию.

Развитые торговые отношения между двумя государствами, бургундское происхождение множества итальянских феодалов, связь, которая существовала между правящей бургундской династией и маркграфами Иврейскими с тех времен, когда Рудольф I вступил в союз с Анскарием, чтобы противостоять императору Арнульфу, — все это усиливало интерес молодого амбициозного бургундского короля к Италии и наводило его на мысль воспользоваться непрекращающейся смутой, царившей по ту сторону Альп.

Гуго Вьеннский, до которого, несомненно, дошли слухи о намерениях итальянских магнатов, продолжал оставаться в тени. Он вряд ли считал себя связанным клятвой, данной в свое время Беренгарию, но понимал, что не может соперничать с коронованной особой.

Таким образом, итальянские магнаты единогласно остановили свой выбор на Рудольфе II. Но они даже не начали действовать, когда часть их планов была раскрыта. Беренгарию удалось взять в плен одного из зачинщиков заговора — Олдериха, графа

дворца, возможно, правившего в том самом северном маркграфстве с невыясненными географическими очертаниями, которое во времена Гвидо передали во владение маркграфу Конраду. Охрана пленника была поручена Ламберту, архиепископу Миланскому, который, однако, был сердит на своего сеньора за то, что после избрания тот потребовал у него выплаты непомерно высокого налога. Поэтому Ламберт вместо того, чтобы содержать мятежника под стражей, отпустил его на свободу.

Ольдерих вернулся к заговорщической деятельности. Позже к группе заговорщиков примкнул Гильберт, граф Бергамо. Дождавшись подходящего, на их взгляд, момента, мятежники решили действовать.

Они собрались в брешианских горах, намереваясь отправиться в Верону, чтобы там захватить в плен императора. Но и эта вылазка не стала для Беренгария неожиданностью. Он выслал навстречу заговорщикам отряд венгерских наемников, которые зашли с тыла и внезапно атаковали их.

Маркграф Ольдерих погиб в бою, Адальберт Иврейский и Гильберт Бергамский попали в плен. Впрочем, как только Адальберт понял, что не сможет избежать заточения, он снял с себя браслеты, золотое ожерелье и все то, что могло выдать в нем важную персону тем, кто не знал его в лицо. Затем он взял одежду одного из своих людей, откупился за незначительную сумму и укрылся в надежном месте. Раненый Гильберт оказался менее проворным: связанного, полуголого, сопровождаемого градом насмешек его подвели к королю. Он бросился Беренгарию в ноги и взмолился о пощаде. Беренгарий, даже не потребовав клятвы, простил его и даровал ему свободу. По всей видимости, он надеялся, что Гильберт будет до глубины души потрясен его неслыханным великодушием. Однако тот, получив свободу, немедленно воссоединился с Адальбертом и остальными заговорщиками, отправился в Бургундию и продолжил переговоры с Рудольфом II^[31].

Гильберт очень быстро выполнил свою миссию: ему понадобилось на это менее месяца. В конце 921 года Рудольф II Бургундский вошел в пределы Италии, где состоялось некое подобие выборов, в ходе которых он получил королевский титул от графов и епископов, находившихся в полной зависимости от Адальберта Иврейского и Ламберта Миланского. За пределами территории, которая находилась под контролем этих двух аристократов, на сторону нового итальянского короля встали очень немногие. Жители значительной части Эмилии, Тосканы, Сполето и, само собой, Фриули продолжали считать правителем Беренгария^[32].

Беренгарий расположился на другом берегу Адды вместе с теми, кто продолжал хранить ему верность (в первую очередь это были маркграф Фриульский Гримальд и архиканцлер Ардинг). Абсолютно уверенный в том, что новый король и его вассалы не смогут долго прожить в согласии, он стал дожидаться своего часа.

Бунт вспыхнул весной 923 года к югу от По. Его зачинщиком стал Гвидо, епископ Пьяченцы, который уже не раз успел пожалеть о том, что примкнул к сторонникам Рудольфа. Мятежники обратились к императору с просьбой защитить их от нового короля.

Беренгарий поехал в Парму по дороге через Мантую, Гвасталлу, Брежелло; 17 июля он дал сражение Рудольфу при Фьоренцуоле, между Пармой и Пьяченцей, и практически сразу потеснил противника. Трубы уже возвестили о победе Беренгария, и его воины начали собирать трофеи, когда на поле боя нежданно-негаданно подоспели граф Бонифаций и граф Гариард с их резервными отрядами.

Сражение возобновилось, и вскоре разбитые наголову сторонники Беренгария обратились в бегство. Их преследовали оставшиеся в живых воины Рудольфа, которые восстановили силы и вновь ринулись в бой. Беренгарий чудом избежал смерти, после чего беспрепятственно добрался до Вероны. После столь беспощадного, кровопролитного, унесшего множество жизней сражения — речь шла о полутора тысячах погибших, что для тех времен было очень много, — противники не помышляли о возобновлении военных действий и заключили соглашение, согласно которому Беренгарий сохранял императорский

титул, южную и восточную части Итальянского королевства, а Рудольф оставлял за собой его западную часть^[33].

Спустя несколько месяцев, в декабре, Рудольф посчитал, что ситуация стабилизировалась и, ободренный заверениями и обещаниями магнатов, которые собрались в Павии на ассамблею, вернулся в Бургундию. Там он должен был присутствовать на переговорах, которые король Франции Рауль вел со своими соседями.

Зная о том, что магнаты Итальянского королевства не всегда держат данное слово, Беренгарий, воспользовавшись отсутствием Рудольфа, решил вновь обратиться к услугам венгерских наемников. К воинам, которые уже послужили ему в 920–921 годах, присоединились вновь прибывшие из Венгрии.

Под предводительством военачальников Беренгария венгры вторглись на территорию, подвластную Рудольфу, и осадили Павию. Штурм города не удался, и они подожгли его, забросав градом зажигательных снарядов. Взяв денежный выкуп с тех немногих, кто уцелел в огне, венгры сняли осаду и по приказу Беренгария направились в Бургундию.

Посылая венгров сражаться с Рудольфом, Беренгарий хотел помешать ему вернуться в Италию, поскольку, оказавшись на ее территории, бургундец, несомненно, нашел бы способ расстроить планы Беренгария по возвращению отданной Рудольфу западной части. Однако Рудольф, ожидавший подобного развития событий, вовремя собрал войско и объединил его с войском своего союзника двенадцатилетней давности, Гуго Вьеннского, которое тот своевременно подготовил к обороне Прованса.

Венгры дрогнули под натиском объединенных войск союзников, в спешке пересекли Прованс и вступили в пределы Септимании, откуда впоследствии в Италию вернулись лишь разрозненные группы, которые более не могли причинить никакого вреда^[34].

Тем временем в Италии назревали роковые для Беренгария события.

Незадолго до того, как он развернул кампанию по возвращению западных земель, отданных Рудольфу, был организован новый заговор с целью лишить Беренгария не только короны, но и жизни.

Главой заговора стал Фламберт, скульдахий^[15] Веронского графства, одного из сыновей которого крестил Беренгарий. Возможно, он решился на этот шаг потому, что духовное родство с императором не вознесло его к сияющим вершинам власти.

Заговор был раскрыт за день до установленного организаторами срока, но Фламберту сохранили жизнь. Скорее огорченный, нежели оскорбленный, Беренгарий вызвал Фламберта к себе, по-дружески побеседовал с ним, напомнил о дарованных ему ранее привилегиях, подарил ему золотой кубок и отпустил заговорщика с миром.

Однако и на этот раз милосердие государя не вызвало признательности у человека, которого он облагодетельствовал.

Чувствуя себя униженным поступком императора, Фламберт провел всю ночь, обдумывая новый заговор. Между тем Беренгарий на ночь остался все в том же павильоне у церкви св. Петра, не допуская даже мысли о том, чтобы переехать в соседний дворец, в котором он смог бы с легкостью противостоять внезапному нападению. Напрасно молодой Милон, его верный вассал, заботливо отобравший надежных людей, настаивал на необходимости выставить охрану вокруг павильона. Беренгарий наотрез отказался от охраны и повелел Милону удалиться вместе с его людьми, поскольку был абсолютно уверен в том, что ничего плохого с ним не произойдет.

Действительно, ночь прошла спокойно, и на заре Беренгарий по своему обыкновению отправился в церковь. От молитвы его отвлекли внезапно раздавшиеся голоса и бряцание оружия. Ни о чем не подозревая, император пошел к дверям, чтобы посмотреть, что происходит. Увидев Фламберта, он заинтересовался, чего хотят пришедшие с ним люди. Судя по рассказу Лиутпранда с очевидным фольклорным оттенком, Фламберт уверил Беренгария в том, что у этих людей нет злого умысла против него, что они хотели покарать тех, кто собирался его убить. Император поверил и встал в их ряды, готовый сражаться, и кто-то сразу же ударил его копьем в спину. Беренгарий упал и 7 апреля на рассвете испустил

дух^[35].

Много лет спустя на каменном полу еще оставались пятна крови, а память людей хранила воспоминания о добродетелях престарелого государя, его набожности, милосердии, храбрости, честности. Но окидывая взглядом полную треволнений историю жизни Беренгария, никто из них, возможно, даже не задумывался о том, что по существу он был слабовольным человеком. Беренгарий не умел сопротивляться ни людям, ни событиям, раз за разом позволял себя опередить или одолеть. Ему явно не хватало ни ума, ни воли, чтобы справиться с задачей, которую жизнь поставила перед ним.

IV. СТРЕМИТЕЛЬНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ ГУГО ВЬЕННСКОГО К ВЛАСТИ

Конец правления Рудольфа II и приход к власти Гуго Вьеннского. — Начало правления. — Мантуанское соглашение. Мароция. — Римские события. — Вопрос о наследовании Прованса. — Гуго и итальянские сеньоры: заговор Вальперта. — Тосканские события. — Римская авантюра.

Узнав о кончине Беренгария, Рудольф II постарался как можно быстрее вернуться в Италию, чтобы опередить других возможных претендентов на наследство погибшего правителя.

В маркграфстве Фриули какое-то время колебались, но все же смирились с приходом Рудольфа к власти. Когда же по прошествии нескольких месяцев никто так и не собрался его свергнуть, то даже венецианский дож Орсо II Партеципаций признал его формальное право на трон Италии: он попросил Рудольфа заверить соглашения, которые издавна существовали между Венецией и Павией, но нуждались в периодическом подтверждении.

Других успехов новый король не добился. Как и при жизни Беренгария, Рудольф был признан государем, лишь на территории к северу от По и в части Эмилии, а жители Тосканы и маркграфства Сполето продолжали делать вид, что не знают о существовании в Северной Италии короля по имени Рудольф.

Из-за того, что доставшиеся Рудольфу владения были не слишком обширными, а его авторитет весьма невысоким, он воспринимал Итальянское королевство как территориальный придаток Бургундии — не более того. По всей вероятности, он не предпринимал никаких попыток утвердить свое господство в областях, оказывавших ему неповиновение. А правление Рудольфа на подвластных ему землях можно признать самым невыразительным за всю историю Италии^[1].

В дошедших до нас грамотах Рудольфа — а их около 12 — по большей части повторяется написанное его предшественниками. Некоторые из них свидетельствуют о примиренческой позиции короля по отношению к наиболее близким Беренгарию суждениям, но в целом ни одно из распоряжений Рудольфа не придало его правлению самобытного характера.

Правление в Италии короля, императора, полностью осознающего свой долг перед государством и Церковью, было одним из основных пунктов политической программы Иоанна X. Рудольф II, конечно же, был не тем государем, которого Папа желал видеть в Италии, поэтому Иоанн X и его советники стали задумываться над возможностью свергнуть его и посадить на его место государя, который с большей вероятностью смог бы удовлетворить нужды Италии и Святого Престола. Таким образом, Иоанн X столкнулся с той же проблемой, что и итальянские сеньоры, которые несколько лет тому назад собирались отобрать корону у Беренгария и искали претендента на нее.

Впрочем, одну кандидатуру сразу предложили тосканские маркграфы: Гуго Вьеннский был их дальним родственником, — а других вариантов не находилось.

Здесь возникает вопрос: почему маркграфы ничего не предпринимали раньше, когда итальянцы взбунтовались против Беренгария, чтобы посадить на его место Рудольфа? Далеко не убедительным выглядит предположение о том, что тосканская династия вообще не была замешана в истории с мятежом. С другой стороны, известно, что после смерти Берты 8

марта 925 года тосканцы стали поддерживать кандидатуру Гуго. Возможно, Берта противилась выдвижению сына по неким политическим причинам, о которых мы уже никогда не узнаем, или же ею двигала необъяснимая неприязнь, порой разделяющая родителей и детей.

Что бы ни скрывало прошлое, отныне представители тосканской династии воспринимали Гуго как будущего короля Италии. Его старинная вражда с Иоанном X утихла после смерти Адальберта и Берты, и понтифик одобрил кандидатуру Гуго. К тому же Иоанну X было известно, что Гуго обладал всеми качествами государственного мужа и мог рассчитывать на поддержку многих знатных сеньоров Северной Италии, которым его расхваливала Эрменгарда, сестра Гуго и маркграфиня Иврейская.

Среди всех женщин, для которых Лиутпранд Кремонский не пожалел словесного яда, пожалуй, лишь Эрменгарда заслуживает его даже по прошествии веков. Дочь Берты Тосканской, она, по всей видимости, обладала недюжинным умом и сильным характером. Кроме того, как и ее мать, она была одержима страстью к политике и к плетению интриг, без которых политика не обходится практически никогда. В какой-то момент ей удалось превзойти авторитет мужа, который отошел от дел (возможно, из-за серьезной болезни), после чего она превратилась в одну из самых значимых фигур при дворе Рудольфа II. Рудольф относил Эрменгарду к числу своих советников и всегда следовал ее советам, что дало почву для слухов о nepзoвoлитeльнoй связи между ними^[2].

Но вскоре отношения короля с маркграфиней испортились. Ламберт, архиепископ Миланский, как и прежде, оставался в числе верноподданных короля, а маркграфиня организовала самый настоящий бунт, кульминацией которого стала осада Павии мятежниками зимой 926 года.

Рудольф с отрядом солдат подошел к стенам столицы, но, прежде чем начать штурм, попытался договориться с мятежниками. Эрменгарда и остальные восставшие согласились на перемирие. Тогда взбунтовались сторонники короля, возмущенные тем, что переговоры прошли за их спиной. Собравшись в Милане, они вынудили Ламберта отступить от Рудольфа и примкнуть к ним, чтобы короновать Гуго Вьеннского.

Поскольку набрать в Италии войско, способное усмирить восставших, представлялось невозможным, Рудольф отправился в Бургундию и попросил о помощи своего тестя, герцога Бурхарда Швабского. Бурхард собрал под своим началом лучшие силы и в начале весны 926 года вместе с зятем спустился в долину Аосты. Они добрались до окраин Ивреи. Эрменгарда решила не вмешиваться и посмотреть, какой оборот примет дело, а Бурхард тем временем отправился в Милан, чтобы в качестве посредника переговорить с Ламбертом, предполагаемым руководителем мятежа.

Герцог приехал в Милан и пошел в собор св. Лаврентия помолиться; но то ли его спесивый вид, то ли чрезмерная заинтересованность, с которой он оглядывал все вокруг, в общем, что-то навело людей на мысль, что он намеревается построить в окрестностях Милана замок и оттуда контролировать город. Какому-то нищему, понимавшему немецкий язык, послышались угрозы и оскорбления в адрес миланцев, и он тотчас же помчался сообщить об этом архиепископу.

Архиепископ принял высокого посла со всеми необходимыми почестями, несмотря на высокомерие последнего, и намеренно ли, случайно ли затянул переговоры так, что мятежники успели провести собрание и подготовить засаду, которая должна была подстергать герцога на его обратном пути в Иврею.

За стенами Новары 28 (или 29) апреля бунтовщики напали на Бурхарда и его свиту. Бурхард повернул назад, надеясь укрыться в городе, но в спешке упал с лошади, скатился в ров к крепостной стене, где преследователи закололи его копьями. Члены его свиты сумели пробраться в город и забаррикадировались в церкви св. Гауденция. Но мятежники не оставили их в покое, выбили дверь церкви и прикончили всех до единого.

Узнав о смерти тестя, Рудольф пал духом и, пребывая в уверенности, что своими силами не сможет отвоевать королевство, вернулся в Бургундию. Его соперник Гуго сошел

на берег в Пизе, оттуда быстро добрался до Павии и был коронован с соблюдением всех формальностей^[3].

По пути в Италию Гуго не пересекал Альпы, а плыл по морю. Вместе со свитой, которая, учитывая небольшую вместимость кораблей того времени, вряд ли была многочисленной, он поднялся на корабль в Арле и в конце июня благополучно высадился в Пизе. Там его ожидали папские легаты и представители всех крупных сеньоров Италии, которые выслали ему приглашение^[4].

Гуго предпочел морской путь альпийским дорогам из соображений, которые во многом сложились под влиянием воспоминаний о трагически завершившихся походах Людовика (900 и 905 гг.) и о своей собственной неудаче (912–913 гг.).

Итальянские магнаты, следуя указаниям архиепископа Миланского, доставили приглашение графу Вьеннскому, однако опыт недавнего прошлого не позволял отбросить сомнения в том, что их намерения не изменятся. Эрменгарда, которая из своего Иврейского маркграфства контролировала альпийские перевалы, в последнее время проводила двойственную политику. Рудольф все еще находился в Италии и мог внезапно изъявить желание отстоять свои права на трон^[5].

Попытка перейти через Альпы с огромным войском, преодолевая все сопряженные с этим «трудности» (*impedimenta*), могла представлять серьезную опасность для того, кто не мог с уверенностью сказать, что не встретит на своем пути сопротивления. Значительное сокращение войска существенно облегчило и ускорило бы путь через горы, но стоило бы победы в возможной стычке с Рудольфом. Таким образом, проникновение в Италию с северо-запада могло закончиться для Гуго сокрушительным поражением еще до того, как из Тосканы подоспела бы помощь. Напротив, высадка в Тоскане обещала Гуго Вьеннскому дружелюбный прием на всей ее территории, немедленное признание королем, предоставление достойной свиты вассалов и воинов и последующее вступление в пределы Павии не просителем, а государем.

В Пизе Гуго ожидал пышный прием; он обсудил необходимые детали с папским нунцием, с братом Гвидо, с представителями крупных феодалов, ожидавших его в Павии, после чего кратчайшей дорогой через долину Магра и Чизу отправился в столицу.

Шестого июля состоялась церемония его официального избрания и вслед за тем коронация, от которой Гуго ни за что не отказался бы, как этого в свое время не сделали и Беренгарий, и Гвидо.

Нужно заметить, что Гуго, потомок Карла Великого по материнской линии, никогда не ссыался на право Каролингов на престолонаследие. Очевидно, он боялся пробудить в своих подданных тягу к законопослушанию и обратить их взоры к здравствовавшим Каролингам Франции.

Людовик, король Прованса, и Рудольф II, король Бургундии, не ощущали необходимости в повторной коронации и миропомазании, чтобы стать королями Италии. А всходившие на трон феодалы — Беренгарий, Ламберт, Гвидо, Гуго — не могли пренебречь коронацией и миропомазанием.

В ходе этого таинства человек приобретал почти сакральные черты: именно этим новые короли отличались от людей того же сословия, которые избрали их.

По всей видимости, церемония коронации, довольно сумбурно описанная хронистом сравнительно поздней эпохи, прошла в церкви св. Михаила в Павии. Ламберт, архиепископ Миланский, облек Гуго королевским титулом, мечту о котором он лелеял долгие годы^[6].

Корону Италии Гуго получил не по случайному стечению обстоятельств, как Рудольф: на достижение этой цели он потратил немало времени и усилий.

Природа и образование сделали из него сильного и неглупого человека. К его словесному портрету, набросанному Лиутпрандом, обращаются все те, кто занимается исследованием биографии этого короля: столь же отважный, сколь и осмотрительный, в равной мере энергичный и ловкий, благочестивый, щедрый к церквам и беднякам, он

покровительствовал священнослужителям и ученым. Единственным его недостатком среди внушительного набора добродетелей была неисправимая вспыльчивость^[7].

Несмотря на то что набожностью и щедростью по отношению к церквям и монастырям в то время отличались даже самые отъявленные злодеи, а конкретных сведений о его помощи ученым нет, за двадцатилетний период правления Италией Гуго проявил себя именно так, как его описал Лиутпранд. Волевой, прозорливый правитель, он не был знаком с угрызениями совести и не имел никаких слабостей: всегда был готов безжалостно уничтожить чрезмерно честолюбивого вассала, незамедлительно удалить от себя слишком назойливого родственника, поменять жену или выбрать новую любовницу.

Сорокалетний Гуго, гораздо более зрелый и рассудительный, чем Людовик или Рудольф, имел за плечами внушительный опыт управления государством. Кроме того, он был прекрасно осведомлен обо всем, что происходило в Италии, поскольку со времени поездки по ту сторону Альп, в которой Гуго впервые сопровождал своего кузена Людовика, пристально следил за всеми внутригосударственными событиями и принимал в них активное участие.

Поучительные истории правления Людовика III, Рудольфа II, жизни и смерти Беренгария после тридцати шести лет, проведенных на престоле, Гуго воспринял с должной серьезностью и взял себе на заметку.

Приходя к власти, новый король осознавал, что не может рассчитывать на преданность магнатов королевства. Гуго не мог переоценить важность этой проблемы: у него, как у Людовика III и Рудольфа II, по эту сторону Альп не было наследственных владений, из которых гораздо скорее, чем из разбросанных по всему государству коронных земель, можно было бы собрать силы для усмирения мятежных подданных и где в случае опасности можно было бы найти прибежище, такое, каким для Беренгария было маркграфство Фриули, а для Гвидо и Ламберта — Сполето.

Незамедлительного результата можно было бы добиться, разом заменив всех крупных феодалов новыми людьми, которых с государем объединяли общее происхождение или интересы, — родственниками, друзьями, земляками. Но Гуго не мог в самом начале правления разорить тех, кому он был обязан своим избранием. Дело было отнюдь не в признательности, чуждой миру политики. Незаконно и необоснованно сместив некоторых достаточно влиятельных людей, он мог навлечь на себя гнев всех остальных. Чтобы избежать подобной участи, они, недолго думая, свергли бы его с трона, на который сами же его и возвели.

Итак, подобно Беренгарию, Гвидо, Ламберту, Людовику, Рудольфу, и вопреки тому, что обычно говорят по этому поводу, Гуго, по крайней мере в первое время, не тронул привилегий и феодалов, которые были даны сеньорам, графам королевства, маркграфам и епископам. Тем не менее он организовал изощренную систему слежки за ними, которая требовала немалых денежных затрат, но доставляла ему абсолютно точные сведения о том, что делают и о чем думают его вассалы. Таким образом, он своевременно принимал ряд весьма суровых мер против тех, кто проявлял явные признаки недовольства^[8].

Процесс замещения людей итальянского происхождения провансальцами и бургундцами начался с самых нижних ступеней феодальной и бюрократической иерархической лестницы и лишь гораздо позже достиг более высоких сфер.

Вместе со всегда готовой к мятежу знатью в наследство Гуго достался дезорганизованный на всех уровнях аппарат управления: дворцовый суд, королевская палата, канцелярия не оправились от катастрофического упадка государственной активности, ознаменовавшего время правления Рудольфа. Значительная часть имущества короны была разграблена; серьезный урон казне нанесла неумная щедрость Беренгария. Страна лежала в развалинах после нашествий венгров; в столице, которую двумя годами ранее сожгли варвары, до сих пор были видны следы разрушений; даже королевский дворец нуждался в капитальном ремонте^[9].

Из всего сказанного выше ясно, что перед королем, который желал достойно начать

свое правление, стояла весьма нелегкая задача. Кроме того, круг интересов Гуго не ограничивался внутренней политикой. Он придавал огромное значение дипломатическим отношениям с владыками христианского мира, особенно с теми, кто обладал высоким авторитетом и охранял собственные интересы в Италии. Король Германии, византийский император, Папа Римский могли стать для него верными друзьями или злейшими врагами.

Первая дипломатическая миссия была отправлена с вестью об избрании короля к Генриху I Саксонскому, а вторая, гораздо более торжественная и значимая, направилась в Константинополь и положила начало дружеским отношениям между двумя государствами. Впоследствии эти отношения привели к военному сотрудничеству и к заключению нескольких брачных союзов. Приключения посла в пути и некоторые подробности его пребывания при дворе базилиевса произвели такое сильное впечатление на его маленького сына (будущего Лиутпранда, епископа Кремонского), что в зрелом возрасте он изложил свои воспоминания на бумаге, сохранив их таким образом для потомков^[10].

Пока послы находились в пути, король оставил столицу и отправился в Мантую на встречу с Папой, о которой он, скорее всего, условился еще до отъезда из Прованса. Эта договоренность еще раз была подтверждена в Пизе, где Гуго встречался с папским легатом.

После совещания был подписан договор, «foedus», форма и содержание которого нам не известны. Впрочем, по всей видимости, представители обеих сторон видели в нем опору для реализации своих политических планов.

Планы Иоанна X не претерпели изменений с того момента, как он возложил корону на голову Беренгария. Он поддерживал кандидатуру Гуго по тем же самым причинам, которые обусловили его действия в 915 году. Встреча в Мантуе должна была довести до совершенства все детали уже заключенного соглашения. Можно предположить, что король пообещал Папе содействие в борьбе с его врагами, защиту его власти в Риме и в папском государстве, а наградой за помощь Папе и в то же время средством оказать ее должна была стать императорская коронация Гуго.

Король сразу же доказал свое доброе отношение к Иоанну X, пожаловав его брату Петру маркграфство Сполето, которое после смерти Альбериха оставалось без сеньора. События последних пятидесяти лет показали, в каком выгодном положении оказался владелец этих земель. То, что обладателем маркграфства стал брат Папы, было выгодно как для самого понтифика, так и для Гуго, который вряд ли мог надеяться на благосклонное отношение другого маркграфа Сполето к его претензиям на императорскую корону^[11].

Известие о том, что Папа иностранного происхождения обсудил и заключил договор в Мантуе, за пределами Рима, в кругу римской знати вызвало нешуточное беспокойство.

Первые союзники Иоанна X — Феофилакт и Альберих Сполетский — поддались на его настойчивые просьбы усмирить римских аристократов и, используя собственное влияние, сумели добиться этого.

В тот период Иоанн X выдвинул на одну из высоких должностей своего брата Петра, и когда Альберих и Феофилакт, один вслед за другим, умерли, получил абсолютное превосходство над всеми знатными мирянами в Риме, за исключением Мароции. Дочь Феофилакta и вдова Альбериха, Мароция считала себя наследницей и продолжательницей дела отца и мужа, и как таковую ее расценивала добрая половина римской аристократии.

Говоря о Мароции, Лиутпранд Кремонский употребляет только два эпитета, для перевода которых в итальянском языке нет приличных слов. На протяжении веков, от Барония до Грегоровиуса и Хофмейстера (1910), ученые соглашались с его суждением, упоминали о святотатственной связи Мароции с Сергием III, называли ее не супругой, а сожительницей Альбериха Сполетского и смаковали описания ее пороков, подобно людям с незапятнанной репутацией, которые, лицемерно сострадая, упиваются рассказами о скандалах.

Тем не менее один столь же сведущий, сколь и добросовестный ученый тщательно изучил немногие достоверно известные факты биографии этой знаменитой женщины и за

недостаточностью улики снял с нее обвинение в преступной связи с Сергием III, представлявшееся самым серьезным. Также он подтвердил законность ее союза с Альберихом и явил миру почтенную матрону, окруженную кучей ребятишек. Само собой, кто-то посчитал приведенные им доказательства неубедительными и продолжил выдумывать истории о юной прекрасной герцогине Сполетской: Мароции опротивела грубость солдафона-мужа, наскучило в Сполето, и роскошь, которой ее окружил пылающий старческой любовью Сергей III, вскружила ей голову. Более осведомленные исследователи не считали Мароцию примером христианской добродетели, однако были убеждены в том, что ее влияние имело под собой основания гораздо более прочные, чем сладострастие и порок. Мароция была умна, хитра и не мучилась угрызениями совести. Неизвестно, соответствовало ли ее сенаторскому титулу кресло в Сенате, но, будучи хозяйкой замка св. Ангела, она правила Римом и городом Льва. Впрочем, тот, кто пытается докопаться до сути, поймет, что на первый взгляд безраздельная власть Мароции надлеж таковой не являлась. Мароция правила, пока это было на руку ее сторонникам. День, когда она захотела бы извлечь из этой ситуации личную выгоду, стал бы днем ее краха.

Но все же она правила, и то, что трон наместника Христова и столица империи находился в руках у женщины, представлялось чем-то из ряда вон выходящим. Бенедикт из монастыря Сант-Андреа ди Монте-Соратте это известие привело в такой ужас, что он произнес библейскую цитату с несвойственным ему количеством ошибок: «Власть над Римом попала в женские руки, как читаем у пророка: „Женщины будут править Иерусалимом!“» (*Subiugatus est Romam potestative in manu femine, sicut in propheta legimus: «Feminini dominabunt Jerusalem!»*)^[12].

В качестве главы римской партии Мароция выступила против Мантуанского соглашения. Подробности этого соглашения держались в тайне, но современникам было гораздо проще узнать эту тайну, чем потомкам. Пожалование Сполетского маркграфства брату Иоанна X должно было сыграть немаловажную роль в осуществлении замыслов представителей обеих сторон. Прежде всего, оно наносило серьезный урон интересам Мароции, которая до этого времени не сомневалась в том, что ее первенец, сын Альбериха, будет утвержден в правах на отцовское наследство.

Условия договора не нравились также Гвидо Тосканскому. Гуго, со всей очевидностью, не собиравшись, подобно Рудольфу, действовать исключительно в пределах поданской Италии. Он надеялся получить титул императора, но, прежде всего, хотел добиться утверждения своей королевской власти как в Павии и Вероне, так и в Сполето и Лукке. Гвидо, который притязал на роль третейского судьи в отношениях между королем и Папой, блестяще исполненную его отцом во времена Беренгария, неожиданно увидел реальную силу, угрожавшую независимости Тосканского маркграфства. Ни минуты не колеблясь, маркграф Тосканский перешел на сторону оппозиции и встретил искреннее понимание у Мароции, которая более всего опасалась, что Гуго подчинит себе Рим. Последствия их соглашения, скрепленного узами брака, не заставили себя ждать^[13].

Из Мантуи Гуго поехал в Верону, тем самым подтвердив, что старинный город не лишился звания второй столицы государства. Затем он заехал в Павию, после чего нанес визит в Иврейское маркграфство, где жила его сестра. Однако, по всей видимости, как и в Вероне, в Иврее также нашлись люди, считавшие, что вместо иностранца на трон должен был взойти Беренгарий Иврейский, единственный потомок и наследник императора Беренгария^[16].

Вернувшись в Павию, Гуго долго там не задержался. Поехал он недалеко, в Тренто, где провел Рождество и вместе с тем выделил из маркграфства Фриули административный округ, который впоследствии стал называться Триентским маркграфством, и нашел для него надежного руководителя. Предполагалось, что новое территориальное образование станет препятствием на пути баварцев в Северную Италию.

Вновь приехав в Павию, Гуго продолжил улаживать дела в королевстве и получил

признание своего статуса от правителей близлежащих государств: в феврале 927 года правительство Венеции обратилось к нему с просьбой подтвердить действительность заключенных прежде договоров. Гуго посчитал сложившиеся обстоятельства благоприятными для поездки в Рим и осуществления условий Мантуанского договора. Действительно, обстановка в Риме наводила на мысль о необходимости срочного вмешательства того, кто установил бы в этом городе мир и порядок^[14].

Вытребовав для своего брата Петра Сполетское маркграфство, Иоанн X обеспечил себе весомое преимущество над противниками. Однако представители римской аристократии и в особенности Мароция негодовали по поводу возросшего могущества братьев.

Свое неудовольствие они ясно продемонстрировали в начале лета 927 года, когда Гуго решил ответить на призыв понтифика и отправился в путь. Узнав о его намерениях, Мароция и ее люди решили действовать: они внезапно атаковали маркграфа Петра, который возвращался в Рим, и отрезали ему все пути в город.

Петр отступил к Орте. Тем временем Гуго из той части Эмилии, которую ему не удалось посетить в тот раз, когда он возвращался в Павию через Чизу, в июле добрался до Флоренции. Затем от Витербо он не поехал по дороге через Кассию, которая привела бы его напрямик в Рим, а повернул к Орте, очевидно, для того, чтобы переговорить с Петром. После этого, вместо того чтобы ехать дальше, он повернул в обратном направлении. (По крайней мере, нет никаких свидетельств тому, что он пытался войти в Рим, чтобы, используя свои королевские полномочия, защитить Папу и его брата.)

Скорее всего, Гуго понял, что враждебное отношение к Иоанну X и Петру распространялось и на него, а в то время Мароция и Гвидо Тосканский, стоявшие во главе римской аристократии, были хозяевами ситуации. Ради проигрышного дела Папы Гуго, конечно, не стал бы ссориться с братом и подвергать государство риску возникновения мятежа, который Гвидо смог бы вызвать. Был и другой повод для немедленного отступления, напрямую связанный с безопасностью государства: в Италию вновь вторглись венгры, посчитав, что смерть Беренгария положила конец перемирию 904 года, которое до сих пор ограждало королевство от нашествий чужеземцев.

Гуго вернулся в Павию по самой короткой дороге — через Сиену, Лукку, Чизу и Парму. Тем временем венгры одним броском пересекли поданскую равнину, перебрались через Апеннинские горы в районе Футы, вошли в Тоскану и предали ее огню и мечу.

Гвидо пришлось покинуть Рим, чтобы оборонять свое маркграфство, и Петр, обеспечивший себе тыл отрядом венгерских наемников, вернулся в Вечный город. Однако удача вскоре отвернулась от него, поскольку, как только венгры оставили пределы Тосканы, Гвидо вновь оказался в Риме, тайне набрав достаточное количество солдат и захватил Латеранский дворец. Петра убили на глазах его брата. Сам же Иоанн X остался в живых, но по сути дела оказался в плену у праздновавших победу римских аристократов.

Гуго даже не попытался противостоять венграм, как он это сделал тремя годами ранее в Бургундии. Некоторые историки считают, что он хотел, чтобы венгры полностью razорили владения его брата Гвидо. И все же причиной подобного поведения мы склонны считать особую позицию итальянцев по отношению к варварам.

Гуго не смог задержать продвижение венгров, поскольку известие об их вторжении застигло его вдали от столицы. Он мог бы попытаться атаковать, когда венгерское войско на обратном пути пробиралось через Апеннинские долины или переправлялось через По, нагруженное добычей и ослабленное потерями, которые оно понесло за время похода. Но он не сделал этого, видимо, потому, что не смог собрать под свои знамена достаточное количество опытных воинов. Безусловно, время исцелило раны, нанесенные поражениями при Бренте (900 г.) и Фьоренцуоле, воспоминания о которых могли бы помешать итальянцам дать бой вражескому войску. Проблема состояла в том, что итальянцы, всегда готовые сразиться друг с другом, непокорные и драчливые, не хотели даже слышать о битве с врагом, перед которым они испытывали панический ужас.

Итак, никем не потревоженные венгры оставили поле боя, а Гуго в феврале 928 года

созвал в Вероне королевскую ассамблею, на которой обсуждались меры по устранению последствий набега и по предотвращению новых вторжений.

Тем временем Мароция и Гвидо правили в Риме и ждали удобного случая, чтобы избавиться от Иоанна X^[15].

После закрытия Веронской ассамблеи Гуго отправился в Феррару, но о том, какие последствия имел этот выпад против экзархата, чьи претензии на самостоятельность подогревались римскими событиями, мы ничего не знаем. Известно лишь то, что король наладил отношения с именитыми гражданами и двоих из них, супругов Альмериха и Тевбергу, взял под свое покровительство. Вероятно, не только они удостоились этой привилегии, поскольку король намеревался сколотить группу поддержки из числа местных жителей, подобную той, которую он создал для Беренгария, когда Иоанн X был архиепископом Равеннским. Однако вскоре все внимание короля заняла совершенно другая проблема, заставившая его полностью забыть об итальянских делах: 5 июня 928 года скончался Людовик Прованский^[16].

Переехав в Италию, Гуго не отказался от титулов и должностей, которые делали его самой важной фигурой в Провансе, а, вероятно, собственным представителем и заместителем назначил своего брата Бозона.

У Людовика не было законных наследников или тех, кто, по крайней мере, смог бы вступить в права наследства. Его родственником по боковой линии был Рауль Бургундский, который чуть более четырех лет тому назад стал королем Франции и ранее никогда не вмешивался в политическую жизнь Прованса. Еще более слабые родственные узы связывали Людовика с Гуго, который сохранил за собой высокопоставленную должность «первого министра» (*primo ministre*) и мог положиться на свою многочисленную и влиятельную родню, видевшую немалую выгоду в том, чтобы хранить ему верность и содействовать его восхождению на трон Прованса.

Ни Гуго, ни Рауль еще не утвердились в недавно приобретенных ими королевствах настолько, чтобы вступить в борьбу за Прованс. Для обоих было выгоднее заключить соглашение. Поэтому между августом и сентябрем состоялась их встреча, на которой Рауль ограничился требованием передать окрестности Вьенны во владение одному из своих вассалов и отказался от претензий на Прованское королевство. Рауль поставил единственное условие: Гуго не должен был принимать титул короля Прованса; выяснение причин этого требования может повлечь за собой весьма долгие и бесплодные рассуждения^[17].

Гуго не обращал внимания на то, что частные хартии и публичные акты продолжали датировать временем после смерти Людовика III Слепого или периодом междуцарствия: пока он носил только один королевский титул и не претендовал на другой. Он спокойно правил, жаловал грамоты и привилегии, пытался добиться благорасположения духовенства, давая понять, что считает себя полноправным властителем не только Италии, но и Прованса, и просто ждал подходящего момента, чтобы добавить новую корону к уже имеющейся.

Гуго покинул пределы Италии, как только узнал о смерти Людовика, и в конце ноября все еще находился в Провансе. Если считать, что в документальных свидетельствах нет никаких пробелов, он добрался до Турина только в конце февраля, а 10 дней спустя вернулся в Павию^[18].

Долгое отсутствие короля не ввело итальянских сеньоров в искушение, и мир в государстве не нарушили ни мятеж, ни заговор. Мароция и Гвидо, напротив, воспользовались его отъездом и избавились от Иоанна X, посадив на его место слабохарактерного Льва VI. Появление этого Папы лишило Гуго надежды на скорую императорскую коронацию^[19].

Хотя в отсутствие Гуго магнаты не поднимали восстаний, это отнюдь не значило, что король мог посвящать их во все свои планы, уповая на их слепое послушание и преданность. В связи с этим стоит вспомнить эпизод, который можно назвать знаковым, хотя он не оказал никакого влияния на ход политических событий.

Королева Альда привезла с собой из Прованса своего капеллана Герланда. По достоинству оценив его добросовестность, король в 928 году назначил его канцлером, а еще через год — архиканцлером и аббатом монастыря Боббио. В обязанности новому аббату вменили проведение описи монастырского имущества по старинным документам. Ко всеобщему ужасу, выяснилось, что большую часть имущества некогда богатого монастыря разворовали феодалы^[20].

Чтобы вернуть утраченное имущество, аббат обратился за помощью к королю, но тот признался Герланду, — который наверняка ожидал подобного ответа, — что ничего не мог поделать: «...он даже боялся их, поскольку, поступая против их воли, мог навлечь беду на все государство...». Однако, желая помочь, король посоветовал ему привезти на следующую королевскую ассамблею мощи св. Колумбана. Возможно, что растроганные и смущенные гранды согласились бы вернуть награбленное.

Герланд последовал этому совету и перевез останки святого в Павию, оставив их в соборе св. Михаила. На ассамблее король изложил просьбу аббата, затем приказал принести наполненный вином кубок св. Колумбана, отпил из него и предложил отпить остальным, таким образом подвергая их некому подобию Суда Господня. Когда очередь испить из кубка дошла до Гвидо, епископа Пьяченцы, и его брата Райнара, они с негодованием оттолкнули его и той же ночью, не дожидаясь закрытия ассамблеи, покинули город. Подобно Гвидо и Райнару, предложение короля отвергли многие магнаты, на совести которых лежал груз незаконно присвоенных монастырских владений. Не желая признаваться в том, что возвращать награбленное в их планы не входило, они смеялись над святыми мощами: «Мы не желаем отдавать владения, которые вы у нас требуете, из-за того, что вы принесли сюда лошадиные или ослиные кости...»

Чудесное исцеление одного из несогласных с этим предложением магнатов, который своим криком довел себя до эпилептического припадка, настолько впечатлило присутствовавших, что они стали наперебой обещать, что вернут присвоенное ими имущество монастыря, и что-то символически вернули аббату немедленно. Все это показывает, насколько непокорными вассалами были магнаты королевства, и делает очевидным тот факт, что в ближайшее время должен был возникнуть новый заговор. Меры, к которым Гуго пришлось прибегнуть для подавления заговора, свидетельствуют о том, насколько непрочной была его власть^[21].

Возглавили мятеж двое королевских судей — Вальперт и Эверард Гезо. Они были членами королевского трибунала, следовательно, входили в число важнейших государственных чиновников, но это не делало их покорнее и слабее по сравнению с феодалами. «Теперь мы знаем, — говорится в одном из текстов, — насколько у нас небрежные судьи и насколько у нас разнузданные воины...»^[22].

Используя свое высокое положение, Вальперт сделал своего сына епископом Комо и выдал свою дочь Розу замуж за графа Гильберта Бергамского, который некогда сопровождал Рудольфа Бургундского в Италию. Даже после смерти его сына и зятя запас доверия к нему как к влиятельному судье не уменьшился, и жители всей Павии продолжали спрашивать у Вальперта совета, искать у него поддержки, просить защиты в судебном разбирательстве.

У Вальперта был союзник, который к тому же приходился ему дальним родственником. Речь идет об Эверарде Гезо, сочетавшем в себе множество отрицательных качеств: будучи высокомерным и завистливым человеком, он виртуозно владел искусством искажать дух законов. Вполне возможно, что он хотел жениться на дочери Вальперта, когда она овдовела, однако Роза предпочла стать любовницей короля, нежели супругой королевского судьи. Вероятно, у Эверарда были и другие причины ненавидеть Гуго, и он вместе с Вальпертом, который хотел отомстить за поруганную честь своего рода, организовал покушение на жизнь короля.

Заговорщики собирались нанести удар, когда Гуго остался в Павии с небольшой свитой. Однако короля кто-то предупредил; и поскольку ему не хватало вооруженных людей для того, чтобы арестовать преступников и помешать горожанам выступить в их поддержку,

он решил воздержаться от силовых мер. Гуго сообщил заговорщикам, собравшимся в доме Вальперта, что готов выслушать их претензии и примет их условия, если сочтет их обоснованными.

Готовые действовать заговорщики оказались в полном замешательстве. Король покинул Павию, созвал верных людей и, послушавшись совета графа Сансона, заклятого врага Эверарда, прибег к хитрости, чтобы арестовать предводителей заговора.

Всегда, когда король подъезжал к столице, согласно обычаю, самые именитые горожане выходили за крепостные стены ему навстречу. Зная об этом, Гуго договорился с епископом Павии, чтобы в следующий его приезд тот захлопнул ворота за спинами тех, кто выйдет поприветствовать короля. Таким образом преступников можно было схватить, поскольку они не смогли бы вернуться в город, а у горожан не было бы возможности прийти им на помощь.

Все так и случилось. Эверарда отдали на расправу графу Сансону, который приказал выколоть ему глаза, вырвать язык и, кроме того, присвоил все его имущество. Вальперта по приказу короля обезглавили, его владения конфисковали, а у его жены под пыткой выясняли, где были спрятаны его сокровища (впрочем, и после этого любовная связь Розы с королем не прекратилась). Столь же сурово были наказаны все остальные сообщники заговорщиков, и в душах магнатов королевства зародился спасительный страх перед своим государем^[23]. И глазом не моргнув, магнаты дали согласие на то, чтобы на королевском престоле к отцу присоединился Лотарь, единственный законный сын Гуго, ребенок двух или трех лет от роду. Эта мера должна была обеспечить престолонаследие сыну после смерти отца, так же как сорок лет тому назад обеспечила его Ламберту. В апреле 931 года Лотара короновали^[24]. Кроме того, нужно было усмирить непокорных магнатов, а приезд Бозона из Прованса, где он находился до того момента, предвещал начало борьбы с могущественной тосканской династией, чья тесная связь с римской аристократией представляла особенную опасность для Гуго и Лотаря.

После смерти Петра Гуго передал Сполетское маркграфство во владение одному из своих племянников, Тебальду, сыну своей сестры Тевтберги. Однако Гуго хотел передать в надежные руки и Тоскану.

Гвидо Тосканский умер в 929 году, не оставив после себя ни законного наследника, ни того, кто мог бы принять Тоскану под свое покровительство. От его брака с Мароцией родилась одна дочь, Берта, о которой, кроме имени, нам ничего не известно. Именно ее подразумевает Лиутпранд, когда в своих стихах обращается к Мароции: «В наше время у твоего мужа потомства не появилось»^[25]. Наследником Гвидо должен был стать его брат Ламберт, но после римских событий 929 года Гуго отказался покровительствовать тосканской династии. Он не пытался сместить Гвидо, поскольку прекрасно понимал, что не сможет этого сделать, но с радостью воспринял известие о его преждевременной смерти. Конечно же, Гуго не собирался допускать на его место Ламберта, не желая делать маркграфом Тосканским человека, который вместо преданности демонстрировал откровенную враждебность. Поэтому Гуго пожаловал своему сводному брату Ламберту должность наместника в маркграфстве и тут же стал поджидать удобного момента, чтобы лишить его и этой скромной привилегии. Ошибочно или нет, Гуго считал, что Ламберт, подобно Гвидо, не успокоится, даже если сумеет преградить королю путь в Рим за императорской короной, заручившись поддержкой одного из будущих Пап, и попытается отнять у него королевский скипетр, возглавив толпу недовольных, которыми просто кишело государство.

Зная характер и манеру поведения Ламберта, человека вспыльчивого, честолюбивого, дерзкого, можно сказать, что подобные умозаключения имели под собой основания. Бозон, родной брат короля, мечтавший стать маркграфом Тосканским и завладеть несметными богатствами, которые Адальберт оставил своим сыновьям, подливал масла в огонь и делал все для того, чтобы все возрастающая неприязнь вынудила одного из братьев пойти на крайние меры.

Все так и произошло после целой серии событий, которые описаны историками ровно настолько, чтобы понять, что коварство Бозона, враждебность Гуго и глупость Ламберта, кичившегося своим родством с королем, одинаково повлияли на исход дела.

Гуго потребовал от Ламберта не злоупотреблять положением королевского брата и вести себя по отношению к государю так, как это делали — или должны были делать — остальные маркграфы. Импульсивный Ламберт, сбитый с толку коварными советами Бозона, превратно воспринял предупреждение, сделанное королем из политических соображений. Он посчитал, что Гуго оскорбил память его матери гнусным обвинением в подложных родах, и заявил о своей готовности доказать обратное на Суде Господнем.

Гуго пребывал в полной уверенности, что сумеет совладать с Ламбертом, поэтому принял вызов и выбрал бойца, который должен был сразиться с юнцом вместо него. Выбирал король весьма тщательно, надеясь на то, что удачный удар мечом отправит его молодого брата в мир иной, раз и навсегда разрешив тосканский вопрос. В поединке победил Ламберт, после чего, воодушевленный победой, стал осыпать короля оскорблениями и угрозами. Гуго не составило никакого труда арестовать его как мятежника.

Ламберта ослепили; он прожил еще долго, но никак более себя не проявил. Бозон получил столь вожеленную Тоскану, а Гуго смог обратить более пристальное внимание на Рим, власти которого, впечатленные тосканскими событиями, стали с пристальным вниманием следить за происходившим в Павии.

Утверждая свое господство в Риме, родственники Феофилакта сначала нашли поддержку у маркграфа Сполетского, после его смерти воспользовались услугами маркграфа Тосканского, и оба раза политический союз сопровождался бракосочетанием дочери Феофилакта с его союзником. Когда умер Гвидо, перед Мароцией и ее единомышленниками встала проблема поиска нового союзника — и нового мужа, — который смог бы помочь им в борьбе с внешними и внутренними врагами. Но на этот раз Сполето и Тоскана оказались в руках верных Гуго людей.

Вероятно, именно тогда Мароция попыталась заручиться поддержкой Византии. Император Роман Лакапин⁽¹⁷⁾, желая сделать патриархом Константинопольским своего юного сына Феофилакта, направил в Рим послов, которые должны были испросить согласия у Папы Иоанна XI, сына Мароции. Одновременно с этим проходили переговоры о заключении брака между дочерью Мароции — сестрой Папы — и другим сыном императора. Между тем обстановка все больше накалялась.

Гуго, более всех своих предшественников уверенный в людях, правивших в соседних с римским округом землях, в любой момент мог двинуться на Рим и договориться с теми, кто был против господства клики Мароции и ради избавления от него согласился бы присягнуть императору.

Это повлекло бы за собой гибель Мароции и ее сторонников, не обошлось бы без удушений, ослеплений и других видов кровавой расправы, привычных для Рима. Однако Мароция не забыла, как ловко Иоанн X лишил Гвидо главного козыря в его игре, и решила попытать счастья еще раз.

Поскольку найти союзника в борьбе против Гуго было невозможно, нужно было заключать с ним союз. А если и на этот раз политическое соглашение вылилось бы в заключение брака, титул королевы или даже императрицы стал бы для Мароции гарантией того, что, достигнув своей цели, союзник не избавился бы от нее, как от ненужной вещи.

Союз был выгоден и для короля Италии, который недавно стал вдовцом. Он также считал, что женитьба на Мароции может стать основой долговременного и выгодного соглашения, а также самым простым путем к господству в Риме и к императорской короне. После смерти Стефана VII Мароция добилась избрания Папой своего сына Иоанна — которого злые языки называли сыном Сергия III, — и молодой понтифик, конечно же, не стал бы лишать собственную мать и ее мужа радости обладания императорской короной.

Гуго ничуть не смущало то, что Мароция была вдовой его брата Гвидо. Перспектива

женитьбы на вдове одного из братьев не могла остановить того, кто хладнокровно расправился с другим. А для всемогущей римской сенаторши не составляло никакого труда получить от папской курии и от собственного сына необходимое разрешение, чтобы избежать пересудов о законности заключенного брака.

В то же время Мароция пыталась укрепить свой авторитет, завязав отношения с Византией, и прокладывала для одной из своих дочерей путь в императорскую семью. Переговоры уже приближались к решающей стадии, когда Мароция вступила в соглашение с Гуго.

Король и сенаторша быстро нашли общий язык, и, когда договор был заключен, Гуго отправился в Рим, торопясь осуществить его условия.

1 июля 932 года Гуго добрался до Лукки, где остановился у Бозона, новоиспеченного маркграфа Тосканского, который безмерно гордился своим новым титулом. Во время своего пребывания в Тоскане Гуго счел необходимым сделать значительное пожертвование церкви св. Мартина в память о маркграфе Адальберте и графине Берте. В дальнейшем этот поступок истолковывали по-разному, но, по всей видимости, он должен был смягчить впечатление от произошедших годом раньше скандальных событий.

В Рим Гуго приехал, самое раннее, в середине июля 932 года. Римляне достойно встретили его и проводили к Мароции в замок св. Ангела, где и состоялось бракосочетание.

Его, желанного, как быка, привели к алтарю,
Короля Гуго — к тебе в город Рим, —

позже, обращаясь к Мароции, написал Лиутпранд, и эти слова вряд ли могли понравиться Гуго. В действительности он, может быть, и не был похож на быка, ведомого на заклание, однако римляне позволили войти в город лишь очень немногим людям из его свиты, из-за чего королю стало немного не по себе.

Мароция и Гуго переоценили свои силы: вступление в брак не помогло им добиться того, что они пообещали друг другу. Римские аристократы позволили им сыграть свадьбу, но в последний момент воспротивились тому, чтобы Иоанн XI надел на новобрачных императорские короны, как бы он сам этого ни желал.

Представители оппозиции поддерживали сына Мароции от первого брака, которого звали так же, как его отца. Однажды Альбериха уже лишили права унаследовать Сполето, а теперь, стоило Мароции на секунду ослабить хватку, он мог потерять и Рим.

Шли недели, но ничего не происходило, хотя и Гуго, и Альберих с нетерпением ждали случая, который спровоцировал бы их столкновение.

В конце декабря или начале января Гуго решил ударить первым. Когда на пиру Альберих по просьбе матери подал Гуго воду с явным неудовольствием, тот дал ему пощечину, в надежде на то, что бурная реакция юноши позволит схватить его и казнить по обвинению в покушении на жизнь короля.

Несомненно, Гуго уповал на то, что после смерти Альбериха сопротивление римлян прекратится. Скорее всего, Гуго был прав, однако Альберих почувствовал опасность и вовремя принял меры предосторожности. Получив от Гуго пощечину, Альберих укрылся в надежном месте, созвал своих друзей и единомышленников и обратился к ним с речью. Он заявил, что Гуго намеревается, убив либо ослепив его, обратить римлян в рабство. После этого, закрыв ворота, чтобы королевские воины, разбившие лагерь за крепостной стеной, не смогли прийти на помощь Гуго, Альберих повел знать и простолюдинов на штурм замка св. Ангела.

Гуго сразу понял, что не в силах сдержать этот мощный натиск. Опасаясь предательства Мароции и своих последних сторонников, он, не мешкая, обратился в бегство. Ночью Гуго по веревке спустился из окна замка, добрался до своих воинов и приказал им незамедлительно сворачивать лагерь. По дороге в Тоскану он дал себе клятву вернуться и отомстить за оскорбление.

Альберих пришел к власти, получив титул «принцепса и сенатора всех римлян» (*princeps et senator omnium Romanorum*). Мароцию схватили и бросили в темницу. О своем существовании она напомнила еще лишь один раз, когда незадолго до смерти произвела на свет девочку, дочь Гуго, которую называли Бертой (как и ее единоутробную сестру, дочь Гвидо). Иоанна XI также заключили под стражу, и в январе 936 года он скончался^[26].

Примерно в то же время при дворе Гуго появился новый паж, сын того самого знатного жителя Павии, который в 926–927 гг. отправился в Константинополь в качестве посла Гуго и вскоре после этого умер. Этого молодого пажа звали Лиутпрандом, ему было суждено сделать блестящую карьеру и стать прекрасным писателем, чьи произведения мы так часто цитируем^[27].

V. СОГЛАШЕНИЯ, ВОЙНЫ, ЗАГОВОРЫ

Заключение договора с Рудольфом II. — Отношения с Византией. — Второй поход на Рим. — Сарацины. — Ратхерий Веронский и Арнульф Баварский: события в Вероне. — Гуго и византийцы в Южной Италии. — Крах Бозона и третий поход на Рим. — Вторжение в Бургундию: бракосочетание Лотаря и Аделаиды. — Анскарий Иврейский-Сполетский. — Четвертый поход на Рим.

Изгнанный из Рима, Гуго вернулся в Павию в феврале или марте 933 года. Однако вместо того, чтобы начать организацию похода на город, где ему нанесли столь серьезное оскорбление, Гуго был вынужден решать проблемы, которые требовали срочного вмешательства — как в самом королевстве, так и за его пределами.

И если маркграф Иврейский, осознав свои ошибки, пытался разрешить противоречия, которые испортили его добрые отношения с венецианцами — неурядицу местного значения, не повлиявшую на дальнейший ход событий^[11], — то Гуго прилагал все усилия к тому, чтобы предупредить гораздо более серьезное недоразумение.

За время отсутствия короля некоторые магнаты — имена которых не сохранились — поняли, что просчитались, поменяв нетребовательного короля, каким был Рудольф II, на авторитарного и деспотичного правителя, каким оказался Гуго. Поэтому они предложили Рудольфу вернуться в Италию.

Рудольф, который помнил все события своего краткого правления в Италии и прекрасно знал Гуго, выжидал и размышлял так долго, что Гуго успел вернуться в Павию и раскрыть новый заговор своих «дражайших» (*carissimi*) подданных. Безусловно, мастер переговоров его уровня без труда нашел способ договориться с соперником и спасти Итальянское королевство, принеся ради этого в жертву Прованс.

В 928 году заключив соглашение с Раулем Французским, Гуго уступил одному из своих подданных Вьеннское маркграфство и таким образом сохранил власть, хотя и не подтвержденную титулом, над всей территорией Прованса.

Указ о передаче Вьеннского маркграфства новому владельцу остался мертвой буквой. Но в 933 году, когда римский поход Гуго завершился полным крахом, а магнаты снова пригласили в Италию Рудольфа II, Рауль Французский присвоил себе вьеннские земли, будучи уверенным в том, что Гуго не сможет отстоять условия соглашения 928 года.

Рудольф II, вновь оказавшись в Италии, не скрывал, что для него было бы гораздо легче избежать этого похода. Поэтому Рудольф охотно принял предложение Гуго: в обмен на торжественное обещание никогда более не появляться в Италии и не претендовать на итальянский трон он получил власть над Провансом.

Нужно отметить, что при оформлении передачи Рудольфу II прав на Прованс Гуго пришлось использовать весьма неточную формулировку, в которой упоминалось о состоянии Прованского королевства на момент смерти Людовика III и не было даже намека на соглашение 928 года с Раулем и на совершенный им захват Вьеннского маркграфства. По заключенному с Гуго договору Рудольф становился единоличным государем Прованса, чей трон пустовал с 928 года, и приобретал все соответствующие полномочия: право сбора

налогов, опеки над церквями и монастырями, право распоряжаться свободными феодами и должностями и т. д. Впрочем, Гуго, некоронованный король Прованса, уступая свои полномочия, неизбежно должен был воспользоваться расплывчатой формулировкой, в которой ничего не говорилось о королевской власти. Однако эта неточность могла стать яблоком раздора между Рудольфом и Раулем — который присвоил себе титул Вьеннского короля, — а Гуго был достаточно умен, чтобы просчитать возможные последствия^[2].

Тем временем Гуго развил активную дипломатическую деятельность в отношении Германии и Византии. В первую очередь ему нужно было позаботиться об укреплении дружеских отношений с Генрихом Саксонским. Слава об этом короле дошла и до Италии, особенно после блистательной победы, которую он одержал над венграми в 933 году. Его громкий успех вызывал опасения, что при желании он с легкостью вмешается и в дела Италии. Более того, ходили слухи о том, что Генрих собирается в Рим, причем не приходилось сомневаться, что к его религиозным устремлениям добавились бы и политические задачи. Однако Генрих Саксонский внезапно скончался, так и не успев покинуть пределы собственных владений, а у Гуго стало одной проблемой меньше^[3].

Немедленного вмешательства на дипломатическом уровне требовала и ситуация в Византии, где Альберих, восприняв политический курс своей матери, начал собственные переговоры.

Чтобы получить согласие римской курии на посвящение в сан патриарха Константинопольского одного из своих сыновей, юного Феофилакта, Роман Лакапин начал переговоры о браке другого своего сына и сестры Папы, дочери Мароции. Мароция исчезла с политического небосклона еще до завершения этих переговоров, но год спустя их возобновил Альберих. Воспользовавшись появлением в Константинополе четырех папских легатов, которые должны были передать разрешение Папы на избрание юного Феофилакта патриархом, Альберих попросил себе в жены византийскую принцессу, надеясь опереться на авторитет Византийской империи и вместе с рукой принцессы получить признание нового режима, который он установил в Риме. В то же время переговоры показали, что знать и простой люд Рима стремились под защитой Восточной Римской империи (Византии) обрести стабильность и безопасную жизнь, которых им уже не могла обеспечить Западная Римская империя. Иоанн XI, пленник собственного брата, поддерживал эту политику и датировал свои грамоты правлением императора Византии. По плану Альбериха Византийская империя должна была предоставить ему необходимые средства и моральное право сопротивляться Гуго и его претензиям на императорскую корону. Однако Гуго узнал о надвигающейся опасности и отправил в Константинополь новое посольство, которое расстроило матримониальные планы Альбериха.

Византийская империя никогда формально не отказывалась от своих притязаний на Италию и Рим. Предложенный Альберихом брачный союз, казалось бы, предоставлял византийцам прекрасную возможность вернуться в Вечный город, но, дав свое согласие, они были бы вынуждены признать навязанную Альберихом форму правления, что для них означало бы отказ от прав на Рим, которые Византия намеревалась сохранить.

Не порывая отношений с Альберихом — византийские дипломаты были слишком опытны для того, чтобы совершить подобную ошибку, — Византия предпочла пойти на союз с Гуго. На это решение во многом повлияла оценка военной мощи короля Италии и маркграфа Сполето, которая могла послужить — или навредить — интересам Византии в Южной Италии. Время внесло ясность в этот вопрос^[4].

Когда опасность нашествия Генриха Саксонского и происков Альбериха на первый взгляд миновала, а соглашение с Рудольфом II давало Гуго возможность не опасаться удара в спину, в конце 933-го или в начале 934 года король стал готовиться к походу на Рим.

Длительная осада такого большого города, каким был Рим, была не по силам войску, которое с трудом собрал Гуго. Поэтому военные действия представляли собой серию опустошительных набегов на окрестности Рима. Редкие попытки штурма горожане, защищенные высокими и крепкими стенами, отражали без особого труда.

Эд, аббат монастыря Ключни и старый друг Гуго, который несколькими годами ранее, когда речь шла о важном для его аббатства деле, ходатайствовал за него перед Папой, стал настаивать на том, чтобы король примирился с Альберихом и прекратил военные действия. Поговорив с одним и с другим, аббат лишь частично добился своей цели. Соперники не пришли к дипломатическому решению конфликта, однако Гуго снял осаду — которую более не мог продолжать. Поскольку о его передвижениях с конца сентября 933-го по первую половину мая 934 года ничего не известно, можно предположить, что он сразу вернулся на север Италии^[5].

В источниках нет хронологической последовательности событий 923–937 годов. Важнейшие из них: набеги сарацин на Лигурию и поданскую Италию, разграбление Генуи, разгром сарацинского войска в Акви, попытка вторжения в Италию Арнульфа Баварского, новый поход Гуго на Рим, заговор Бозона, который Гуго раскрыл и обезвредил; союз Гуго с византийцами, которые попросили его и маркграфа Сполето о помощи в борьбе против князей Капуи, Беневенто и Салерно, — описаны весьма бессистемно. Рассказывая об этих событиях, необходимо учитывать их логическую последовательность, закономерность, с которой одно могло вытекать из другого. Однако логика и историческая реальность не всегда совпадают.

Ни источники, ни логика не позволяют нам утверждать, как это делают некоторые историки, что Гуго снял осаду Рима и помчался в Северную Италию сражаться с сарацинами. О набегах сарацин на Италию в 933 году рассказал только Флодоард, который вместе с тем забыл упомянуть о двух набегах 934 и 935 годов, описанных Лиутпрандом и арабскими хронистами. В связи с этим возникает подозрение, что франкский историк перепутал даты, что случалось с ним не раз.

В арабских источниках говорится о том, что в 935 году, как и в предыдущем, 934-м, сарацины отправились из Северной Африки в Лигурию. Кульминацией этого похода под предводительством Якуба-бен-Изака стал опустошительный грабеж, устроенный полчищами сарацин в Генуе. Предположительно, во время именно этой вылазки отдельные группы мусульман перебрались через Апеннины и дошли до города Акви, жители которого после жестокой битвы уничтожили эти группы захватчиков.

Ни в одном из источников не говорится об ответных действиях короля. Сопротивление набегам венгров или сарацин, скорых на подъем, внезапно прекращавших и возобновлявших военные действия, представлялось практически невозможным для представителя центральной власти, которому нужно было время, чтобы собрать войско. От сарацин и от венгров города оборонялись своими силами, поэтому такое сопротивление было, как правило, слабым, непостоянным и неэффективным^[6].

В конце 934 и начале 935 года Гуго хотя и не сражался с сарацинами, но оказал сопротивление другому, неожиданно появившемуся врагу, который не собирался, подобно венграм или сарацинам, захватить как можно больше трофеев, пленников и быстро убраться восвояси. Он намеревался завладеть если не всем королевством, то, по крайней мере, Веронским маркграфством. Этим врагом был Арнульф Баварский.

На протяжении почти 40 лет — с момента гибели Арнульфа Каринтийского — германские князья не интересовались итальянскими делами, поскольку постоянно вели войны с норманнами, славянами, венграми, которые опустошали их владения.

Арнульф Баварский в 910 году наследовал своему отцу Лиутпольду, павшему в битве с венграми, и заявил о себе как о предприимчивом и смелом человеке, защищая независимость своего герцогства от притязаний на нее королевской власти и доблестно сражаясь с варварами.

Торговые и религиозные связи между Италией и Баварией были достаточно сильными, и представители обеих сторон, как правило, встречались в Вероне, добираясь до нее по мосту через реку Адидже. Из всех итальянцев жители Вероны наиболее полно осознавали

значимость фигуры Арнульфа, и именно они снабжали его сведениями обо всем, что происходило в Итальянском королевстве. Поэтому было бы вполне логичным, если бы веронцы, подняв мятеж против собственного короля, стали искать поддержки у Арнульфа Баварского. Кроме того, герцог обеспечил себе тыл, заключив в 927 году соглашение с венграми, и, по всей видимости, заявил о своих намерениях вмешаться в дела Италии^[7].

К заговору, который возглавил Милон, граф Веронский, примкнули епископ Ратхерий, значительная часть городского духовенства и многие местные именитые граждане.

Выявить причины, которые привели к заговору, а тем более определить вклад, внесенный в дело каждым конкретным участником, не представляется возможным. Например, совершенно непонятно, что подтолкнуло к мятежу Милона, который получил графский титул именно от Гуго. А вот Ратхерия с королем действительно связывали не самые дружеские отношения.

История Ратхерия настолько показательна, что стоит рассказать о ней поподробнее.

Ратхерий был монахом в Лоббе; в Италию он приехал вместе с Хильдуином Льежским, священником из знатного рода, который отчаялся получить епископский сан в родном городе и перебрался в Италию, в надежде преуспеть при дворе Гуго, своего дальнего родственника. Гуго пообещал Хильдуину сан архиепископа Миланского, как только кафедра освободится, и временно сделал его епископом Вероны. Ратхерий, в свою очередь, надеялся занять место Хильдуина в Вероне, когда тот уедет в Милан.

Ламберт, архиепископ Миланский, умер 10 июня 931 года, и ему на смену призвали Хильдуина. За палием и благословением понтифика он послал в Рим своего друга Ратхерия, и тот не преминул воспользоваться представившейся возможностью и связями в курии, чтобы заручиться поддержкой Иоанна XI и его советников в своих притязаниях на веронскую кафедру. К тому же обстановка в Вероне на тот момент благоприятствовала его избранию.

Ратхерий был образованным, набожным и аскетичным монахом: в вопросах религии и морали он не признавал компромиссов. К епископскому сану он стремился не из честолюбия, а из ревностного благочестия. Он страстно жаждал обрести власть, которую хотел употребить для проведения необходимой, с его точки зрения, реформы нравов духовенства и паствы. Однако этот добродетельный монах обладал скверным характером и чрезмерно острым языком.

Гуго не знал, что делать с таким епископом: на епископской кафедре ему был нужен человек, готовый всецело повиноваться светской власти. Поэтому, по всей видимости, король намеревался предложить Вероне — городу, имевшему важнейшее стратегическое значение, — вместо Ратхерия другого епископа. На это место претендовали трое: некий уроженец Аквитании, имя которого нам неизвестно; Гарафрид, не менее таинственный персонаж, и его племянник Манассия, уже избранный епископом в Арле.

Заинтересованность Иоанна XI в избрании Ратхерия епископом Веронским стала для короля весьма неприятной неожиданностью. С одной стороны, было бы политически недальновидно противоречить Папе, который, как надеялся Гуго, рано или поздно все-таки согласился бы возложить на его голову императорскую корону. В то же время Гуго меньше всего хотел отдавать Верону столь несговорчивому и негибкому человеку, каким был Ратхерий. Безусловно, король, прибегнув к своим обычным ухищрениям, нашел бы способ обойти рекомендацию понтифика, не обидев его, если бы Ратхерий не заболел так тяжело, что его друзья объявили о его скорой кончине. Гуго поверил их словам о том, что Ратхерий стоит на краю могилы, и согласился на его избрание, считая, что оно не будет иметь никаких последствий. Вместе с тем он показал, что хотел угодить Папе и остальным друзьям Ратхерия. Сразу же после избрания Ратхерий внезапно выздоровел, а Гуго пришел в ярость, поняв, что его обвели вокруг пальца. Нет, пока он жив, Ратхерию не видать кафедры, которую он у него выманил! Поэтому он потребовал передать часть доходов с епископства в пользу королевской казны, и Ратхерий, который прекрасно знал свои права и обязанности, немедленно взбунтовался. Гуго не мог объявить избрание чрезмерно независимого прелата

недействительным; но он не мог и заставить его повиноваться. Поэтому король начал плести интриги, с помощью которых он надеялся вынудить Ратхерия отречься от сана или же перейти в открытую оппозицию, что дало бы Гуго возможность сместить его, обвинив в измене. В конечном счете Ратхерий действительно примкнул к заговорщикам, поддерживавшим Арнульфа Баварского^[8].

Некоторые представители духовенства разделяли претензии епископа Вероны к королю. А знатные горожане надеялись на то, что со сменой правителя Италии вновь наступят счастливые времена, как при Беренгарий, когда Верона, любимый город государя, практически была второй столицей и пользовалась всеми столичными привилегиями.

Осенью 934-го или зимой 935 года Арнульф пересек долину реки Адидже с отрядом, собравшим весь цвет его герцогства. В отряде был Адальберт, епископ Зальцбурга, который не отправился бы в путь без группы помощников, а там, где были епископы, нашлось место и для графов.

Милон и Ратхерий отворили ворота Вероны, а оттуда герцог решил направиться к Милану и Павии. Арнульф и веронцы рассчитывали на то, что к ним примкнут епископы и знатнейшие феодалы Итальянского королевства, но этого не произошло. Гуго без всякой спешки собрал войско и выступил к Вероне, выслав вперед несколько конных отрядов, которые перекрыли все дороги на восток.

Единственное крупное сражение произошло в Буссоленго, где королевские войска одержали внушительную победу. Армия герцога понесла огромные потери, многие его воины разбежались. Сам Арнульф был ранен в бою и решил немедленно отступить в Баварию, взяв в заложники Милона, чтобы иметь возможность повторить вылазку в другое время и с бо[#]льшими силами.

Однако Милон, видя, какой оборот принимают события, успел скрыться. Он более не обольщался насчет Арнульфа и союза с ним. Более того, он уверился в том, что новый поход также не имел бы успеха, поскольку крупные феодалы, не поддержавшие инициативу первого похода, не одобрили бы и второй. Немного поразмыслив, Милон перешел от Арнульфа на сторону Гуго. Один из его братьев вместе с кучкой вассалов открыто взбунтовался, забаррикадировался в Веронском замке и какое-то время выдерживал осаду герцога.

Арнульф относительно быстро сломил сопротивление и продолжил путь в Баварию, увозя с собой пленных мятежников. А Гуго 2 февраля вошел в Верону во главе войска, со свитой из епископов и графов^[9].

Своевременно приняв решительные меры, Гуго предотвратил роковые для государства последствия, которые вполне могли произойти после заговора Милона и вторжения Арнульфа. Правда, подавление мятежа и расправа с мятежниками произошли весьма интересным образом.

Милон укрылся в надежном месте, его брат попал в плен, тем самым невольно доказав верность своей семьи законному государю. В серьезную переделку попал Ратхерий. Именно он рассказал — хотя и довольно бессвязно — о событиях, последовавших за вступлением королевских войск в Верону. Этот рассказ пролил свет на реальную политическую обстановку в итальянских городах того времени, на ситуацию, которую хронисты описывали схематично и однообразно.

Лиутпранд сообщил только то, что Арнульф «охотно принят графом Милоном и епископом Ратхерием, словно они его пригласили». После этого он описал военные действия во время похода, а затем рассказал об отступлении герцога и его последствиях: «...когда он отступил, король Гуго немедленно вернулся в город, а плененного им Ратхерия, епископа этого города, Папа отправил в изгнание». Так он завершил свой рассказ об этом эпизоде.

В свою очередь, Ратхерий дает нам понять, что не только он с Милоном, но и горожане перешли на сторону Арнульфа. Однако общественное мнение в Вероне играло немаловажную роль. Утром 2 февраля во время торжественной мессы, когда восхваляющий Господа и присутствующие обменивались поцелуем мира, многие из тех, кто знал о

неминуемом вторжении в город королевского войска, открыто заявили епископу, что именно на нем лежит ответственность за произошедшие и грядущие несчастья.

Бургундцы, из войска Гуго, сначала преследовали отступавших воинов Арнульфа, а затем вошли в город и принялись громить все вокруг, грабить и убивать. Было произведено множество арестов, а епископа, который не успел, подобно графу, вовремя переметнуться на сторону Гуго и к тому же попался на глаза людям короля, когда беседовал с одним из приспешников герцога, взяли под стражу. С ним хорошо обращались, поскольку его происхождение и его дружба с Хильдуином создали ему репутацию своего человека при дворе и, возможно, приближенного короля. Тем не менее ночью Ратхерий не смог сомкнуть глаз, думая об угрозе, которая нависла над остальными арестованными — простыми горожанами и священниками, начиная с архидиакона. Очевидно, всех их ожидала виселица. Ратхерию удалось поговорить с неким влиятельным «другом», возможно, Хильдуином. Тот дал Ратхерию множество советов и помог ему на следующее утро, 3 февраля, устроить встречу с теми арестованными, которые скомпрометировали себя более всего. Эти люди составили письменное послание, которое должно было снять с них все обвинения. Ратхерий не говорит ни о том, кому предназначалось это письмо, ни о том, каким образом его содержание могло помочь обвиняемым. Можно предположить, что это было анонимное послание королю, но кого именно его авторы осыпали «ругательствами» (*convicia*), которыми, по признанию самого Ратхерия, пестрел текст письма, нельзя даже предположить.

Орсо, зять архидиакона, который составил и переписал письмо, всю ответственность за его содержание переложил на епископа. Остальные поступили так же, и весь королевский гнев обрушился на Ратхерия. Гуго приказал перевезти его в Павию и заключить в так называемую башню Вальперта^[10].

Рассказ очевидца событий, более того, их главного действующего лица, снимает все сомнения в том, что власть имущих епископов и графов всегда окружала целая толпа горожан, которые находили возможность выразить свою точку зрения и изъяснить свою волю. Наиболее знатные горожане активно участвовали в принятии решений по тем политическим вопросам, которые могли затронуть их личные и общие интересы. Сведения о деятельности горожан Вероны во времена Ратхерия придают более глубокий смысл: добровольному подчинению «граждан» (*cives*) Милана и Павии Арнульфу Каринтийскому в 894 году, о котором Лиутпранд упоминает после рассказа о падении Бергамо; сопротивлению туринцев епископу Амолону, которое описывается в Хронике Новалиса; «злонамеренному заговору» (*malivola conspiratio*) жителей Модены, на который Гвидо намекает в своей грамоте от 891 года; участием горожан Бергамо в обороне города в 904 году; участием жителей Мантуи в прибылях от деятельности монетного двора в 945 году; просьбе граждан Генуи о защите, удовлетворенной королем в 958 году. Старый феодальный мир неуклонно менялся, и новые социальные слои спешили занять господствующее положение в политической и экономической жизни Северной Италии^[11].

Гуго сумел извлечь выгоду из событий в Вероне, в результате которых Ратхерий оказался в темнице. Он передал епископскую кафедру Вероны своему племяннику Манассии, прибавив к ней епископства Мантуи и Тренто — а по некоторым сведениям, и Виченцы, — которые вместе составляли Триентское маркграфство. Это маркграфство король также пожаловал Манассии, связывая его по рукам и ногам своей щедростью, чтобы племянник доблестно защищал границу своих земель, в случае если Арнульф еще раз совершит попытку ее пересечь^[12].

Положившись на преданность и бдительность Манассии, Гуго оставил его заботам северные районы королевства, а сам решил принять предложение византийцев о совместном походе в Южную Италию.

Весной 935 года, с началом нового судоходного сезона, византийский флот из одиннадцати военных кораблей отплыл по направлению к Италии. Командовал операцией протоспафарий Елифаний, получивший от императора приказ вынудить к подчинению

князей Салерно, Капуи и Беневенто. В свое время эти князья отвергли протекторат Византии и заняли византийские территории в Апулии, Калабрии, Лукании. Помощь в этом им оказывал Тебальд, герцог Сполетский, придерживавшийся старого политического курса своих предшественников, которых уже само географическое расположение их собственных земель вынуждало вмешиваться в дела южных лангобардских княжеств.

Византийцы прекрасно знали, что сами не смогут справиться с мятежниками, и поэтому направили все усилия на то, чтобы расстроить их союз и обеспечить себе поддержку короля Италии. Они отправили Гуго, его самым влиятельным графам и епископам, а также и Тебальду щедрые дары: шелка, кубки из оникса, сирийское стекло и другие ценные вещи. Однако Гуго и без даров с радостью принял бы столь лестное предложение.

Безусловно, Гуго и византийцы преследовали различные цели. Гуго надеялся получить императорскую корону и, несмотря на сопротивление герцога Сполетского, уже навещал южные территории Италии. Однако он вовсе не хотел, чтобы византийцы укрепили свои позиции и восстановили свой протекторат над землями южноитальянских князей, которые сам Гуго хотел бы при помощи Сполето подчинить Павии. Но отказываться от сотрудничества с византийцами было опасно, поскольку они могли тут же договориться с Альберихом и затруднить, если не перекрыть, ему дорогу к Риму и императорскому венцу. Таким образом, Гуго передал свое согласие византийскому посольству, но, конечно же, постарался оказать Епифанию самую незначительную помощь. Все его помыслы были направлены на организацию нового похода на Рим, которому как будто бы благоприятствовала сложившаяся в Тоскане ситуация^[13].

Бозон организовал заговор против своего царственного брата, и, возможно, не последнюю роль в принятии этого решения сыграла его супруга, Вилла Бургундская. Кто были его сообщники и какую цель они преследовали, сказать трудно. Возможно, они хотели вновь пригласить в Италию Рудольфа II, поскольку Бозон, по-видимому, не имел такого количества сторонников, чтобы претендовать на королевский титул.

Гуго вовремя предупредили и на этот раз. Его люди схватили брата, и Гуго конфисковал все его имущество, его жену с позором отправил в Бургундию и передал владение Тосканским маркграфством своему незаконнорожденному сыну Губерту, матерью которого была Вандельмода, «благороднейшая женщина» (*mulier nobilissima*). Он родился, когда Гуго еще жил в Провансе, и ему должно было исполниться, по крайней мере, 25 лет. Безусловно, он был самым преданным из всех тех, на кого Гуго мог положиться.

Положившись на верного Губерта, Гуго в третий раз отправился в поход на Рим.

Воспоминания о позорном финале его римского похода 932–933 годов, о неудачной экспедиции 933–934 годов, мысли о том, как Альберих чествовал в Риме попавших в немилость людей Гуго, которые, оказавшись в безопасности, разжигали ненависть и вражду, — все это подогревало в короле жажду мщения. Однако летом 936 года короля постигла такая же неудача, как и в 933–934 годах. Его армия пострадала от царившего в Центральной Италии голода, мор напал как на верховых лошадей, так и на выючных животных, и Гуго вновь был вынужден отступить.

Неудачи, постигшие короля на пути в Вечный город, побудили его к поискам дипломатического решения задачи, которую он не сумел решить с помощью оружия. Поэтому он согласился на посредничество Папы Льва VII, который отправил в Павию Эда, аббата Ключи, для обсуждения условий мирного договора. Условия оказались вовсе не такими плохими, какими могли показаться на первый взгляд. Гуго действительно предлагалось в той или иной форме отречься от притязаний на Рим, но Альберих соглашался жениться на его дочери Альде, тем самым отказавшись от провизантийской политики и от своих надежд на брак с принцессой императорской крови, ожидая которого, Альберих все это время оставался холостяком.

Для Гуго бракосочетание его дочери с Альберихом, владыкой Рима, казалось бы, предоставляло возможность вмешиваться во внутреннюю политику Вечного города и

извлекать из этого те выгоды, которые подсказывал бы королю его проницательный ум. Но, хотя Альберих обращался с Альдой как с королевой, как с императрицей, вмешаться в римские дела Гуго так и не удалось: зятю всегда удавалось сдерживать предприимчивого тестя^[14].

Как только Гуго заключил мир с Альберихом, Рим и Италия перестали его интересоваться, поскольку все его внимание приковали к себе события в Бургундии.

Двенадцатого или тринадцатого июля скончался Рудольф II Бургундский, оставив жену, Берту Швабскую, с тремя малолетними детьми, которых звали Конрад, Рудольф и Аделаида. Гуго решил, что на этот раз сумеет претворить в жизнь замысел 912–913 годов, когда он женился на вдове Рудольфа I, чтобы получить опеку над Рудольфом II, но потерпел неудачу. К несчастью для себя, Гуго не смог немедленно отправиться в Бургундию, поскольку неотложные дела неизвестного нам характера призвали его в Тоскану. В итоге он перешел через Альпы только поздней осенью, но ему удалось довести дело до желаемого конца. Трижды вдовец, он в четвертый раз женился на Берте Швабской и пообещал своему сыну Лотарю (которому тогда было 10 или 12 лет) в жены шестилетнюю Аделаиду^[15].

Обе новобрачные получили щедрые подарки. Ко вдове, вступавшей во второй брак, отошли шестнадцать поместий и аббатство, в общей сложности 2500 мансов^[18]. А маленькой Аделаиде достались три важнейших королевских поместья: Маренго, милое сердцу императора Ламберта; Корана, которое было подарено императрице Агельтруде; Олона, древняя резиденция лангобардских королей, где еще жили сказания о Теодолинде и Агилулфе и где так охотно останавливался Беренгарий. К трем поместьям добавились три тосканских аббатства, в целом 4580 мансов средней площадью в 12 югеров^[19] каждый. Помимо земли, согласно, казалось бы, щедрому обычаю, новобрачная получала дорогие одежды и драгоценности. Щедрым этот обычай действительно только казался, поскольку земли и драгоценности оставались в семье; к тому же все это не имело бы никакого значения, если бы Гуго удалось добиться опеки над малолетним королем Конрадом.

Право Конрада на корону признали все магнаты Бургундского королевства. Практически сразу после смерти отца его короновали в Лозанне, но он был еще ребенком. Поэтому отчим Конрада имел возможность спокойно подумать над тем, как извлечь из ситуации наибольшую выгоду. Сразу же возникает мысль о том, что Гуго постарался бы аннулировать договор, заключенный с Рудольфом II в 933 году, и вернуть себе Прованс. Затем, если бы Конрад умер во младенчестве, а за ним и его маленький брат Рудольф, единственной наследницей осталась бы Аделаида. Вместе с ней на трон поднялся бы Лотарь, который объединил бы королевства Италии и Бургундии. Все это сильно напоминало историю о *горшочке с молоком* (*pot-au-lait*)^[20] и тоже добром не закончилось.

Правители соседних государств также интересовались перспективами развития политической ситуации в Бургундии. Особенную заинтересованность этим вопросом выказывал правитель Германии Оттон Саксонский, который, возможно, уже тогда детально разрабатывал программу возрождения Священной Римской империи, и присоединение Бургундского королевства к одному из близлежащих государств или же его раздел между ними никоим образом не входили в его планы.

Границы Бургундского королевства были неопределенными еще во время правления Рудольфа II, и часть земель, которые Гуго уступил ему в 933 году, к этому времени попала в руки Каролингов Франции. Несомненно, они не преминули бы воспользоваться ситуацией для того, чтобы расширить свои владения. К тому же, если бы король Франции Людовик IV^[21] не сумел бы довести до конца это предприятие, можно было опасаться того, что могущественные французские сеньоры, оспаривавшие между собой право на владение Бургундским герцогством — Гуго Великий и Гуго Черный, — собственными силами продолжили бы борьбу за присоединение новых земель. Перспектива расширения Французского королевства в ущерб Бургундии не могла радовать короля Германии, однако возможность объединения Бургундского и Итальянского королевств и возникновения огромного государства по обе стороны от Альп, очевидно, волновала его гораздо больше.

Если планируемое бракосочетание двух детей, Лотаря и Адelaide, не волновало общественное мнение — не считая политических суждений бургундцев по этому поводу, — то свадьба их родителей вызвала настоящий скандал. Хотя первой женой Гуго была вдова Рудольфа I, он не постеснялся взять в супруги вдову своего пасынка, Рудольфа II, точно так же как 4 или 5 лет тому назад без зазрения совести женился на вдове сводного брата.

Нужно полагать, что всеобщее неодобрение, выраженное новому брачному союзу Гуго, немало повлияло на крушение его надежд и на успех предприятия германского короля Оттона.

Без всякого промедления, сославшись на расплывчатую формулировку о феодальной зависимости, которую в свое время Генрих I навязал Бургундии, Оттон вступил в пределы этого королевства. При поддержке враждебных Гуго крупных феодалов он совершил государственный переворот, присвоив себе опекунство над юным Конрадом, который оказался в его власти. Его мгновенный оглушительный успех лишил Гуго возможности предпринять какие бы то ни было ответные действия.

Оттон захватил власть в стране, и Гуго пришлось вернуться в Италию с новой супругой и маленькой невесткой. Оба эти брака принесли ему еще меньше пользы, чем союзы с Виллой и Мароцией, и к его переживаниям добавилось глубочайшее разочарование. Отныне и он, и Лотарь, вступив в бесполезные с политической точки зрения браки, не могли рассчитывать на более выгодные партии, которые могли представиться в ближайшее время^[16].

Вернувшийся в свое королевство Гуго через некоторое время отправился в Центральную Италию, где пробыл достаточно долго, с марта по июнь. Возможно, он вернулся к обсуждению проблем, которые оставил без внимания, уехав в Бургундию, и результат этого обсуждения стал провозвестником событий, которые в 939–940 годах привели к гибели Анскария Иврейского, маркграфа Сполето.

В 926 году, после смерти Альбериха, Гуго доверил управление этим маркграфством Петру, брату Иоанна X. Когда Петр погиб, Гуго передал маркграфство во владение Тебальду, сыну своей сестры Тевтберги, а когда умер и Тебальд, отправил в Сполето Анскария, сына другой своей сестры, Эрменгарды Иврейской.

Отношения Гуго с маркграфами Ивреи всегда были непростыми. Эрменгарда, которая до прихода брата к власти вела себя, по меньшей мере, подозрительно, а затем вошла в число его сторонников, пылко уверяя его в своей преданности, умерла, по всей видимости, в 932 году, поскольку позже о ней в источниках не упоминается.

Беренгарий, пасынок Эрменгарды, унаследовавший Иврейское маркграфство, сначала был в хороших отношениях с королем и женился на Вилле, одной из четырех дочерей Бозона Тосканского. Однако он редко появлялся при дворе, потому ли, что сам туда не стремился, или же потому, что Гуго дал ему понять, что не рад видеть того, кто мог бы предъявить претензии на корону Беренгария I. Будучи супругом Виллы, которая могла скорее заставить себя ненавидеть, чем любить, Беренгарий окончательно превратился в нежелательного гостя при дворе, когда Бозон отошел от дел^[17].

В такой же ситуации оказался и Анскарий, сын Эрменгарды, второй ребенок Адальберта Иврейского. В 936–937 годах, после смерти Тебальда, Гуго доверил ему управление Сполетским маркграфством, таким образом проявив свое уважение к нему. Сполето, граничившее с папским государством и с лангобардскими королевствами Южной Италии, было слишком важным стратегическим пунктом, и Гуго мог доверить его только тому, в ком был полностью уверен^[18].

Подобно Ламберту и Бозону, Анскарий в конце концов вызвал какие-то подозрения у Гуго. Однако вместо того, чтобы действовать самому, король решил использовать против Анскария графа дворца Сарилон.

Сарилон, граф дворца с 935 года, женился на вдове покойного маркграфа Тебальда Сполетского, и Гуго убедил его поехать в это маркграфство, а там с помощью денег короля и

связей жены, уроженки этой местности, привлечь на свою сторону побольше людей и вырвать власть у Анскария.

Сарилону это предложение показалось заманчивым, он отправился в маркграфство и добился того, что на его сторону перешли многие вассалы, верные памяти Тебальда или, по крайней мере, желавшие перемен.

Впрочем, Анскарий был не из тех, кого можно было легко лишить имущества, даже если он и не собирался, вопреки опасениям Гуго, заявить о своей независимости и завладеть королевством. Чтобы сломить сопротивление молодого маркграфа, Сарилону пришлось начать самую настоящую войну.

Собрав войско, граф дворца направился к городу, где находился Анскарий (Сполето?) и пошел в атаку с тремя отрядами воинов.

Несмотря на то что Анскарий располагал меньшим, чем его противник, количеством людей, причем один из его командиров сразу же ударился в бегство со всем своим отрядом, а другой получил смертельное ранение, — начало сражения он, безусловно, выиграл. Тогда Сарилон послал на поле боя еще два отряда под командованием графа Аттона, одного из бывших вассалов Анскария, перешедших на сторону врага. Анскарий убил Аттона в последовавшей схватке. В бою Анскарий совершал чудеса храбрости, бился, как лев, но убитая лошадь увлекла его за собой, и его закололи копьями.

После гибели Анскария сопротивление вассалов было сломлено. В память о молодом герое, павшем в битве, в народе слагали песни, но власть в маркграфстве захватил Сарилон. Сполетское маркграфство постоянно переходило из рук в руки, и зачастую его новый сеньор правил без официального согласия короля, как во времена Альбериха. Тем не менее Гуго и слышать не хотел о том, чтобы признать власть Сарилона законной, как он обещал ему в самом начале этой затеи.

Облечение Сарилона маркграфским титулом могло иметь тяжелейшие последствия: согласившись с тем, что дело сделано, Гуго одновременно признался бы в своем соучастии в убийстве Анскария и дал бы подтверждение всем слухам, что ходили по Италии. Обычно Гуго не слишком беспокоился об общественном мнении, но в данном случае его воплощением мог стать Беренгарий, брат Анскария, который мог бы, жаждая отмщения, поднять восстание. С другой стороны, ситуацию, в которой один вассал пошел войной на другого, завладел его землями и титулом, а потом стал пользоваться всем этим с одобрения короля, нельзя было пускать на самотек. Гуго изобразил справедливый гнев и заявил, что глубоко оскорблен поведением подданного, который осмелился пойти войной на племянника своего короля. После этого он приказал маркграфу Тосканскому покарать предателя на поле боя.

Губерт повиновался, вынудил Сарилона укрыться в замке на границе Тосканы и Сполето, после чего начал осаду. У Сарилона не оставалось другого выхода, как взмолиться о пощаде. Гуго простил его и назначил его управлять королевскими монастырями в Тоскане и Марке. Должность была хоть и не слишком почетной, но, безусловно, выгодной^[19]. Должность графа дворца, а вместе с ней и управление маркграфством Сполето Гуго доверил Губерту^[20].

Препоручив Центральную Италию заботам верного Губерта, Гуго отправился в Рим.

Источники не сообщают, каким образом Гуго попал в город: то ли он взял Рим штурмом после длительной осады, подавив сопротивление защитников, то ли договорился с Альберихом. Нет точных свидетельств даже о том, был ли это военный поход, то ли речь шла о мирном визите, который был подготовлен целой серией переговоров и имел вполне конкретную цель. Нет никаких сомнений лишь в том, что 25 июня 941 года Гуго находился в монастыре св. Агнессы вне городских стен, а на следующий день, 26 июня, он уже был в Риме.

По-видимому, в самом городе король не встретил никакого сопротивления, поскольку за два дня успел пожаловать привилегии и уступки двум монастырям. Впрочем, некоторые

сомнения по этому поводу возникают из-за того, что производственная часть (*actum*) грамот датирована другим днем. Однако сдержанный, сухой тон обеих грамот, в которых не содержится даже намек на пребывание короля в Риме, указывает на то, что если в Вечном городе Гуго не встретил сопротивления, то там не ждал его и торжественный прием.

Пребывание короля в Риме и на этот раз не завершилось императорской коронацией. Гуго пробыл в городе сравнительно недолго, до 20 июля, и не сделал ничего, что вызвало бы резонанс в других районах Италии или за ее пределами.

Враждебность аристократов и членов папской курии, подстрекаемых Альберихом, могла послужить причиной того, что пребывание короля в Риме было недолгим и не завершилось императорской коронацией. Отсутствие детальных сведений не позволяет нам судить как о важности и возможных последствиях этого посещения Рима, так и об опасности новой угрозы. Нам достоверно известно, что ни Гуго, ни Лотарь так никогда и не удостоились другого титула, помимо королевского. Однако известно также, что, оставив Рим, Гуго вновь вспылал ненавистью к Альбериху, поскольку Эду из Ключи вновь пришлось творить чудеса дипломатии, чтобы убедить врагов подписать новый длительный мирный договор^[21].

Тем не менее авторитет короля не слишком пострадал, поскольку Лев, аббат монастыря св. Винцентия в Волтурно, посчитал необходимым лично попросить у него подтверждение привилегиям, которые в прежние времена этому монастырю даровали короли и императоры. Грамота, которую получил от короля аббат Лев, в сущности, ничем не отличалась от множества других подобных грамот, предназначавшихся для церковных учреждений. Намерению позаботиться о «состоянии и восстановлении церквей Господних» (*de statu ac restauratione ecclesiarum Dei*), выраженному в этой грамоте, не суждено было воплотиться в жизнь, как и таким же намерениям Людовика III, о которых тот объявил в 901 году на заседании генеральной ассамблеи.

В середине августа Гуго, вероятно, вернулся в Северную Италию, где завершил давно начатые переговоры с византийцами о совместном походе против сарацин^[22].

Сарацины угрожали всем государствам Средиземноморского бассейна. Но вклинившаяся между Италией и Провансом колония Фраксинет, откуда сарацинские воины нападали на Корсику и Сардинию, особенно досаждала королю Италии и населению этих двух островов.

В 931 году византийцы пытались организовать поход против Фраксинета с берегов Сардинии, но не добились успеха^[23]. В 934–935 годах обосновавшиеся во Фраксинете сарацины оказывали серьезную поддержку тем отрядам, которые отплывали из Африки, чтобы опустошить Лигурию, разграбить Геную, разорить Корсику, обратить в бегство прибывшую из Сардинии византийскую эскадру. В дальнейшем набеги сарацин на Апеннинский полуостров и на острова продолжались, принося с собой гибель и разруху, и в 940 году Гуго отправил в Константинополь к императору Роману Лакапину послов с просьбой о помощи в борьбе с общим врагом.

Император действительно мог предоставить королю Италии то, чего ему так не хватало: он мог выслать флотилию, которая заблокировала бы Фраксинет с моря, лишив сарацин возможности получить подмогу из Испании и Африки, и открыла бы итальянскому войску путь для нападения с суши.

Роман Лакапин благосклонно воспринял предложение Гуго, пообещал ему поддержку с моря и попросил у него руки его дочери для своего внука, будущего Романа II. Поскольку у Гуго не было незамужних законных дочерей, Роман согласился женить своего внука на внебрачной дочери Гуго, красавице Берте, которая в то время была еще ребенком.

О значении этого брака для Романа Лакапина и для внутренней политики Византии много спорили, основываясь на предположении о том, что союз с внебрачной дочерью византийцы должны были посчитать бесчестьем. На самом же деле византийские императоры обычно выбирали себе красивых жен, не обращая внимания на знатность их

происхождения и влияние родни. Однако в нашем случае свадьба дочери Гуго, хотя и внебрачной, с наследником Византийского трона, по всей видимости, воспринималась как верный способ польстить королю Италии, обязать его следовать политике Константинополя и использовать его военную мощь для защиты владений Византии в Италии. Таким образом, шаткое соглашение 935 года перерастало в многообещающий и длительный союз^[24].

Переговоры подошли к концу, и зимой-весной 942 года карательная экспедиция против Фраксинета началась и успешно завершилась. Пока в порту горели сарацинские корабли, в которые моряки византийской эскадры метали «греческий огонь», Гуго с войском вынудил сарацин отступить к Мавританской горе. Точное расположение этой горы неизвестно, но можно предположить, что сейчас она входит в горную цепь, которая называется Мавританской. Король собирался начать осаду, чтобы взять всех сарацин в плен, однако непредвиденные события помешали ему завершить поход, на который было положено столько сил^[25].

VI. КОНЕЦ ЭПОХИ ГУГО И ПРАВЛЕНИЕ ЛОТАРЯ

Поход на Фраксинет и бегство Беренгария Иврейского. — Беренгарий Иврейский, Оттон Саксонский и Гуго. — Венгры. — Гуго и византийцы. — Возвращение Беренгария Иврейского в Италию. — Соглашение в пользу Лотаря. — Возвращение Гуго к власти и последовавшее отречение. — Лотарь и Беренгарий. — Смерть молодого короля.

Смерть Анскария внесла еще больший разлад в отношения короля с Беренгарием, которые и без того нельзя было назвать сердечными. Готовя новый заговор, Беренгарий начал переговоры о свержении власти Гуго с другими сеньорами, однако король, который через своих многочисленных шпионов получал сведения обо всем, что происходило при дворах крупных и мелких сеньоров его государства, решил избавиться от коварного вассала, пока он не стал слишком опасным. Он задумал заманить его ко двору и там ослепить.

На заседаниях совета обычно присутствовал Лотарь, которому тогда было 12 или 14 лет. Таким образом отец намеревался подготовить мальчика к политической жизни. По всей видимости, Лотарь испытывал симпатию к Беренгарию, и, узнав о том, какую участь его отец готовил маркграфу Иврейскому, мальчик, не до конца освоившийся с политическими методами Гуго, ужаснулся настолько, что не побоялся предупредить Беренгария.

Беренгарий бежал через горный перевал св. Бернарда в Швабию, где, предположительно, ему в наследство от матери Гизлы досталась часть владений и феодалов Унрохов. Супруга Беренгария Вилла вскоре присоединилась к мужу, совершив труднейший переход через Альпы.

Герман, герцог Швабский, принял их весьма радушно. Будучи сыном и наследником герцога Бурхарда, которого в 926 году убили сторонники Гуго, он не испытывал теплых чувств к королю Италии.

Гуго удерживал сарацин в кольце осады во Фраксинете, когда узнал, что Беренгарий набирает во Франконии и Швабии войско с очевидной целью вернуться в Италию и установить там свое господство.

Опасность была действительно серьезной, поскольку Беренгарий мог спровоцировать гораздо более мощное повстанческое движение, чем Арнульф в свое время. Беренгария, в отличие от Арнульфа, знали, он располагал крупными земельными владениями в Италии и, кроме всего прочего, мог вспомнить о своих наследных правах, полученных его матерью от Беренгария I, короля и императора.

Недолго думая, Гуго прекратил осаду Мавританской горы, вернулся в Павию и стал готовиться к обороне.

Сарацины возобновили свои набеги. Они взяли под свой контроль все альпийские перевалы между Италией и Провансом, Италией и Бургундией, Италией и Швабией, и многочисленные путники, странники и торговцы, попавшиеся им на пути, расстались с имуществом и жизнью.

Решение о прекращении осады, которая должна была вот-вот триумфально завершиться, всем показалось непростительной ошибкой. Более того, ходили слухи о том, что Гуго вступил в сговор с сарацинами, чтобы они не дали Беренгарию попасть в Италию. Это предположение кажется правдоподобным не только потому, что свидетельство Лиутпранда, вращавшегося среди придворных Гуго, имеет некоторый вес. Нужно вспомнить, что такой же уловкой пользовались и Беренгарий I, когда отправлял венгров сражаться с Рудольфом, и сам Гуго, когда сталкивал друг с другом Рауля Французского и Рудольфа Бургундского, Сарилон и Ансария. Остается лишь надеяться, что если Гуго действительно договорился с сарацинами, то он догадался включить в соглашение пункт, призванный защищать интересы итальянцев и византийцев. В любом случае, добрососедские отношения Италии и Византии не испортились из-за этого инцидента, и меньшее чем через 2 года Берта переехала в Константинополь^[1].

Продолжая принимать меры предосторожности против вторжения Беренгария, Гуго разделил Иврейское маркграфство. Туринское графство перешло к Ардуину, графу Аурiate, а оставшаяся часть маркграфства, по свидетельству некоторых авторов, — к одному из неизвестных сыновей Гуго^[2]. Однако уступка западных земель сарацинам и новым владельцам, которые, не желая лишиться новых приобретений, стали бы яростно противостоять Беренгарию, не оправдала себя. Беренгарий проник в Италию по другому пути.

Правда, Гуго предвидел и эту возможность, поскольку, заключив соглашение с сарацинами, он немедленно поехал в Верону, чтобы организовать защиту северной границы. Возможно, именно в Вероне Гуго узнал о последних передвижениях Беренгария и попытался предотвратить их возможные последствия^[3].

Герцог Герман радушно встретил Беренгария и представил его германскому королю Оттону, который устроил ему еще более теплый прием, тем самым дав почву слухам о существовании между ними некоего договора. Говорили, что Оттон пообещал помочь Беренгарию вернуться в Италию и захватить власть в этом королевстве, а Беренгарий, в свою очередь, присягнул Оттону в верности и поклялся править государством так, как если бы он получил его в качестве феода. Слухи были далеки от истины, но Оттон, уже заполучивший Бургундию, не упустил бы случая превратить Беренгария в инструмент собственной политики в отношении Италии. Со своей стороны, Беренгарий был готов на все, лишь бы отомстить Гуго.

Дальнейшие события показали, что между этими историческими персонажами возникла личностная связь, необъяснимая с точки зрения феодального права, но тем не менее подчинявшая Беренгария Оттону и ограничивавшая его свободу действий. Случаю было угодно, чтобы Беренгарий повторил ошибку своего деда Беренгария I, который поклялся в верности Арнульфу Каринтийскому и тем самым позволил ему вмешаться в дела Италии и получить императорскую корону. Для Беренгария I подчинение было неизбежным, но болезнь Арнульфа чудесным образом избавила его от этого. Ошибка же Беренгария Иврейского могла иметь гораздо более серьезные последствия, поскольку Оттон Саксонский обладал железной волей и отличался прекрасным здоровьем^[4].

Гуго попытался расстроить этот союз, спешно направив к Оттону послов с обещанием выплатить ему столько золота и серебра, сколько он пожелает, если не станет поддерживать Беренгария. Оттон ответил, что дал Беренгарию приют лишь затем, чтобы помочь ему примириться с его государем, и что в его планы не входило потворствовать государственному заговору. Чтобы добиться своей цели, заявил Оттон, он был готов отдать еще больше, чем ему предложил Гуго; к тому же он не мог отказать в помощи тому, кто просил его покровительства.

Естественно, Гуго отнесся к заявлению Оттона недоверчиво, прекрасно понимая, что германский король, ратуя за возвращение Беренгария, на самом деле хочет сделать его инструментом собственной политики. Однако был резон опасаться бурного развития событий. Доказательством этому послужил мятеж, вспыхнувший в Пьяченце во время

пребывания там короля. Этот бунт стоил жизни одному из верноподданных Гуго^[5].

Причин для недовольства правлением Гуго было предостаточно. Правил он весьма сурово, нещадно расправляясь со всеми, кто становился на его пути или вызывал у него сомнение в своей преданности. Все знали, какая участь постигла Вальперта и Гезо, Ламберта, Бозона и Анскария. Но кто знает, сколько людей, не столь известных, заплатили жизнью за свои и чужие ошибки или просто за подозрение, вызванное неосторожным словом или делом? Все те бургундцы, которые бросились в Италию, подобно полчищам голодной саранчи, стараясь отодвинуть на второй план как можно больше итальянцев, никак не могли добавить популярности ни себе, ни государю. Жесткая налоговая политика, нехватка продовольствия, незначительное количество привилегий, пожалованных церквям, монастырям и вассалам, на фоне щедрой расточительности Беренгария создали Гуго дурную славу жадного, мелочного правителя. Нужда в деньгах и необходимость выгодно пристроить своих протеже, детей, родственников, друзей, земляков восстановили против Гуго добрую половину духовенства.

Мы уже видели, до какого произвола король доходил в вопросе присвоения сана архиепископа Миланского во времена Ратхерия и Хильдуина. Позже Гуго решил отдать архиепископскую кафедру Милана Тебальду, сыну, которого ему родила римлянка Стефания, вывезенная им из Вечного города. Он определил маленького Тебальда в миланскую церковь, сделал его архидиаконом, но, чтобы дать ему время достигнуть канонического возраста, после смерти архиепископа Ламберта выбрал на его место Ардериха. Ардерих был гораздо старше маленького королевского сына, и Гуго рассчитывал, что он проживет достаточно долго, но не слишком. Однако Ардерих оказался настоящим долгожителем, и король начал подумывать о том, чтобы ускорить его кончину. Архиепископ должен был участвовать в одной из королевских ассамблей. Король приказал своим людям вступить в перепалку со свитой архиепископа и убить его в создавшейся суматохе. Архиепископу удалось избежать смерти, а поскольку ход событий красноречиво указывал на виновника происшествия, Гуго, желая добиться прощения, пообещал подарить Ардериху аббатство в Нонантоле. Однако сделать это не удалось из-за энергичного сопротивления монахов и аббата, которые немедленно пополнили ряды врагов короля, а у Ардериха появилась новая причина для недовольства^[6].

Неудачные нескончаемые римские походы Гуго, его неспособность защитить страну от сарацин и венгров были сильными козырями в руках его врагов. Его личная жизнь являла собой череду скандалов. Женитьба сначала на вдове сводного брата, а затем на вдове пасынка, бесконечные ссоры и козни его бесчисленных любовниц — все это было хорошей мишенью для критики и хулы. А критиков, обвинителей, хулителей хватало, несмотря на целый корпус королевских шпионов.

На службе у Беренгария состояли тайные агенты, которые циркулировали между дворами, поддерживали нездоровое возбуждение и сеяли разлад. Среди этих агентов был некий Амедей, мастер гримироваться и переодеваться и при этом — отчаянно храбрый человек. Он выполнял задание Беренгария, поручившего ему выяснить настроения в среде крупных итальянских сеньоров, и, рассказывают, будто бы страсть к этой опасной игре толкнула его на опасную авантюру: он присоединился к группе бедняков, которым король, согласно обычаю, раздавал одежду и еду и выведал планы Гуго^[7].

И без того сложную ситуацию в стране в 943 году усугубило новое нашествие венгров. Гуго, который воспользовался услугами сарацин против Беренгария, испугался, что Беренгарий прибегнет к поддержке венгров, чтобы расправиться с ним, подобно тому как в свое время поступил Беренгарий I с Рудольфом. Поэтому он поспешил сам договориться с венграми. Гуго выплатил им внушительную сумму — десять модиев серебра — с тем, чтобы они пересекли территорию Италии без грабежей и разбоя, а затем через Южную Францию отправились в Испанию на борьбу с сарацинами.

История умалчивает о том, знал ли Гуго, что венграм неминуемо придется столкнуться с сарацинами из Фраксинета (лежащего у них на пути) и препятствиями в Провансе.

Известно лишь одно: когда венгры оказались перед равниной Крау, которую им нужно было пересечь, без крошки еды и без капли воды, они поняли, что их вместе с их лошадьми ожидает мучительная смерть от голода и жажды. Решив, что их обманули и заманили в засаду, они убили всех проводников, которых им предоставил Гуго, быстро повернули назад и отвели душу в итальянских городах^[8].

Тем временем Беренгарий оставался в Германии и ждал, когда Оттон предоставит ему помощь, которую он столько времени обещал.

Безусловно, Оттону нужен был свой человек в Италии, который был бы ему обязан. Однако он не хотел компрометировать себя, открыто поддерживая чужеземца, который мог и не добиться безоговорочной победы. Неудача протеже бросила бы тень на покровителя. Кроме того, Гуго продолжал посылать ему щедрые дары, а эта добровольная дань вполне устраивала короля Германии, поскольку приносила ему как экономическую, так и политическую выгоду. Поэтому Оттон не спешил ничего менять в установившемся порядке вещей. Кроме того, уверенность в необходимости придерживаться выжидательной политики подогревало в нем и то, что Гуго был в прекрасных отношениях с византийцами, а сам Оттон тоже хотел наладить с ними дружественные связи.

Маленькая Берта отправилась в Константинополь в сопровождении епископа Пьяченцы Сигифреда, благополучно добралась до места 16 сентября и вышла замуж за Романа (будущего императора Романа II), получив новое имя Евдокия. Это было первое бракосочетание из тех, что планировались Востоком и Западом со времен Карла Великого. Византийская сторона пошла на заключение этого брака, желая заполучить в лице Гуго сторонника имперской политики в Италии. Заключение этого союза, который подвергался жесткой критике в некоторых кругах Византии, значительно упрочило позицию Гуго по сравнению с другими европейскими государями и, по-видимому, пробудило в нем желание добиться суверенной власти над Южной Италией, которой в прежние времена периодически правили Каролинги. Само собой, это желание шло вразрез с намерениями византийцев. Возможно, именно это бракосочетание стало косвенной причиной того, что византийское правительство направило в Германию посольскую миссию, которая в октябре уже прибыла ко двору Оттона, и — можно предположить — вынудило его отказаться от помощи Беренгарию^[9].

Возможно, что теперь Гуго почувствовал себя в безопасности. Однако Беренгарий вмешался в развитие событий. В начале 945 года, не дожидаясь, пока Оттон даст добро на предоставление ему крупного войска, он обошелся силами, данными герцогом Германом, и рискнул выступить из Швабии в Италию через Резию и долину Веноста. В результате Беренгарий продвинулся до замка Формикарий, который был построен в весьма разумно выбранном месте и преграждал проход через долину реки Адидже.

Триентское маркграфство находилось во владениях племянника Гуго, Манассии Арльского, а замок Формикарий, преграждавший путь через долину, он поручил заботам Адаларда, клирика из веронской церкви.

С военной точки зрения замок был прекрасно оснащен, и Беренгарий совершенно правильно рассудил, что самым простым путем преодолеть это препятствие окажется подкуп защитников. Он пообещал Адаларду богатейшую епископскую кафедру в Комо, а Манассии — кафедру архиепископа в Милане, как только они освободятся.

Адалард передал Манассии предложение Беренгария, и Манассия, позабыв о родственных узах и обязательствах, которые связывали его с королем, тотчас же согласился. Он приказал защитникам замка сложить оружие, освободил для Беренгария проход через долину Адидже и обратился к итальянским сеньорам с просьбой помочь ему свергнуть того, кого они до сих пор считали своим законным государем.

Графом Вероны продолжал оставаться все тот же Милон, который 10 лет тому назад возглавил группу заговорщиков, собиравшихся передать Итальянское королевство в руки Арнульфа Баварского. Милон добился прощения Гуго и сохранил свой титул, однако король

не слишком доверял ему и в один прекрасный момент — по всей вероятности, связанный с передвижениями Беренгария — удалил его из Вероны и установил за ним надзор.

Находясь под стражей, Милон остерегался вызывать подозрение у короля. Но после того, как Беренгарий пересек границу, Милон, сумев усыпить бдительность своих охранников, в сопровождении единственного оруженосца вернулся в Верону. Он отправил к Беренгарию послов и открыл перед ним городские ворота.

Гвидо, епископ Модены, жаждавший богатства и власти, также перешел на сторону Беренгария. В качестве вознаграждения за свой поступок он потребовал аббатство в Нонантоле, которое на протяжении двух веков отстаивало свою автономию и неприкосновенность своих богатств от притязаний епископов Модены.

Манассия, Милон и Гвидо всего лишь подали пример, которому последовали все остальные магнаты. Как ни странно, измена Гвидо задела короля Гуго гораздо сильнее, нежели предательство Манассии и Милона. Впрочем, на наш взгляд, их поступок имел более серьезные последствия, поскольку именно они открыли путь Беренгарию на поданскую равнину.

Вместо того чтобы попытаться преградить Беренгарию дорогу в Милан, как сделал бы любой другой на месте Гуго и как сделал он сам в 935 году, когда дал Арнульфусу Баварскому бой в Буссоленго, он начал осаду Виньолы, замка на холмах близ Болоньи, принадлежавшего епископу Модены.

Отбрасывая мысли о том, что Гуго поддался мимолетному капризу — хотя возможно и это, — приходится признать, что существовала достаточно веская причина для начала этой осады, которая стала серьезным стратегическим промахом. Пока Гуго терял время под стенами Виньолы, Беренгарий договорился с архиепископом Миланским, все тем же престарелым Ардерихом, и вошел в город.

Узнав о том, что соперник проник в Милан, Гуго снял осаду Виньолы и вернулся в Павию. Войско, с которым он стоял под стенами этого замка, разошлось по домам, а быстро собрать другое, чтобы выступить с ним на врага, не представлялось возможным. При поддержке немногих оставшихся верными ему людей король мог лишь попытаться удержать последних мирян и клириков, которые еще не покинули его, желая использовать с выгодой для себя затруднительное положение, в котором оказался Гуго.

Верность Гуго сохранили граф Ингельберт, граф Алерам, родственники или близкие друзья, граф Пармы Элизиард, женившийся на Ротлинде, дочери короля и Розы, Ланфранк, граф Бергамо, сын Розы и Гильберта Бергамского, Амвросий, епископ Лоди, Бозон, епископ Пьяченцы, еще один внебрачный сын короля и несколько мелких вассалов^[10]. Тем временем в Милане под знамена Беренгария стекались сеньоры, сытые по горло деспотизмом Гуго, которые ожидали от нового правителя того, чего испокон веку люди ожидали от смены правительства: «...они надеялись, что с приходом [Беренгария] наступит золотой век, и взывали к счастью, которое принесет с собой это время».

Беренгарий, которого встретили и чествовали как спасителя и освободителя, вел себя так, как будто его уже избрали и короновали. Он сыпал щедрыми дарами, раздавал своим сторонникам титулы и государственные должности, никоим образом не заботясь о военном и юридическом урегулировании ситуации. Создавалось впечатление, что он не собирается ни изгонять Гуго из Италии, ни делить с ним королевство, как в свое время его делил старший Беренгарий с Гвидо и Рудольфом.

Эта ситуация беспокоила самого Гуго. К тому же правительственная группировка в Павии, которая, казалось бы, недавно руководствовалась его указаниями, распалась в мгновение ока и в том же составе собралась вокруг празднующего победу соперника. Если бы Гуго решил сражаться, никто не ответил бы на его призыв, а в помощь Беренгарию примкнувшие к нему феодалы выставили бы многочисленные отряды вооруженных людей. Гуго без особой радости воспринимал идею раздела государства, как во времена Беренгария I. Но он безусловно понимал, что отныне Беренгарий господствовал на всей территории Северной Италии.

Гуго признал свое поражение и отказался от бесплодных попыток защитить Павию. Со свойственной ему проницательностью он избрал единственный путь, который дал бы ему возможность спасти трон для своего сына. Гуго отправил Лотаря в Милан с посланием для магнатов королевства. Сам отрекаясь от власти, он просил сохранить корону его сыну, которому не могли быть предъявлены все те обвинения, мишенью для которых стал его отец. Юный Лотарь никогда не участвовал в управлении государством, и поэтому ответственность за отцовские деяния нельзя было возложить на его плечи.

Невероятно, но факт: предложение Гуго было благосклонно воспринято — по разным причинам — как Беренгарием, так и членами ассамблеи.

Оставляя на троне молодого короля, Беренгарий становился его всемогущим министром, единственным посредником в его отношениях с магнатами и представителями других стран. В этой необычной ситуации он получал такую же обширную власть, как и в том случае, если бы стал королем; кроме того, он мог в случае необходимости избегать выполнения обязательств перед Оттоном Саксонским, прикрываясь волей Лотаря.

Для магнатов королевства, у которых в глубине души уже зарождалось беспокойство из-за необыкновенной уверенности Беренгария в отношениях с ними, присутствие Лотаря на троне ограничивало границы власти его всесильного министра. Они получали возможность плести интриги с королем против министра, с министром против короля, вытягивать то из одного, то из другого привилегии и уступки — с выгодой для себя и в ущерб государству, о котором, как обычно, никто из них не задумывался.

Безусловно, к новой расстановке сил приложили руку и сторонники Гуго, которые справились с неблагоприятными для себя обстоятельствами, воспряли духом и поспешили занять — по крайней мере, некоторые из них — места в первом ряду. На смену настроений магнатов оказала влияние не только политика, но и некоторые причины совершенно иного порядка.

Некий историк в красках живописал сцену, развернувшуюся в соборе св. Амвросия, а другой историк упрекнул первого в том, что у него слишком разыгралась фантазия. Вспомним совет военачальников Арнульфа Каринтийского перед штурмом Рима, их клятвы, их слезы; смятение на заседании ассамблеи, где Герланд из Боббио потребовал вернуть имущество, принадлежавшее аббатству; драматическое заседание суда в Лангенцене, где виновные в германском восстании 954 года понесли, прежде всего, моральную кару. Вспомним о страстности, о спонтанной горячности Средневековья, чуждой — а действительно ли чуждой? — нашему времени, и нам не придется использовать всю свою фантазию, чтобы понять, что на собрании в соборе св. Амвросия также были драматические моменты, о которых упоминает Лиутпранд.

Безусловно, чтение и обсуждение послания Гуго проходили в весьма напряженной обстановке. Момент, когда Лотарь вошел в собор и простерся перед распятием в полумраке, освещаемом неверным светом масляных лампадок, воистину был достоин театральных подмостков. Столь же зрелищными были и дальнейшие события: самые влиятельные среди собравшихся люди — старейший архиепископ Ардерих и Беренгарий — прошествовали через неф, сквозь расступавшуюся толпу, подняли молодого короля, подвели его к алтарю, и все члены ассамблеи приветствовали его в едином искреннем порыве.

Не стоит забывать о том, что люди того времени были порой коварными и расчетливыми, импульсивными и неуловимо изменчивыми, но всегда страстными и чувствительными к любым раздражителям, будь то надежда, страх, ненависть, любовь, иначе мы рискуем дать совершенно неверную оценку их мыслям и поступкам^[11].

Лотарь сохранил свою корону. Все решилось удивительно быстро, меньше, чем за неделю, с конца марта по начало апреля 945 года^[12]. Гуго оставил Павию, забрав с собой личную сокровищницу, и, скорее всего, удалился в одну из многочисленных королевских резиденций или в одно из поместий, входивших в его вотчину. Молодой король прибыл в столицу и начал править страной — под покровительством Беренгария, который окружил его

множеством новых людей.

Появился новый архиканцлер Брунен, епископ Асти, сменивший Бозона, епископа Пьяченцы и сына Гуго. Появился и новый граф дворца, Ланфранк Бергамский, чье присутствие при дворе весьма показательно. Сын королевской любовницы Розы, который до самого конца неотлучно находился при прежнем короле, затем стал графом дворца при Лотаре и оставался на этой должности до самой смерти молодого короля, судя по всему, оказался на этом месте не по приказу Беренгария, а усилиями тех, кто хранил верность Гуго и его памяти. Видимо, эти люди все еще были в силе, поскольку могли распоряжаться важнейшей должностью графа дворца^[13].

Гуго даже и не думал привыкать к своему новому положению короля без королевства и без власти. Нарушив данные им обязательства, он решил поехать в Прованс, набрать там войско и попытаться отвоевать королевство, следуя по пути, проложенному Беренгарием.

Гуго рассчитывал на то, что настроения магнатов королевства вскоре переменятся в его пользу, причем первые признаки близившихся перемен уже начинали проявляться. Безусловно, Беренгарий отдавал себе в этом отчет и предупредил дальнейшие действия Гуго, избрав для этого самый верный путь. Он вынудил ассамблею, собравшуюся в августе того же беспокойного 945 года, вернуть Гуго на трон рядом с сыном, сохранив при этом и должность министра и реальную власть.

Осуществив таким образом очередной государственный переворот, Беренгарий помешал Гуго отправиться в Прованс и начать там приготовления к войне. Вместе с тем он занял наиболее удобную позицию для того, чтобы контролировать поступки Гуго и сглаживать их последствия, с чем он справлялся бы гораздо хуже, если бы Гуго находился вдали от двора, в избранной им резиденции.

Епископ Пьяченцы Бозон вернулся на должность архиканцлера, Ланфранк остался графом дворца, но возвращение Гуго в столицу, вопреки его надеждам, не стало реставрацией его правления. Отныне его подданные ни во что не ставили ни его самого, ни его сына, повинувшись одному только Беренгария.

«...Беренгарий... лишь по титулу был маркграфом, а по могуществу — королем; сами же короли только так назывались, а власти у них было не больше, чем у графов».

Гуго не мог смириться с ситуацией, в которой ему приходилось поддерживать добрые отношения, — жалую подарки и привилегии, — с теми, кто его предал, подобно Ардериху Миланскому, — ведь теперь ему приходилось действовать не по собственным политическим расчетам, а по воле Беренгария; изображать правителя, ничем не управляя.

Он мог думать лишь о мести. Однако, понимая, что средств для достижения своей цели в Италии он найти не мог, Гуго направил все усилия на то, чтобы добиться свободы, отправиться в Прованс и вернуться во главе войска. Для этого, прежде всего, нужно было усыпить бдительность Беренгария, а также найти способ укрепить престиж Лотаря, который практически в качестве заложника должен был остаться в Италии на время отсутствия Гуго.

Соглашение, которое Гуго заключил с Альберихом во второй половине 946 года, окончательно отказавшись от своих претензий на Рим, стало частью его плана и, на его взгляд, должно было обеспечить поддержку правителей Рима и Папы его намерению избавиться от Беренгария^[14]. Не стоит забывать о том, что Альберих был связан с Гуго родственными узами, поскольку был женат на его дочери Альде.

Для того чтобы рядом с Лотарем появился преданный и проверенный человек, Гуго настоял на заключении его брака с Аделаидой (до сих пор бракосочетание откладывалось из-за слишком юного возраста и жениха и невесты). Его собственный брак с Бертой оказался неудачным. Разочаровавшийся в своих надеждах завладеть Бургундией, запутавшийся в своих любовницах, Гуго сначала пренебрегал женой, а затем возненавидел ее. Берта вернулась в Бургундию и, как все королевы и императрицы, оставшиеся вдовами или покинутые своими мужьями, нашла выход в религии: стала основывать церкви и монастыри, полностью посвятив свою жизнь служению Богу.

Аделаида осталась в Италии. Она, вероятно, была не только красива, но и отличалась

недюжинным умом и тонким политическим чутьем. Король испытывал симпатию к смышленной девочке, а поскольку у него была репутация неисправимого развратника, некоторые придворные превратно истолковывали сердечность в их отношениях. Двор Гуго с вечным калейдоскопом фавориток отнюдь не отличался строгостью нравов, но и в такой среде Аделаида сохранила весь сонм христианских добродетелей, за которые впоследствии была причислена к лику святых. Никто не стал бы спорить с тем, что заслуга в привлечении ее к политической деятельности принадлежит не только ее второму мужу — Оттону Саксонскому, — но и, в первую очередь, ее свекру, который преподавал ей науку государственного управления в королевском дворце в Павии, когда она была еще ребенком. Конечно же, старый король надеялся, что блестящий ум невесты восполнит слабую посредственность жениха, найдет ему единомышленников и сохранит трон для династии, которую он считал своим созданием^[15].

Время показало, что Гуго не ошибся в своей невестке, и возложенные на нее надежды не увенчались успехом лишь потому, что Лотарь слишком рано умер.

Гуго заключил мир с Альберихом, сыграл свадьбу Лотаря с Аделаидой, а затем в конце апреля 947 года уехал из Италии в Прованс, захватив с собой все свои сокровища.

Как старому королю удалось обмануть Беренгария и уехать в Прованс с личной сокровищницей, то есть со средствами для организации военных действий, сказать сложно. Ведь именно для того, чтобы избежать этого, семью месяцами ранее Беренгарий вернул Гуго на трон: как же он мог теперь согласиться на отъезд короля? Что хотел сказать Лиутпранд, написав, что Гуго уехал в Бургундию, «бросив Лотаря, нарушив мирный договор и обманув доверие Беренгария»? Существуют предположения о том, что он официально отрекся от престола и поклялся более не возвращаться в Италию. Может быть, состояние здоровья почти семидесятилетнего короля, утомленного распутной жизнью, уже не позволяло считать его опасным противником? Так или иначе, в руках Беренгария оставался главный козырь: Лотарь немедленно поплатился бы за любой неверный шаг своего отца^[16].

Несмотря на заключенный в 933 году договор с Рудольфом II и дипломатические переговоры, которые Оттон Саксонский вел от имени своего протеже, молодого короля Бургундии, Прованс так и не вошел в состав Бургундии и фактически продолжал оставаться во власти Гуго. Поэтому Гуго, покинув пределы Италии, поехал именно туда^[17].

В 931 году, отправляясь в Италию ко двору Гуго, Бозон оставил принадлежавшие ему графства Авиньонское и Арльское мужу своей дочери Берты, которого тоже звали Бозон. Этот Бозон был братом короля Франции Рауля. Он умер в 935 году, и Берта вторично вышла замуж за Раймунда Руэргского, передав ему в качестве приданого те графства, которые достались ей от отца и первого мужа.

Берта с Раймундом приняли у себя беглеца, и все вместе они стали планировать новый поход на Италию. Его организация не заняла бы много времени — Раймунд обещал быстро собрать войско и повести его в Италию, — если бы не потребовались соответствующие дипломатические приготовления. Прежде чем перебираться через Альпы с войском или высаживаться в Тоскане, где оставался Губерт, нужно было договориться с крупными сеньорами северных районов Италии и заручиться их поддержкой. Возможно, Губерт Тосканский и поддержал бы инициативу своего отца, но остальные, хотя и не приветствовали методы правления Беренгария, слишком хорошо помнили, какие методы обычно применял Гуго, и не видели для себя никакой выгоды от его возвращения.

Поэтому воинственный пыл Раймунда Руэргского так и не нашел практического применения. А меньше чем через год после своего отъезда из Италии, 10 апреля 948 года, Гуго умер в монастыре, в котором остановился. Говорили, что перед смертью он облачился в монашеское одеяние, чтобы покаяться в грехах, которые он совершил как король и как человек^[18].

Слабый и болезненный Лотарь, оставленный на произвол собственного министра, продолжал править, не управляя. Беренгарию оказалось недостаточно того, что он носил

титул «верховного советника королевства» (*summus consiliarius regni*) и окружал короля своими людьми. Он заявил о своем желании править вместе с королем на троне и именоваться «соправителем королевства» (*summus consors regni*). До этого момента короли жаловали таким титулом только своих жен, и его, например, была удостоена Аделаида^[19].

Окружение Лотаря составляли друзья Беренгария: Манассия Арльский, по-прежнему ожидавший, когда освободится архиепископская кафедра в Милане; Гвидо, епископ Модены, в числе первых перешедший на сторону врага; Аттон Верчеллийский, который до конца своих дней хранил верность Беренгарию. Но при дворе оставался Адалард Реджанский, чтивший память Гуго; графом дворца был все тот же Ланфранк Бергамский; одним из влиятельных придворных людей был граф Манфред, отец Элизиарда, который женился на Ротлинде, дочери Гуго и Розы: следовательно, на сводной сестре Лотаря со стороны отца и Ланфранка со стороны матери. Но что значили все эти люди в окружении Лотаря?^[20]

На первый взгляд во внутренней политике ничего не изменилось: церкви и монастыри продолжали оставаться в числе фаворитов. Церковь в Триесте получила в свою собственность все, что в самом городе и на три мили в округе принадлежало государственному фиску: недвижимость, судебные и налоговые права. Для церкви в Комо были подтверждены все уступки, которые несколько лет тому назад ей предоставил Гуго. Всего лишь трое или четверо светских вассалов получили какие-то не слишком дорогие подарки. Основные направления политики остались теми же, но в целом Беренгарий оказался еще большим деспотом, чем Гуго. Епископов он назначал и снимал с должности, как ему заблагорассудится. В Брешии он заменил Антонию некоего Иосифа, известного своими добродетелями, но не слишком покладистого, в Милан он хотел назначить Манассию, но миланцы даже слышать о нем не желали. Чтобы сделать приятное Манассии, он назначил в Комо некоего Вальдона, который впоследствии стал одним из его злейших врагов. Еще более деспотичный, чем Гуго, Беренгарий был еще и скупым. Бозон сохранил за собой кафедру в Пьяченце, а Лиутфрид в Павии — только ценой крупных денежных выплат. Должности при дворе продавались тому, кто больше предложит, и родственники молодого Лиутпранда (который с момента своего появления при дворе Гуго значительно увеличил свой культурный багаж) за «невиданные подношения» приобрели ему должность «*signator epistolarum*»^[21]. Когда венгры пригрозили Италии новым вторжением и потребовали круглую сумму за отказ от него, Беренгарий обложил всех подданных — взрослых и детей — налогом, но, по слухам, значительная часть выручки отправилась в его собственную казну.

Что же до карательных мер, то если Гуго активно пользовался услугами шпионов, то Беренгарий наводил на народ ужас своей жестокостью и беспощадностью.

За пределами государства, как и в его границах, Беренгария считали истинным королем, и именно к нему Константин VII прислал гонца с просьбой отправить к нему посла с тем, чтобы возобновить объединявшие Павию и Константинополь союзные отношения. Беренгарий был настолько скуп, что не решился отправить посла в Константинополь, посчитав, во сколько это ему обойдется. Поэтому он уговорил крестного отца своего молодого «*signator epistolarum*» отправить юношу в Константинополь за свой счет, чтобы он выучил там греческий язык. Лиутпранд уехал, пробыл в Константинополе, по крайней мере, полгода, выучил греческий язык, оставил потомкам красочное описание увиденных им чудес, забыв упомянуть о своей дипломатической миссии. По всей видимости, византийцы были серьезно обеспокоены сложившейся ситуацией, поскольку прекрасно знали, что может стоять за опекой и наставлениями. Из любви к невестке Берте (Евдокии) Константин VII добавил к своему посланию искренние пожелания Беренгарию честно выполнять свои обязанности первого министра и не злоупотреблять своим положением. Можно представить, с каким удовольствием Беренгарий воспринял эти рекомендации и вместе с тем как это письмо помогло Лотарю^[21].

Лотарь нуждался в помощи несколько другого порядка, нежели в цветистых обращениях Константина VII к Беренгарию.

Влияние молодой супруги короля все возрастало, а Беренгария — уменьшалось; и Лотарю рано или поздно пришлось бы пойти на прямой конфликт со своим зарвавшимся министром.

Все же Лотаря нельзя было назвать «ленивым королем» (*roi fainéant*): если в 947 году он не покидал пределов Павии, то в июне 948-го он поехал в Эмилию, а затем в Тоскану в сопровождении Беренгария, Аттона Верчеллийского, а также графа Алерама, старого друга его отца. Было бы интересно узнать, о чем говорили сводные братья и что думал мудрый и осторожный маркграф Тосканский о ситуации в королевстве и о самом короле.

Время шло, и постепенно стали проявляться первые признаки конфликта. Один из центров оппозиции Беренгарию, на который мог рассчитывать Лотарь, находился в Комо. Епископ Вальдон оказался на своей должности по милости Беренгария, но истинные чувства, которые он испытывал к своему благодетелю, станут известны лишь позже. Лотарь передал ему права на церковь, располагавшуюся на мосту, и на плотину Кьявенны, но позаботился о том, чтобы на его стороне оказалось как можно больше жителей этого города. Часть крепостных укреплений он передал судье Назарию, а другую часть — некоему Мелидзону. Вскоре под стенами Комо разыгрались события, которые стоили жизни одному из верноподданных короля некоему Эриберту, и именно в Комо впоследствии заключили под стражу королеву Аделаиду.

То, что Лотарь придавал Комо и его жителям такое большое значение, дает возможность предположить, что он уже тогда поддерживал отношения с Лиудольфом Швабским и, через его посредничество, с Оттоном Саксонским. После смерти Лотаря тайные связи, которые он налаживал при жизни, стали абсолютно очевидными.

Подтверждением этому предположению служат милости, оказанные Лотарем Ардуину Безбородому, во владениях которого находились ключевые земли на границе с Бургундией, где правил Конрад, брат королевы Аделаиды и протеже Оттона.

После смерти Анскария и бегства Беренгария, между 941 и 943 годом, Ардуин Безбородый, граф Ауриате, получил от Гуго графство Туринское. В 945 году он помирился с Беренгарием, сохранил при себе новое графство и стал одним из самых крупных и могущественных феодалов Западной Италии. Во время визита в эту часть королевства Лотарь по просьбе королевы Аделаиды отдал Ардуину богатейшее аббатство Бреме. Столь щедрый дар не мог не иметь политического значения. Своими силами Лотарь не смог бы избавиться от Беренгария. Византийцы поддерживали его — иначе и быть не могло — только на словах, а помощь Оттона могла действительно оказаться бесценной, если бы молодой король сумел привлечь его на свою сторону в борьбе со своим министром.

Разумеется, Оттон с готовностью поддержал бы Лотаря — как в свое время поддержал Беренгария в его борьбе с Гуго, — если бы король согласился на его прямое вмешательство в дела Италии. Возможно, Оттон вынашивал план, согласно которому Италия должна была оказаться в подчиненном положении, как и Бургундия, а Лотарь — сознательно или нет — стал частью этого плана. Для достижения этой цели нужны были надежные друзья в приграничной зоне между Италией и Германией, в Комо и в Турине. Однако ожидания заинтересованных лиц не оправдались, поскольку через несколько дней после того, как Ардуин получил аббатство Бреме, Лотарь умер. Говорили, что его отравил Беренгарий^[221].

Итак, вдовствующая королева и всемогущий министр оказались лицом к лицу. В результате их столкновения Аделаида получила нового мужа, императорскую корону и, чуть позже, лавры святой, но вместе с тем она положила конец независимости Италии.

VII. ЭПИЛОГ

Беренгарий и Аделаида Бургундская. — Бегство Аделаиды. — Вмешательство Оттона. — Беренгарий и Конрад Лотарингский. — Собрание в Аугсбурге. — Правление Беренгария и Адальберта. — Поход Лиудольфа. — Возвращение Беренгария к власти. — Второе вмешательство Оттона. — Интриги Адальберта и Иоанна XII. — Последние

попытки сопротивления .

Беренгарий был всесильным министром на протяжении нескольких лет, и со смертью Лотаря перед ним открылась возможность получить королевский титул. Впрочем, ему необходимо было разобраться с двумя проблемами: с прежними обещаниями германскому королю Оттону и с неприязнью Аделаиды Бургундской, вдовствующей королевы.

При жизни Лотаря Беренгарий успешно уклонялся от выполнения данных им обещаний, но со смертью молодого короля особенно остро встал вопрос о признании королем Италии, которым намеревался стать Беренгарий, верховной власти короля Германии.

Что же касается Аделаиды, то вполне понятно, какие эмоции она испытывала при одном упоминании имени Беренгария. Оставшись вдовой в 19 лет, с двухлетней девочкой на руках, она не стала терять времени на бессмысленную демонстрацию скорби и ни на миг не забывала о том, что ей, дочери Рудольфа II и вдове Лотаря, полагалось по праву.

Королева могла рассчитывать на поддержку тех немногих людей, кто остался верен памяти Гуго, а также тех, кто устал от правления Беренгария. Однако Беренгарий обладал множеством серьезных преимуществ: он был мужчиной, уже обладал властью и находился в Павии, столице Итальянского королевства, в то время как Лотарь умер в Турине.

Несмотря на протест королевы и ее сторонников, Беренгарий на спешно созванной им ассамблее добился королевского титула для себя и для своего сына Адальберта. Их коронация состоялась 15 декабря 950 года в соборе св. Михаила в Павии^[1].

...она обладала столь ясным умом,
что могла бы достойно управлять государством,
Теперь же, когда Лотарь... умер,
часть народа, который ранее бунтовал,
из-за испорченных нравов, враги собственным государям,
ныне отдали Беренгарию власть в королевстве.

(Gesta Ottonis, 478–484)

Эти строки написала Хротсвита, знаменитая монахиня из Гандерсгейма, поэтесса, прекрасно знакомая если не с реальными событиями, то с официальной версией событий, затрагивавших Саксонскую династию. Действительно, спешка, с которой короновали Адальберта и Беренгария всего три недели спустя после смерти их предшественника, свидетельствует о том, что они созвали ассамблею из немногочисленных магнатов Северной Италии и без труда добились собственного избрания, предупредив об этом Аделаиду и ее единомышленников. Вот что пишет об этом Хротсвита:

Горечь и наполнившее сердце справедливое негодование
вылились в глухой гнев на несправедливое насилие,
совершаемое над королевой Аделаидой,
которая, царствуя, не причинила ему никакого вреда.

(Gesta Ottonis, 490–493)

Впоследствии разногласия, возникшие между Беренгарием и Аделаидой, стали объяснять отказом королевы выйти замуж за Адальберта. Этот брак разрешил бы все трудности, объединив наследственные права обеих сторон, и Беренгарий, скорей всего, задумывался об этом. Если Аделаида хотела — а она хотела — остаться королевой Италии, непонятно, почему она отказалась от такого предложения. Высказывать предположение о том, что Адальберт ей не нравился, было бы, по крайней мере, несерьезно. Вдовствующие королевы могли выбирать только между монастырем или новым замужеством, продиктованным политической необходимостью, а не их личными вкусами. Аделаида прекрасно знала, что не сможет оставаться королевой, не имея рядом с собой супруга. Но кто

же мог стать этим новым мужем, новым королем, которого она и ее советники собирались противопоставить Адальберту, возможно, уже женатому, и Беренгарию?^[2]

Из всех крупных феодалов королевства и правителей соседних государств единственным, кто мог претендовать на руку королевы Италии, был германский король Оттон I Саксонский, недавно потерявший супругу, Эдиту Английскую. Из-за политического курса, который он избрал в отношении Конрада Бургундского и Беренгария Иврейского, итальянцы считали Оттона врагом Гуго. Но Гуго умер, отношения Оттона с Беренгарием испортились, когда министр нашел способ уклониться от выполнения своих обещаний, а с Конрадом Бургундским — братом Аделаиды — он, напротив, нашел общий язык, и у молодого короля не было никаких причин сетовать на своего покровителя. Анализируя политические мотивы, не нужно забывать и о психологическом факторе. Король Германии обладал такими моральными качествами, которые вполне могли вызвать симпатию женщины с высокими и благородными помыслами, какой была Аделаида. Во всяком случае, ее симпатия вряд ли могла быть обращена к семейству тиранов — Беренгарию, Адальберту и Вилле. Вполне естественно, что королева и ее советники стремились добиться взаимопонимания именно с Оттоном.

В свою очередь, Оттон, который строил глобальные планы как во внутренней, так и во внешней политике и интересовался итальянскими делами еще со времени бегства Беренгария в Германию, вне всякого сомнения, пристально следил за происходящим в Италии и был готов немедленно вмешаться, когда представится такая возможность. Для германского короля Италия и Рим были неразделимы, а власть над Римом сулила обладание императорским венцом.

Оттон и Аделаида были слишком умны и внимательны для того, чтобы не задуматься над тем, насколько полезны они могут быть друг для друга. Наверняка они поддерживали напрямую (или через Конрада Бургундского, или через Иду Швабскую, сводную сестру матери Аделаиды и молодую жену Лиудольфа, первенца Оттона) отношения, которые завязались еще при жизни Лотаря^[3].

Беренгарий сразу же понял, какую опасность мог представлять для него союз Аделаиды и Оттона. Проблему можно было бы решить, убив Аделаиду, но это тоже было сопряжено с опасностью, поскольку ее сторонники и сам Оттон стали бы мстить за ее гибель. Нужно было сделать ее полностью беспомощной, а для этого, в первую очередь, необходимо было лишить ее имущества и свободы.

Неизвестно, в какой резиденции Аделаида остановилась после смерти мужа, но, само собой, она не могла оставаться в столице, под надзором своего врага. Вероятно, она сразу же поселилась в Комо, в одном из оплотов верноподданных Лотаря, который к тому же находился недалеко от границы со Швабией. Именно в Комо 20 апреля ее взяли под стражу со всей ее сокровищницей. Возможно, ее отвезли в Павию и обращались с ней, как с пленницей. У нее отобрали драгоценности, ей отказали в обществе и помощи ее близких и прислуги. Путем побоев и издевательств ее пытались насильно постричь в монахини.

Аделаида храбро сопротивлялась. Возможно, она попыталась бежать, после чего вместе с капелланом и единственной служанкой ее заточили в замок. Впоследствии выяснилось, что местом ее заточения стала цитадель Гарда.

Цитадель хорошо охранялась: на стенах стояли часовые, а их командир получил суровые предписания. Любая вылазка единомышленников Аделаиды могла стоить пленнице жизни. Поэтому ее друзья не стали рисковать, но сумели связаться с ней через Адаларда, епископа Реджо. Кстати, он не был, как предположил Лиутпранд, тем духовником-предателем, который в истории с замком Формикария вместо доходного епископского престола в Комо, обещанного ему и переданного Вальдону, получил место в Реджо. Адаларда выбрал Гуго, и епископом он стал в январе 945 года^[4]. Во времена правления Лотаря он достаточно часто появлялся при дворе, примкнул к группе недовольных правлением Беренгария и остался в их рядах, когда всемогущий министр стал королем. Позже, узнав, что Оттон решил вмешаться в итальянские дела, он придумал план

бегства королевы и предоставил ей убежище.

Сама Аделаида впоследствии открыла своим друзьям подробности своего бегства, а многие другие додумал народ, вдохновленный приключениями красивой, молодой, храброй королевы, которая вскоре стала самой могущественной правительницей христианского мира. Отголоски рассказов об Аделаиде слышны в сочинении монаха Одилона и в поэме, которую монахиня Хротсвита написала, чтобы расцветить жизнеописание Оттона. Две версии приключений королевы ни в чем не совпадают просто потому, что автор одной из них обладал поэтическим дарованием.

Получив послание от Адаларда, Аделаида с капелланом и служанкой сумели выскользнуть из цитадели так, что не привлекли внимания стражников. Впрочем, возможно, один из них им помог. Ночью 20 августа все трое бежали, причем королева и служанка были переодеты мужчинами. На следующее утро побег обнаружился.

Комендант замка начал поиски беглецов и, не обнаружив их следов — возможно, все решили, что они бежали на север, — предупредил Беренгария, который отправил своих солдат по всем направлениям и лично принял участие в поисках.

Беглецы шли ночью, шли так быстро, как позволяли силы женщин, не привыкших к продолжительным походам, а ночью прятались в лесах и на обработанных полях. Беренгарий чуть не обнаружил королеву, спрятавшуюся на поле пшеницы. Он скакал взад и вперед по полю на своей лошади, шарил копьем среди колосьев, а она сидела, скорчившись, обмирая от страха, сдерживая дыхание, но он так и не заметил ее.

В конце концов преследование прекратилось, и капеллан оставил полностью изможденных женщин в укрытии на болотах. Современная историография отождествляет эти болота с Мантуанскими озерами, что вполне правдоподобно и с географической точки зрения, поскольку на пути от Гарды до Реджо лежит Мантуя. Капеллан собирался пойти вперед и попросить епископа Адаларда выслать навстречу королеве вооруженную охрану. Тем временем Аделаида и ее служанка пострадали бы от голода, если бы им не встретился рыбак, который вез на своей лодке пойманных осетров. Увидев на берегу двух женщин, рыбак поприветствовал их, а когда узнал, что они умирают от голода, пристал к берегу и пожарил немного рыбы. Конный отряд, посланный епископом Адалардом на выручку, застал Аделаиду и служанку сидящими у костерка. Рыбак, который к тому времени, скорее всего, догадался, что бродяжки были непростые, потерял дар речи, когда узнал, что оказал помощь самой королеве.

Всадники сопроводили Аделаиду в Реджо, а затем в Каноссу, вотчину Аццо, который был вассалом епископа, а до этого служил Лотарю и с искренней радостью принял у себя вдову своего господина.

В Каноссе Аделаида стала дожидаться прибытия Оттона^[5].

Победы, которые Оттон Саксонский одержал над своими внешними врагами и над соперниками внутри страны, и имперская традиция, продолжавшая жить в государствах, ранее входивших в прежнюю империю Каролингов, ставили перед королем Германии задачу возродить забытое имперское достоинство и вернуть ему былое величие. Первым шагом на пути к достижению этой цели было завоевание Итальянского королевства.

Ситуация была более чем благоприятной. В Италии все бурлило от негодования на Беренгария, что серьезно облегчало задачу завоевателя. А отношения, завязавшиеся с Аделаидой и ее единомышленниками, сделали из Оттона защитника молодой, невинной, преследуемой королевы, придав его намерениям ореол рыцарской доблести. Безусловно, это немало способствовало росту его популярности в народе. Придворные хронисты с удовольствием рассказывали о том, что король, никогда не видевший Аделаиду, полюбил ее за ее прославленную добродетель. В самом деле, период правления Оттона и Аделаиды в нравственном отношении выгодно отличался от предыдущего.

Решение о походе на Италию было принято с согласия всех магнатов Германского королевства, все его детали были тщательно продуманы. Но легкомыслие старшего сына

Оттона, молодого Лиудольфа, недавно ставшего герцогом Швабии, чуть не разрушило все планы, когда он очень некстати решил сам вторгнуться в пределы Итальянского королевства.

Со времен правления Бурхарда I герцоги Швабии интересовались происходившим в Италии, и Лиудольф, пришедший к власти в 949 году, должно быть, весьма пристально следил за событиями, развернувшимися вокруг Аделаиды, близкой родственницы его жены, помышляя о том, чтобы расширить границы своего герцогства за счет Италии.

Точно такие же мысли приходили в голову Генриха, дяди Лиудольфа и герцога Баварии, который, помня о походе Арнульфа, сохранял уверенность в том, что само местоположение его герцогства давало ему право на вмешательство в дела соседнего государства. Однако, пересекая границу Италии с маленьким отрядом воинов втайне от отца, Лиудольф руководствовался не только желанием опередить Генриха.

На кону стояло нечто гораздо более серьезное, чем потребность в приобретении новых земель. Учитывая, что Оттон собирался вторгнуться в Италию и жениться на Аделаиде, чтобы получить государство и императорский титул, нетрудно догадаться, чего намеревался добиться Лиудольф, решившись начать подобное предприятие в одиночку. Он, конечно же, надеялся своими силами завоевать королевство, после чего получить права на него и королевский титул от отца, который к тому времени уже стал бы императором. Став правителем Италии и представителем императора при Папе Римском, Лиудольф мог быть уверен в том, что однажды унаследует от отца императорский титул и королевство Германию, даже если от отцовского брака с королевой Италии родятся другие дети.

У Лиудольфа вызывал серьезное беспокойство предстоящий брак еще не достигшего сорокалетия отца с Аделаидой, двадцатилетней умной и энергичной красавицей. Впрочем, для беспокойства у него были все поводы. Поэтому своей попыткой вторгнуться в Италию Лиудольф надеялся поставить отца перед свершившимся фактом.

Лиудольф свято верил в недавно установившиеся связи германского двора с некоторыми итальянскими городами. Более того, он был уверен в том, что присутствие Ратхерия Веронского в его лагере — Ратхерий оказался в числе его сторонников в результате множества перипетий — распахнет перед ним городские ворота.

Но жителям итальянских городов гораздо лучше, чем молодой Лиудольф Швабский, был известен Генрих Баварский, к чьему покровительству прибегали зачинщики недавнего германского вторжения в Италию. Генриху без труда удалось настроить горожан против Лиудольфа и его легкомысленной затеи, успех которой помешал бы как планам Оттона, так и его собственным.

Ворота первых же замков и городов, перед которыми появился Лиудольф, захлопнулись у него перед носом. Не слишком далеко продвинувшись вперед, Лиудольф отступил и воссоединился с отцом. Оттон к тому времени подходил к Бреннерскому перевалу или уже находился там^[6].

Оттон собрал крупное войско, в котором находились Генрих Баварский, Бруно, архиепископ Кельнский, Конрад, герцог Лотарингский, соответственно братья и зять короля. Кроме того, в походе участвовали архиепископы Майнца и Трира, епископы Кура, Туля, Меца, Вердена, каждый с небольшой группкой придворных^[7].

За период правления с момента смерти Лотаря до вторжения Оттона Беренгарий — по мнению некоторых исследователей — внес некоторые изменения в территориальную организацию западной части королевства. В результате этой реформы образовались маркграфства Ардуина, Алерама и Отберта.

Эту реформу он провел с тем, чтобы разделить Иврейское маркграфство — поскольку Беренгарий лучше чем кто бы то ни было знал, сколь могущественным становился любой его обладатель, — и одновременно уменьшить Тосканское маркграфство, отделив от него Лигурию. К тому же, распределяя права на владение этими маркграфствами, он облагодетельствовал трех вассалов, в чьей верности мог быть уверен. Мы не будем обсуждать здесь эту весьма многогранную тему. К сожалению, не сохранилось никаких сведений о принятых Беренгарием мерах по защите северо-восточной границы. Однако, зная

об отношениях Адальберта с Оттоном, Беренгарий должен был первым делом укрепить и передать во владение преданным людям именно эту зону. По некоторым сведениям, несколько лет спустя Веронское маркграфство перешло во владение Гвидо, сыну Беренгария. Однако в 950–951 годах Верона все еще находилась у ненадежного графа Милона^[8].

Когда Оттон показался на границе и начал спускаться с Бреннерского перевала, Милон не стал готовиться к обороне Вероны, а встретил захватчика с распростертыми объятиями. Он заботился лишь о том, чтобы сохранить графский титул для себя и епископскую кафедру для своего племянника Милона (на эту кафедру дядя определил своего племянника, заплатив круглую сумму Манассии Арльскому).

Как и Гвидо в 894 году, Беренгарий не решился на сражение в открытом поле, а укрылся в Павии, возможно, намереваясь выдержать там осаду. Но когда германское войско появилось на горизонте, он в спешке покинул город и отправился в Сан-Марино, куда попасть было еще сложнее, чем в Каноссу, где пряталась Аделаида.

Через день после того, как Беренгарий покинул свое убежище, 23 сентября, Оттон вошел в Павию, и все магнаты Итальянского королевства поспешили предстать перед новым господином и оказать ему необходимые почести:

...все знатнейшие люди толпою
стали оказывать почести новому королю
и убеждать его наперобой, что с радостью подчинятся его
власти.

Их по обычаю своему он принял благосклонно,
пообещал, что будет милосерден,
если и они впоследствии будут верно служить ему.

(Gesta Ottonis, 631–636)

Произошло то, что итальянские магнаты на протяжении вот уже трех поколений делали каждый раз, когда в Италии появлялся новый правитель. Беренгарий оказался в весьма невыгодном положении еще и потому, что венгры совершили очередной набег. Они не удовольствовались данью, выплаченной год назад, вновь пересекли границу и наводнили поданскую равнину, собираясь добраться до Бургундии и Аквитании.

Оттон получил титул короля Италии без формального избрания и тем более без коронации. Однако для того, чтобы право Оттона на итальянский престол получило юридическую силу, нужно было провозгласить его государем, формально донести до жителей государства свершившийся факт и провести церемонию обмена заверениями в верности между новым королем и его подданными. Возможно, что для того, чтобы провести эту церемонию, все дожидались приезда Аделаиды.

Прибыв в Павию, Оттон тотчас же отправил королеве послание, сопровождаемое щедрыми подарками, в котором содержалось формальное предложение руки и сердца, а также просьба приехать в Павию.

От переживаний сердце его сжималось,
когда он думал о королеве Аделаиде,
поскольку, конечно же, он жаждал наконец увидеть
лицо той, о чьей доброте он был наслышан.

(Gesta Ottonis, 636–640)

Так описывает происходившее с Оттоном Хротсвита. Эта набожная монахиня в ярких красках представляла себе переживания и волнение короля, который ожидал, когда же наконец он увидит женщину, о добродетелях которой ему столько рассказывали.

Чести отправиться на другой берег реки По навстречу королеве, которую окружала ликующая толпа, удостоился Генрих Баварский. Именно тогда между шурином и золовкой

зародилась искренняя дружба, которую они в дальнейшем пронесли через все испытания.

Оттон сделал своей невесте, в чье приданое входило Итальянское королевство, воистину царский подарок: в ее владениях оказались земли в Эльзасе, Франконии, Тюрингии, Саксонии, славянских землях. Бракосочетание отпраздновали со всей возможной роскошью, королева

...к чести короля, сразу же очень ему понравилась.

(Giesta Ottonis, 664)

Среди всеобщего ликования единственным недовольным оказался Лиудольф, потерпевший унижительную неудачу во время своего похода в Италию, завидовавший дружеским отношениям Генриха Баварского с Аделаидой и обеспокоенный все возрастающим влиянием красивой и умной королевы на короля и вообще на всех, кто имел с ней дело.

Тем временем Оттон отправил в Рим Фридриха, архиепископа Майнца, чтобы он в должной форме оповестил понтифика о свершившихся событиях и договорился о времени императорской коронации.

Однако в Риме продолжал править Альберих, который не собирался менять свое мнение по имперскому вопросу. Он не позволил Гуго получить императорскую корону и был полон решимости не допустить, чтобы ее добился Оттон.

Оттон мог бы, подобно Арнульфу, взять штурмом Рим и добиться коронации силой, опираясь на врагов Альбериха, которые приветствовали идею возрождения империи. Но Оттон был слишком хитрым политиком, чтобы вознамериться получить титул таким образом. Кроме того, он ни на минуту не забывал о том, что Беренгарий отступил, но не сдался, и что союз между ним и Альберихом мог иметь роковые последствия. Осторожный Оттон не стал настаивать, не выказал своего разочарования и, надеясь на будущее, не позволил втянуть себя в какую-нибудь сомнительную затею против Папы Агапита II.

Неудачное завершение переговоров о коронации стало серьезным ударом для Лиудольфа. Оттон не мог уступить ему королевство, не став императором: сложившаяся ситуация бросала тень на будущее Лиудольфа, на его наследственные права. Возможно, он вызвал отца на разговор, который не принес ему удовлетворения, а лишь усилил его страх и неуверенность. Обозлившийся на всех и вся, Лиудольф, не попрощавшись, уехал в Германию, где начал вынашивать план заговора.

Оттон простил сыну беспечную попытку вторжения в Италию и после его внезапного отъезда заставил всех поверить в то, что он сам отправил его с важной миссией в Саксонию. Однако дальнейшие события показали, что снисходительность и нежность отца не смогли обезоружить враждебную подозрительность сына^[9].

После отъезда Лиудольфа Оттон какое-то время оставался в Италии и, несмотря на отсутствие данных в хрониках и документах, можно с уверенностью сказать, что зря он времени не терял, как это делал в свое время Людовик III Прованский. Он прилагал все усилия, чтобы упрочить свою власть и объединить свои владения, жаловал и подтверждал привилегии церквям и монастырям. Он не стал предпринимать никаких военных действий против Беренгария, очевидно, потому, что не располагал средствами на то, чтобы вести войну. Однако он и не проводил переговоров, тем самым демонстрируя, что считает Беренгария лишенным каких бы то ни было прав на Италию.

В середине февраля Оттон посчитал, что уже может оставить Италию без личного присмотра и вернуться в Германию. Но, прежде чем пересечь границу, он удовлетворил просьбу Аделаиды и сделал щедрый дар монастырю св. Амвросия в память о погребенном там Лотаре^[10].

В свите Оттона находились Стефан из Павии и Гунцон Новарский, два всесторонне образованных человека, которых король убедил отправиться с ним в Германию, чтобы там они смогли посвятить себя преподаванию. Они везли с собой книги, и у Гунциона книг было

около ста, включая сочинения лучших классических авторов. Эти сведения совершенно неожиданным образом окрашивают панораму культурной жизни того времени^[11].

В Павии между тем оставался Конрад Лотарингский, зять Оттона, с отрядом солдат, которого было бы достаточно, чтобы оборонять столицу от возможного нападения Беренгария.

Конрад был доблестным воином, но он абсолютно не разбирался в политике и не понял, что означало для его тестя завоевание Итальянского королевства. Конрад мыслил лишь феодальными категориями: он считал, что, отправившись в Италию, Оттон преследовал единственную цель — наказать Беренгария, который забыл о своем вассальном долге. Вероятно, Беренгарий знал, что наместник Оттона не был ни политиком, ни дипломатом, и поэтому, начав с ним переговоры, предложил ему то, на что Оттон никогда бы не согласился. Конрад же принял его предложение, и они договорились, что вместе поедут в Германию, чтобы заключить мир с Оттоном, причем Беренгарий пообещает королю всегда и во всем ему повиноваться. В целом это соглашение было возвратом к условиям, которые Беренгарий принял в 941–945 годах, во время своего изгнания в Германии. Однако теперь об этих условиях речь уже не шла.

Конрад и Беренгарий отправились в путь незадолго до Пасхи 952 года и встретились с Оттоном в Магдебурге.

Оттон имел обыкновение в любых обстоятельствах действовать с подчеркнутым достоинством. Он отправил делегацию из чиновников и придворных сановников навстречу зятю и Беренгарию, по его приказу короля препроводили в предназначенную ему резиденцию с необходимыми почестями. Однако Оттон дал ему понять, что без его позволения Беренгарий не должен никуда отлучаться, и принял его у себя только через три дня. В эти три дня все сообща пытались исправить ошибку, которую Конрад совершил, приняв от имени короля условия договора, которые шли вразрез с его интересами.

Конрад не хотел признавать свою ошибку и был не на шутку оскорблен критикой Генриха Баварского. Генрих прекрасно понимал, что случившееся поставило под вопрос все те преимущества, которые должно было дать Оттону окончательное присоединение Италии к Германии. Лиудольф, которому, в принципе, не было выгодно поддерживать Беренгария, чьи интересы страдали из-за заключенного деверем договора, встал на сторону Конрада вопреки мнению отца и дяди. Впрочем, дядя обращался с ним довольно грубо. Генрих Баварский считал, что Оттон должен был воспользоваться тем, что враг сам шел к нему в руки. В семье наметился раскол, двор пребывал в смятении.

В конце концов Оттон устроил Беренгарию аудиенцию, на которой присутствовала Аделаида. Они приняли его в прекрасном расположении духа, даровали ему свое высочайшее прощение, а Беренгарий поклялся им в полном повиновении и обязался присутствовать на собрании в Аугсбурге в следующем августе. Во время собрания все вместе собирались определить условия, на которых Беренгарий стал бы править Итальянским королевством от имени Оттона.

По утверждению хронистов, после этого разговора Беренгарий вернулся в Италию. Само собой, Оттон предпринял в этой связи необходимые меры предосторожности, приставив к Беренгарию более надежного, чем Конрад, надсмотрщика. Таким образом, он мог быть уверен в том, что за время ожидания Беренгарий не наделает никаких глупостей^[12].

В первой половине августа, как и предполагалось, на Лехской равнине, близ города Аугсбурга, созвали королевское собрание и одновременно с ним церковный Собор. Собранию высшей знати Германии придавали несколько экзотический вид послы Константина VII, которые в тот момент находились при дворе Оттона.

Рядом с саксами, франконцами, швабами, баварцами были и магнаты Северной Италии; сохранились свидетельства о том, что на собрании присутствовали: Манассия, номинально являвшийся архиепископом Миланским, Петр, архиепископ Равеннский; епископы Лиутфрид из Павии, Вальдон из Комо, Гвидо из Модены, Адалард из Реджо и другие менее известные персонажи, всего около десяти человек. Одни из них были друзьями Беренгария,

другие — его врагами. Вместе с ними, по всей видимости, там находились и представители мирян, например: маркграф Отберт, маркграф Алерам, который женился на Герберге, одной из дочерей короля; маркграф Ардуин, граф Манфред. Хотя среди собравшихся было много итальянцев, решение о судьбе королевства поступило сверху. Сами же итальянцы присутствовали в качестве свидетелей и поручителей собственного короля, которого они не слишком жаловали и на чьем месте большинство из них предпочло бы видеть Оттона.

На повестке дня церковного Собора стояли вопросы из области веры, связанные с Германией, а собрание знати должно было обсуждать внутригосударственные проблемы. Однако наиболее важным и торжественным событием, произошедшим на глазах у всех собравшихся, была передача прав на управление Итальянским государством. Беренгарий и Адальберт получили золотой скипетр, символ власти в государстве. Оба короля вложили свои руки в руки Оттона и в предписанных традицией выражениях поклялись ему в верности и послушании. Также они обязались выплачивать ежегодную дань в знак признания верховной власти короля Германии^[13], справедливо и не слишком сурово обращаться со своими подданными. Однако целостность Италии была нарушена, поскольку Фриульское маркграфство по настоянию Генриха отошло к Баварскому герцогству. Такой передел территории обеспечивал германским войскам возможность беспрепятственного проникновения в Италию в случае необходимости. К тому же он представлял как оборонительная мера против венгров, которые слишком часто и слишком легко нарушали границы Италии. С учетом всех этих доводов нарушение территориальной целостности Итальянского королевства не показалось Беренгарию и его сыну унижительным; как, впрочем, и сама церемония инвеституры, организованная так, что их вассальное положение оказывалось очевидным для всех.

В результате Беренгарий II по отношению к Оттону оказался в таком же положении, как некогда Беренгарий I по отношению к Арнульфу. К тому же его положение было еще более шатким, чем то, в котором в свое время оказались короли Эд Французский или Рудольф Бургундский, поскольку Италия и Рим лучше всего подходили на роль центрального региона и столицы империи.

Поведение Оттона ясно указывало на то, что он не удовлетворился бы формальным признанием его верховного владычества, но захотел бы воспользоваться им; что он не отказался от претензий на императорский титул, высказанных в 951 году; что король Италии лично понес бы наказание за свою дерзость, если бы попытался воспротивиться его воле. Следовательно, присоединение Фриульского маркграфства к Баварии имело особое значение^[14].

Вернувшись в Италию, Беренгарий II вновь взял власть в свои руки. Скорее всего, какое-то время он вел себя весьма сдержанно, более не упоминая о своей «империи», как в марте предыдущего года. Но когда разразился бунт Лиудольфа и Конрада Лотарингского, когда полчища венгров обрушились на Южную Германию, а славянские племена стали угрожать нападением с севера, Беренгарий посчитал, что эти события нанесли непоправимый ущерб авторитету Оттона, и дал волю своему властолюбивому и мстительному характеру.

Современники высказывают суровое суждение о Беренгари, Адальберте и Вилле. Упреки в жадности, жестокости, даже свирепости сыплются на них со всех сторон, причем такого мнения о них придерживаются не только их политические противники, но и их верные друзья.

Во время германского кризиса Беренгарий правил с особой суровостью, жестоко расправляясь с теми, кто перешел на сторону Оттона и поддерживал дружеские отношения с германской стороной. Король загнал себя в порочный круг: его тираническое правление восстановило против него подданных, а их очевидная враждебность провоцировала его самого и его сторонников на новые зверства^[15].

Самым жестоким преследованиям подверглись епископы по той простой причине, что

они считались фаворитами Оттона. Архиепископ Миланский Манассия, непревзойденный мастер вовремя переходить из одного лагеря в другой, на этот раз не успел ничего предпринять, как и соперник миланцев, священник Адельман. Беренгарий избавился от обоих и назначил на их место Вальперта, которому удалось превзойти всех в ловкости. «Вальперт осторожно плыл среди бурных волн», — сказал о нем некий хронист. Впоследствии, все так же искусно лавируя, Вальперт превратился в одного из самых опасных врагов Беренгария^[16]. Епископ Новары, который присутствовал на Соборе в Аугсбурге и, по всей видимости, не выказал особого рвения в борьбе за интересы своего короля, заплатил за свою нерадивость потерей владений на острове Сан-Джулио д'Орта. В немилость, должно быть, попал и епископ Вальдон из Комо, который получил назначение на должность от Беренгария, но позже проявил себя как друг Лотаря и Аделаиды. Впоследствии он стал одним из злейших врагов короля.

Мшения Беренгария не избежал и епископ Адалард из Реджо, который провинился в том, что способствовал побегу Аделаиды и предоставил ей убежище. Впрочем, что именно с ним случилось, нам неизвестно. А его вассалу Аццо пришлось выдержать осаду в Каноссе, которая, конечно же, не продолжалась 3 года, как гласит легенда, но была долгой и изнурительной, предоставив народу благодатную тему для творчества. Говорили о том, что Аццо заключил договор с дьяволом и, само собой, посрамил его; вокруг неприступной скалы оказывались все персонажи нашей истории: Беренгарий, Адальберт, Лиудольф, Оттон. Эпизодов с их участием было придумано столько, что историки в ужасе хватаются за голову, пытаясь подвергнуть их анализу^[17].

К гонениям на знатных людей добавились репрессии против простого народа, мародерство, поджоги, разорение обработанных полей и виноградников, убийства, насилие, ослепления. Правительство, которое основывается на терроре, нуждается в деньгах, чтобы платить наемным головорезам, и Беренгарий не был исключением. Ради денег он был готов на все, что угодно, а Вилла была еще более жадной, чем он.

Ненависть к королю росла, а он тем временем продолжал вынашивать захватнические планы. Когда в Германии началось крупное восстание, он внезапно занял территорию маркграфства Фриули, и Милону Веронскому в очередной раз удалось договориться с тем, на чьей стороне оказалось преимущество^[18].

Для того времени Милон сделал блестящую карьеру. Судя по всему, он происходил из рода Манфредов и был внуком графа Манфреда, казненного в 898 году. Как бы то ни было, свое восхождение по иерархической лестнице он начал вассалом Беренгария I и позже отомстил за его смерть, арестовав убийц и приговорив их к повешению. При Рудольфе II Милон стал графом. Гуго сохранил ему этот титул, но Милон предал его ради Арнульфа Баварского, от которого он также отрекся, когда понял, что у того нет никаких шансов на успех. Он помирился с Гуго, но, как только представилась такая возможность, отворил ворота Вероны перед Беренгарием Иврейским. Затем Милон перешел на сторону Оттона и от имени его и Генриха Баварского управлял маркграфством, обретя соответствующий титул. Когда Беренгарий начал отвоевывать потерянные позиции, Милон чудом сохранил и титул и должность, но повезло ему в последний раз. Спустя какое-то время епископ Ратхерий, у которого не было причин быть благодарным Милону, с особым удовольствием отметил, что маркграфа ждал именно такой конец, какого заслуживал такой бессовестный предатель^[19].

Тем, кто не обладал способностями Милона и похожих на него людей, но хотел избежать карающей длани Беренгария, не оставалось ничего другого, кроме как бежать в Германию и бросаться в ноги Оттону с жалобами и просьбами о помощи. Среди прочих эмигрантов можно отметить Лиутпранда из Павии, который по возвращении из своего посольства в Константинополе попал в немилость и посчитал за лучшее покинуть страну. Ловкость, с которой он использовал свое перо против недругов, прибавляла ему веса в глазах его друзей.

Пока Беренгарий свирепствовал в Италии, Оттон подавил восстание, одержал победу над венграми в кровопролитном сражении на реке Лех 10 августа 955 года, а два месяца

спустя наголову разбил славян на реке Раксе. Успех в двух этих сражениях обеспечил безопасность страны, окружил ореолом славы фигуру государя и позволил ему вновь обратить свое внимание на Италию и Рим.

В 954 году умер Альберих, главный противник имперских притязаний Оттона. Адемар Фульдский, которого с богатыми дарами отправили в Рим для переговоров с Папой Агапитом II о церковной организации Германии, по всей видимости, обсуждал с ними некоторые проблемы из области политики^[20]. Беренгарий почувствовал, что новое германское вторжение в Италию неотвратимо, и, сознавая политическое могущество епископов, в этой критической ситуации прибег к их помощи. Однако, пребывая в уверенности, что ему не пристало добиваться чьей-либо поддержки постепенно и тактично, он настоятельно потребовал, чтобы епископы вновь принесли ему клятву верности и прислали ему заложников.

Епископы спросили у ученого и набожного Оттона Верчеллийского, как им следует поступить. Оттон осудил требование короля, призвал собратьев оставаться верными и молить Бога о том, чтобы король им доверял, высказал соображение о том, что некоторые правители настолько жестоки, что уже не могут рассчитывать на любовь своих подданных. Тем не менее он добавил, что и таким правителям следует хранить верность. Подобное указание выглядело особенно серьезным в устах того, кто был тесно связан с Беренгарием, и епископы не преминули им воспользоваться. Они отказались присягать Беренгарию и перешли на сторону Оттона с легким сердцем и спокойной совестью^[21].

За время бездействия германской стороны Беренгарий и Адальберт повели себя так, что Оттон обязан был решительно вмешаться в ситуацию, если хотел сохранить свой престиж. Король Италии был не в состоянии держать данное слово, вести себя в соответствии с нормами вассального долга и править согласно тем принципам, которыми дорожил Оттон.

Новый поход в Италию возглавил сын Оттона Лиудольф, жаждавший загладить свою вину перед отцом.

Примерно в конце сентября 956 года Лиудольф пересек границу Италии с огромным войском, в котором находились его друзья, хранившие ему верность в самые тяжелые дни после мятежа. Лиудольф надеялся отблагодарить их после того, как захватит Итальянское королевство.

На этот раз Беренгарий вновь не оказал никакого сопротивления, и Лиудольф беспрепятственно добрался до Павии. Несколько месяцев спустя Адальберт потерпел сокрушительное поражение в решающем сражении. Позже местом этого сражения стали называть окрестности Карпинети, в области Реджано; однако, по всей видимости, оно все же развернулось в Ломбардии, поскольку его исход вынудил жителей Милана и близлежащих местностей признать власть Оттона.

Епископы и светские сеньоры подчинились Лиудольфу и отпраздновали его приход к власти, посчитав, что деспотическое правление Беренгария подошло к концу. Оттон порадовался за сына, поручил ему принять присягу у подданных и, вероятно, собрался предоставить ему возможность править в Италии от его имени, к чему юноша давно стремился.

Впрочем, на этом история не закончилась. Беренгарий и его сторонники находились на свободе, и к югу от реки По, в Эмилии и Тоскане, его продолжали считать правителем, хотя и номинальным. Несмотря на это, в конце лета 957 года Лиудольф решил вернуться в Германию, — вероятно для того, чтобы обсудить с отцом детали военных действий против Беренгария. Он послал вперед войска, поэтому по итальянским городам, разграбленным им в целях наглядной демонстрации свободы от тирании Беренгария, можно проследить предлагаемый маршрут путешествия Лиудольфа и последовательность привалов, которые он намеревался делать. После этого Лиудольф двинулся в путь, но 6 ноября в Плумбии — к северу от озера Маджоре — скоропостижно скончался от лихорадки.

Справившись с потрясением, его люди отвезли тело молодого герцога в Германию,

следуя по пути, по которому он сам намеревался пройти с победой.

Италия вновь осталась предоставленной самой себе и Беренгарию^[22].

Беренгарий, Вилла и Адальберт, которые пришли в ярость, узнав о новой измене подданных, покинули свое убежище, вернулись в Павию и продолжили править, горя желанием удовлетворить свою жажду мести.

Первым за предательство заплатил Вальперт Миланский: он едва унес ноги от головорезов Беренгария и Виллы, после чего полуживым добрался до Германии. На его место назначили Манассию Арльского, который вновь очутился на коне. Вальдона из Комо отправили в изгнание. Аттон Верчеллийский упрекнул прелата в неповиновении властям, но признал, что король был не без греха: «Непозволительно посягать на королевское величество, хотя часто тот и несправедливым бывает». Кроме того, он дал Вальдону неожиданный совет: «Поскольку правитель в своей ярости так свирепствует, а вина так велика, что нет никакой возможности добиться от него милости... мы советуем бежать... и да поможет вам Господь...» Вальдону не нужно было повторять дважды, и он отправился за Вальпертом ко двору Оттона. Его епархия подверглась беспощадному разорению, и на острове Комачина расположился военный гарнизон. Петр Новарский также нашел прибежище по ту сторону Альп. Впрочем, не только представители духовенства оставляли своего короля. «Ныне взбунтовавшиеся воины уже не страшатся и угрожают оружием своему государю, стараясь свергнуть его с королевского престола всеми силами», — констатировал Аттон Верчеллийский.

Беренгарий и Адальберт понимали, что происходит, и поэтому осыпали дарами своих истинных и кажущихся верноподданных, сурово карая тех, кого подозревали в измене.

По всей видимости, в сложившейся ситуации двум правителям не хватало поддержки одних только магнатов, потому что они попытались привлечь на свою сторону ту категорию людей, которую ранее в качестве политической силы не рассматривали ни они сами, ни их предшественники. Свое внимание они обратили на *городских жителей* (*cives*).

В июле 958 года горожанам (*cives*) Генуи была пожалована грамота, открывавшаяся формулировкой, которая прежде использовалась довольно часто, но в данном случае имела совсем другое значение: «Его королевскому величеству надлежит милостиво и благосклонно выслушивать желания его подданных, чтобы они более преданно и охотно ему служили». Содержание грамоты ограничивалось признанием прав горожан на все их имущество — как в городе, так и за его пределами. Хотя документ не предоставлял им иммунитета или налоговых льгот, однако создавал выгодные условия для автономного развития городского сообщества, выводя его за пределы юрисдикции графов и епископов. В этой связи пожалование грамоты можно было воспринимать как революционный шаг. Без всякого сомнения, этот документ был направлен против маркграфа Отберта, который бежал в Германию ко двору Оттона^[23].

Немало труда стоит представить себе, как в подобной ситуации Беренгарий мог думать о политических делах соседних государств. Например, он посчитал возможным вмешаться в разногласия между венецианским дожем Петром III Кандиани и его сыном Петром IV, который в то время уже делил с отцом место у кормила власти. Когда Петра IV изгнали из Венеции, его принял у себя Гвидо, сын Беренгария и маркграф Вероны^[24]. Удивительно то, что Беренгарий отважился на агрессивные выпады в адрес папства, не задумываясь о том, какие последствия могло иметь подобное поведение.

В декабре 955 года на папский престол взошел необычный персонаж — Октавиан, шестнадцатилетний сын Альбериха, взявший имя Иоанна XII.

Перед смертью Альберих заставил своих сторонников пообещать, что после смерти Агапита II они изберут на папский престол единственного его сына от Альды, который продолжит его дело и унаследует власть над Римом.

По большому счету, это было признанием поражения. Возводя своего единственного сына, наследника и продолжателя дела на папский престол, Альберих воссоединял светскую

и духовную власти, на разделение которых сам же положил немало сил. Помимо этого, он обрек на исчезновение свой род, который на протяжении вот уже четырех поколений удерживал власть в Риме.

После смерти отца Октавиан продолжил его дело и взял в свои руки власть в городе, а через год после смерти Агапита II стал Папой Римским. Его юный возраст нельзя было бы назвать серьезным недостатком, если бы он чувствовал в себе призвание или хотя бы минимум уважения к карьере духовного лица, а не оказался бы самым настоящим сорвиголовой. Казалось, что он унаследовал от своего деда Гуго разнузданность, бессовестность и непостоянство, но при этом не перенял его же осторожности и остроты ума. То, что впоследствии рассказывали об Иоанне XII, действительно производило впечатление, но, — не говоря уже о его личной жизни, хотя Папа вообще не должен был позволять себе подобное, — как политический деятель он разительно отличался от отца.

Альберих всегда был исключительно осмотрительным политиком. Он резко реагировал на любые выпады Гуго, отвергал предложения Оттона и удерживал себя от нескромных притязаний на власть за пределами старинного римского дуката.

Напротив, Иоанн XII сразу же вспомнил о старинных претензиях Пап на обладание Южной Италией и при помощи Тебальда Сполетского, а, возможно, также и Губерта Тосканского, который приходился ему дядей по материнской линии, предпринял вылазку в Беневенто и Капую.

Затея провалилась из-за вмешательства Гизульфа Салернского, но Папа сгладил понесенное им фиаско с помощью дипломатических переговоров, добившись на них относительного преимущества. Но тем временем в опасности оказался Тебальд — союзник Папы из Сполето. Действительно, в 959 году по неизвестным нам причинам Беренгарий отправился в поход на Сполето, в котором принял участие Петр IV Кандиани. Более того, Губерт Тосканский, женатый на сестре Тебальда Сполетского, поддержал идею этого похода, поскольку недавно отдал свою дочь Вальдраду замуж за молодого венецианца^[25].

Подробности похода до нас не дошли, но регион Сполето всегда чутко реагировал на изменения папской политики, поэтому вторжение Беренгария в границы этой области свидетельствовало о существовании подозрительных намерений Иоанна XII на этот счет. Впоследствии все подозрения получили весомое подтверждение, когда Адальберт вторгся во владения папского престола, а Беренгарий отправился в Равенну, на что имели право только лишь императоры.

Вполне очевидно, что отец с сыном собирались повторить затею, которую успешно претворил в жизнь Гвидо, когда почувствовал угрозу со стороны претендующего на императорский престол Арнульфа. Как известно, он приехал в Рим, опередив противника, силой проник в город и подавил решимость Папы своим напором. Примерно то же самое попытался сделать и Гуго, которому нужно было не опередить соперника, а поднять собственный авторитет, пострадавший после неудачи 932 года.

В те времена Альбериху удалось противостоять атакам Гуго собственными силами. Однако его сын посчитал, что не сможет повторить отцовский успех — хотя бы потому, что его правление не вызвало такого же сочувствия, — и обратился к помощи Оттона.

В конце 960 года кардинал — диакон Иоанн и скриниарий Аццо отправились ко двору Оттона с посланием от Папы, в котором он просил избавить Святую Церковь и свою персону от злодеяний Беренгария и Адальберта. Папские посланцы прозрачно намекнули Оттону, что Папа не отказал бы в пожаловании императорского титула тому государю, который встал бы на защиту папства и Церкви^[26].

Эти события ознаменовали собой окончательный отход от программы Альбериха, который стремился избежать любого иностранного вмешательства в дела Рима. Однако со времен Альбериха политическая ситуация изменилась, и, само собой, Оттона нельзя было сравнивать с королем Гуго.

С точки зрения морали и политики Оттон оказался примерно в той же ситуации, что и Каролинги накануне их первого вторжения в Италию. Оттон обладал неоспоримой властью в

Германии, управлял своим государством мудро, честно и справедливо, доблестно защищал границы христианского мира от набегов славян и венгров. Славу ему принесла, прежде всего, битва на р. Лех, положившая конец набегам разбойников, которые на протяжении более чем 50 лет опустошали и терроризировали Германию, Францию, Италию.

Оттон был искренне набожным человеком, как и вся его семья. Позиция, которую он занял по отношению к папскому престолу в вопросах церковной организации Германии и распространения христианства среди язычников на Востоке, была подчеркнута уважительной. Как некогда Франция, так теперь и Германия была любимой дочерью христианской Церкви; как некогда король Франции, так теперь и король Германии был единственным государем, у которого Папа мог попросить помощи. Оттон I, еще не получив императорскую корону из рук понтифика, уже обладал и доблестью, и достоинством императоров прежних времен.

Когда в 957 году умер Лиудольф, Оттон не стал возобновлять военные действия в Италии, понимая, что они потребуют привлечения немалых сил и что пока он не может оставить Германию. Позже, когда ситуация в Германии стабилизировалась и к просьбам беженцев из Италии добавились мольбы Папы, решение о вторжении в Италию было принято.

Папские легаты вновь огласили послание понтифика на собрании, которое прошло в Регенсбурге. В мае следующего года на собрании в Вормсе состоялось обсуждение всех деталей похода и были продуманы необходимые меры в связи с предстоящим отъездом германского короля в Италию.

Поход начался в середине августа 961 года. Армию возглавил Оттон, его сопровождала Аделаида. В собранную в Аугсбурге армию вошел весь цвет светской и духовной знати Германии, а также многие беженцы из Италии.

Эта армия была намного больше, чем та, что отправлялась в путь в 951–952 и 956–957 годах. Сначала Беренгарий и Адальберт решили сопротивляться. Адальберт, который в феврале находился в Тоскане, поехал к отцу в Верону и все еще оставался там в августе, когда Оттон собирался отправиться в поход. Возможно, Адальберт попытался организовать оборону Веронской плотины. Но весьма сомнительно, что ему удалось собрать войско из 60 000 человек, как утверждает хронист, скорее всего, связавший с войском Адальберта численность, которую народная молва приписывала армии Оттона. Попытка сопротивления была тотчас же парализована из-за того, что войско потребовало отречения Беренгария. Вполне возможно, что Беренгарий уже решился на этот шаг, надеясь таким образом сохранить королевство для сына, — ведь в свое время это удалось Гуго. Однако этому решительно воспротивилась Вилла. Солдаты, так и не дождавшиеся его отречения, отказались сражаться, и войско растаяло^[27].

Епископы и графы отправились навстречу Оттону и сопровождали его в Павию, которая отворила ворота без всякого сопротивления. Прежде чем оставить столицу, Беренгарий приказал разрушить королевский дворец. Оттон распорядился его восстановить и заявил, что всем, кто пострадал от злоупотреблений Беренгария и его приспешников, будет возмещен моральный и материальный ущерб. Те, кто лишился своих титулов и должностей, получили их обратно: Вальперт Миланский, Вальдон, епископ Комо, Петр, епископ Новарский, маркграф Отберт и многие другие вернулись к своим прежним обязанностям. На новые почетные должности назначили тех, кто особенно старался достойно встретить нового правителя. Диякон Лиутпранд из Павии, который в своих сочинениях выразил яростную ненависть итальянцев, и свою собственную, к Беренгарию и Вилле, получил епископскую кафедру в Кремоне и стал влиятельным человеком при дворе^[28].

Между тем аббат Аттон из Фульды отправился в Рим, чтобы сообщить о приезде германского короля и заключить все необходимые договоренности насчет его императорской коронации. После Рождества Оттон вместе со свитой поехал из Павии в Рим. Тридцать первого января он добрался до Монте-Марио, 2 февраля он получил императорскую корону,

а Папа — знаменитый документ, известный под названием «*Привилегия Оттона*» (*Privilegium Ottonis*), в котором содержались перечень и подтверждение всех ранее совершенных дарений папству. Согласно этому документу, значительно увеличивалась и территория папских владений.

С политической точки зрения, успех Оттона был оглушительным, но Беренгарий и его приспешники вполне могли нарушить мир и спокойствие в стране. Узнав о коронации, Беренгарий в ярости покинул свое убежище и принялся громить соседние области^[29].

Затем Беренгарий удалился в Сан-Лео, расположенный неподалеку от Сан-Марино, где он скрывался с 951 года. Этот город был очень хорошо укреплен. Вилла сбежала на живописный островок Сан-Джулио на озере Орта, а трое ее сыновей — Адальберт, Гвидо, Конрад-Конан — нашли прибежище у своих друзей: в цитадели Гарда; на острове Комачина; в долине Травалья, к северо-востоку от озера Лугано.

Оттон возобновил военные действия, начав осаду замка на островке, в котором скрывалась Вилла. Он использовал осадные орудия и менее чем за 2 месяца вынудил гарнизон сдаться. К началу августа все было кончено. Оттон предоставил Вилле возможность выбрать, куда она захочет удалиться, и она воспользовалась его великодушием, чтобы воссоединиться с мужем в городе Сан-Лео. Оттон рассчитывал именно на это, так как он хотел, чтобы она дала своему супругу понять, что все его попытки сопротивления обречены на провал.

Островок Сан-Джулио вернули Новарской церкви. А ради одного из доблестных воинов Оттон совершил благородный поступок, вызвавший неподдельное восхищение его новых подданных, для которых проявления великодушия со стороны правителя были в новинку. В обороне замка принимал участие некий Роберт, вассал Беренгария, шваб по происхождению. Оттон начал с ним переговоры и предложил ему щедрую плату за то, чтобы он сдал замок его солдатам. Роберт не польстился на посулы и отверг это предложение. Хотя осада продлилась еще какое-то время, Оттон не затаил на него зла. Более того, после взятия замка он похвалил Роберта за верность и с радостью согласился крестить ребенка, которого во время осады произвела на свет его жена^[30].

Когда осада замка на островке Сан-Джулио завершилась, Оттон отправился в Комо и оставался там примерно 20 дней. Очевидно, он собирался напасть на сыновей Беренгария, но понимал, что ему не хватает людей. Поэтому он вернулся в Павию и стал ждать подкрепления из Германии^[31]. Значительная часть огромного войска, которое он привел с собой из Германии осенью 961 года, уже была распущена.

Тем временем Адальберт, который какое-то время бродил по миру, как разбойник, прибил к сарацинам из Фраксинета и затем поехал на Корсику. Номинально Корсика находилась во владениях маркграфа Тосканского, но на деле одна ее часть была независима, а другая — захвачена сарацинами. Оттуда Адальберт связался с Иоанном XII и римлянами.

Ранее Иоанн XII и римляне поклялись Оттону в том, что не будут предоставлять Беренгарию и Адальберту никакой помощи. Однако Папа был недоволен Оттоном, который, получив императорскую корону, не торопился передавать во владения папского престола обещанные земли, поэтому он с большим интересом воспринял предложение Адальберта и даже выказал готовность к сотрудничеству с ним.

Оттон не доверял ни Иоанну XII, ни римским сеньорам. Он считал, что они не способны выполнять самые высокопарные обещания, и поэтому следил за ними. Узнав о том, что между Папой и Адальбертом установилась довольно тесная связь, которая могла привести к серьезным последствиям, он отправил в Рим проверенных людей с тем, чтобы они попросили у Папы объяснений, одновременно внимательно наблюдая за его действиями. Тогда же он решил начать осаду Сан-Лео, чтобы покончить с Беренгарием.

Из Павии он спустился вдоль по течению реки По на барке к Равенне и 10 мая расположился лагерем в долине Мареккья, близ Сан-Лео.

Как и Сан-Марино, Сан-Лео был настоящим орлиным гнездом, которое почти невозможно было взять штурмом; к тому же Беренгарий наверняка подготовился к

длительной осаде, стянув в город достаточно сил. Оттон был полон решимости вести осаду до победного конца, но защитники осажденного города, уверенные в его неприступности, намеревались обороняться до тех пор, пока переговоры Адальберта с Папой не завершатся восстанием против Оттона и германцев.

В лагере близ Сан-Лео Оттон, окруженный придворными сановниками, занимался повседневными государственными делами. Чиновники, дипломаты, вассалы, епископы, миряне приходили и уходили, среди прочих у Оттона побывали два папских легата, протоскриниарий Лев, один из высших сановников курии, и Деметрий, влиятельный представитель городской аристократии, которая поддерживала Иоанна XII. Они передали Оттону слова Папы, который признал, что его моральный облик оставлял желать лучшего, и обещал исправиться, но вместе с тем обвинил Оттона в том, что тот принял у себя двух его злейших врагов — Льва Веллетрийского и кардинала — диакона Иоанна. Наибольшее возмущение Иоанна XII вызвал тот факт, что Оттон лично принял присягу в верности у жителей тех земель, которые он ранее обещал передать во владение папскому престолу. В свое оправдание Оттон заявил, что сначала он должен был выдворить с этих земель Беренгария. Что же касается Льва и Иоанна, то их взяли под стражу, когда они собирались отправиться в Константинополь, чтобы там организовать против него заговор. Вместе с ними арестовали некоего Залекка, болгарина, выросшего в Венгрии, и епископа Дженцано по имени Дзаккео. При них нашли письма с подписью и печатью понтифика, содержание которых служило прямым доказательством того, что эти люди направлялись в Венгрию, где собирались подстрекать венгров к новому вторжению в Германию.

Чтобы опровергнуть обвинения Папы и доказать свои, Оттон послал в Рим Ландоарда, епископа Миндена, и Лиутпранда Кремонского в сопровождении небольшого отряда солдат. Однако Иоанн XII не внял доводам послов и через восемь дней отправил их назад к Оттону вместе с двумя своими легатами, Иоанном из Нарни и кардиналом — диаконом Бенедиктом. Все участники этих переговоров без конца разъезжали взад и вперед, только чтобы выиграть время. Действительно, прежде чем папские легаты вернулись из Сан-Лео в Рим, Адальберт высадился в портовом городе Чивита-Веккиа, где Папа устроил ему торжественный прием.

О чем говорили Иоанн XII и Адальберт, неизвестно. События последних дней стали весомым подтверждением тому, что итальянцы больше даже слышать не хотели о Беренгарии и его людях. В самом Риме множество людей поддерживало новую политику императора. Оттон обладал таким могуществом и оказывал такое серьезное влияние на умы, что трудно даже предположить, как кто-то мог надеяться на успешный итог борьбы с ним.

Узнав о римских событиях, Оттон еще некоторое время оставался под Сан-Лео, чтобы в разгаре лета не испытать на себе все тяготы климата римской сельской округи. Однако заговорщики не сумели воспользоваться предоставленной им таким образом передышкой. Когда жара немного спала, император выступил на Рим с частью войска, приказав остальным продолжать осаду Сан-Лео. Как только он приблизился к стенам Вечного города, Иоанн XII и Адальберт сбежали, прихватив с собой значительную часть сокровищ из собора св. Петра, и укрылись в Тиволи.

Оттон вошел в Рим и три дня спустя открыл заседание Собора, который сместил Иоанна XII, избрав на его место Льва VIII^[32].

Иоанн XII сбежал в Капую, а Адальберт просто исчез. Эти известия лишили сторонников Беренгария последней надежды на успех, и они прекратили борьбу, сдавая один рубеж за другим. Первой пала цитадель Гарда, которую осаждали войска епископов и графов соседних районов. Чуть позже сдались защитники города Сан-Лео и, наконец, острова Комачина. Остров немедленно передали во владения Вальдону из Комо, который руководил его осадой.

Особенно важным событием стало взятие Сан-Лео, во время которого в плен попали Беренгарий и Вилла. В изгнание в Бамберг их отправили под столь надежным конвоем, что в хрониках того времени нашлось лишь упоминание о смерти короля 6 августа 966 года и о постриге королевы в монахини. Герберта, жена Адальберта, какое-то время укрывалась в

Бургундии у отца, графа Дижона. Сынишку, которого она не смогла забрать с собой, позже благополучно вывез из Италии некий монах. Он скрылся вместе с мальчиком по ту сторону Альп и долгое время напрасно надеялся на возрождение славы его отца. Двух дочерей Беренгария, которые разделили с родителями все тяготы осады, препроводили в Германию к императрице Аделаиде. Одна из них — Гизла — ушла в монастырь, другая — Розала-Сюзанна — в 968 году вышла замуж за Арнульфа, маркграфа Фландрии, а после его смерти стала женой французского короля Роберта. Самая старшая из дочерей — Герберга — уже давно была замужем за маркграфом Алерамом^[33].

Сыновья Беренгария и Виллы не сложили оружия даже тогда, когда их отец и мать попали в плен. После взятия Сан-Лео пошли слухи о том, что Адальберт сбежал на Корсику, но затем его обнаружили в С полете ком маркграфстве, и Оттон поехал туда, чтобы схватить его. Вместо этого в плен попал капеллан императора, которого подвергли бичеванию, отвезли на Корсику и держали там некоторое время в заточении. Этот эпизод второстепенного значения в очередной раз свидетельствует о жестокости и недальновидности Адальберта. Оттон никогда бы не стал оскорблять или пытаться капеллана соперника, а постарался бы добиться его благорасположения и использовать его в своих целях.

Все же у справедливого и великодушного Оттона были враги, а у туповатого и жестокого Адальберта оставались друзья, среди которых, в первую очередь, следует отметить епископа Пьяченцы Сигульфа, а также нескольких графов, чьи имена нам не известны. По-видимому, они располагали достаточными силами и, когда Оттон в январе 965 года вернулся в Германию, решились на восстание.

Император отправил в бой с мятежниками герцога Бурхарда Швабского. Его люди и сохранившие ему верность итальянцы спустились вдоль По на барках и 25 июня высадились в непосредственной близости от вражеского лагеря. Тотчас же началось сражение. Один из сыновей Беренгария, маркграф Гвидо, пал в бою, как и многие его люди. Адальберт и Конрад-Конан спаслись бегством.

Бурхард вернулся на родину с победой и, чтобы сохранить для потомков память об этом достоянном событии, дал обет в Гроссмюнстерском аббатстве в Цюрихе^[34].

Гвидо, епископ Модены и императорский архиканцлер, который перешел на сторону Адальберта и согласился выполнить дипломатическую миссию при дворе Оттона, был арестован и отправлен в изгнание в район славянских поселений. На следующий год, когда Оттон приехал в Италию, Сигульфа из Пьяченцы и основных зачинщиков мятежа также выслали в Саксонию и во Франконию^[35].

После битвы у По Адальберт нашел прибежище в Апеннинах и продолжил плести интриги, стараясь любыми способами навредить врагу и раздувая смуту. Тем не менее он понял, что своими силами не сможет избавить страну от германского владычества, и стал задумываться о могущественном союзнике. Вспомнив, как два столетия тому назад поступил Адальгиз^[23], Адальберт обратился за помощью к византийцам.

Византийцы, которых оскорбило то, что Оттон заявил о возрождении Римской империи, и обеспокоили его очевидные намерения подчинить своей власти Южную Италию, были готовы к союзу с любыми врагами новоявленного императора.

В июле 968 года Лиутпранд Кремонский, отправившийся с дипломатической миссией в Константинополь, увидел там посла Адальберта и сделал для себя вывод о том, что император Никифор собирался поддержать бывшего короля Италии в его противостоянии Оттону, который лишил его власти.

Адальберт сообщил византийцам, что имеет в своем распоряжении примерно восьмитысячное войско и готов вместе с союзниками дать Оттону сражение в Южной Италии. Однако он попросил денег, в которых отчаянно нуждался. Никифор заявил, что даст необходимую сумму, если Адальберт наглядно продемонстрирует ему восемь тысяч воинов на поле боя, а сам отправится в качестве заложника в Бари, передав командование своему брату Конраду-Конану.

Увы, восьмитысячное войско так и не вышло на поле боя. Конрад-Конан договорился с Оттоном, а Адальберт отправился в Бургундию к жене и тестю.

Так закончилась история династии Анскаридов.

Восемьдесят лет тому назад из Бургундии в Италию выехал граф Анскарий, полный честолюбивых намерений. Он стал маркграфом Иврейским, одним из самых могущественных сеньоров Италии. Его сын Адальберт женился на дочери короля и вершил судьбу короны и королевства. Его племянник Беренгарий правил вместе со своим сыном Адальбертом, но им пришлось узнать, как страшно падать с тех высот, на которые они забрались. Усталый и разочарованный Адальберт вернулся на земли своих предков, чтобы через три года умереть в Отене, в полном забвении. Однако последний отпрыск этого рода, маленький Отгон-Вильгельм, стал одним из первых лиц Бургундского герцогства. После смерти Ардуина Иврейского в 1014 году итальянцы чуть не пригласили его править в собственном королевстве^[36].

Но эти события положили конец не только серии приключений Анскаридов. Суровый Адальберт оказался последним героем в истории королей Италии.

Итальянцы сочинили насмешливую песенку (*cantilena*) о нем, о его похождениях, о его былом величии и о его падении:

Ну же, ну же, Адальберт, поднявшийся выше небес,
не знал ты бедности и несчастий, кто ты был и кто ты есть.
Грядет король Оттон, правитель нашего народа,
.....

Тебе, Адальберт, остается убраться в лес, а Оттону — вся
слава и честь.

(*Landulfus. Hist. Mediol.*)^[24]

Хотя итальянцы и сложили эту дерзкую песенку, они, сами того не замечая, восхищались упорством и силой духа Адальберта. Память о его приключениях и странствиях жила еще долго, и в фольклорной традиции его черты сливаются с образом Адальгиза, последнего короля лангобардов, который, так же как и Адальберт, продолжал сражаться, когда все уже было потеряно^[37].

Адальберт — как и Адальгиз — рвался в бой из честолюбия, желая сохранить королевство. За ним пошли те немногие амбициозные неудачники, которые не успели вовремя перейти на сторону противника. Все остальные, обеспечив себе доходные места при новом государе, тихо и мирно приспособились к универсальной концепции средневековой империи.

VIII. ЛЮДИ И ИНСТИТУТЫ

Гвидо, Ламберт и Гуго. — Столица. — Графы дворца и маркграфы. — Советники. — Королевская ассамблея. — Пожалования и привилегии: имущество короны и частные владения. — Королевская администрация. — Войско. — Международные отношения. — Придворная жизнь и культура. — «Бургундцы»: графы, маркграфы, королевские судьи, канцлеры и архиканцлеры, епископы и аббаты. — Заключение.

Самыми яркими личностями из всех королей и императоров, которые оказывались на итальянском престоле, без сомнения, можно назвать Гвидо, Ламберта и Гуго. В своем правлении они руководствовались собственными амбициями, но их действия не были продиктованы малодушными или мелочными мотивами. Восприняв традиции лучших монархов из династии Каролингов, они решали поставленные проблемы в духе своего времени и с одобрения окружавших их сторонников.

На долю Гвидо и Ламберта выпали слишком недолгие и бурные годы правления, поэтому они не успели насладиться плодами своей государственной деятельности. Гвидо

оставался на троне пять лет, Ламберт не правил и двух. Получить ощутимые результаты удалось только Гуго. Он понимал, что обладание королевским титулом сопряжено с огромной ответственностью, и поэтому использовал любые возможности для установления прочих дипломатических отношений с соседними странами и поддерживал их в соответствии с принципом равенства. Он ощущал необходимость контроля над феодальной иерархией и ее жесткого подчинения королевской власти. Он чувствовал, что нужно поддерживать государственные институты и бороться с расхищением государственного имущества и посягательствами на права короны. Для решения этих задач Гуго использовал все средства и всех людей, которые оказывались в его распоряжении.

В какой-то момент, с 940 по 942 год, он как будто бы справился со всеми трудностями, которые не смогли преодолеть его предшественники: была проведена реформа государственного устройства, была налажена работа аппарата управления, центром которого вновь стал королевский дворец, поднятый из руин. В стране установился порядок. Вся лангобардская Италия подчинялась его власти. Гуго лично осуществлял руководство страной с севера Апеннин и передал часть полномочий своему сыну Губерту, который обосновался на юге. Многие из тех, кто организовывал против короля заговоры и сражался на стороне Беренгария, Людовика, Рудольфа, уже умерли или уступили свои места другим людям. Новое политическое окружение, менее беспокойное и ожесточенное, было не слишком расположено к политическим авантюрам.

Место на троне с Гуго делил стоявший на пороге совершеннолетия Лотарь, которого все признавали его будущим наследником. Рим отказал Гуго в императорском титуле, но Византийская империя — самая могущественная военная и политическая держава того времени — оказала королю поддержку в борьбе с сарацинами. Византийцы просили у Гуго дочь, чтобы сделать ее императрицей.

Пришлось бы обратиться к эпохе Людовика II в поисках времени, когда государство наслаждалось такой же стабильностью во внутренней политике и пользовалось таким же авторитетом на международной арене. Но как раз тогда, когда Гуго уже практически добился поставленной цели, его политический режим пошатнулся.

Беренгарий сбежал за границу и заявил о своих намерениях вернуться в Италию, чтобы освободить ее от «тирании»: этого оказалось достаточно, чтобы все рухнуло.

Светские феодалы и представители духовенства ничуть не изменились, хотя вот уже 20 лет не проявляли никакого волнения. При этом они не могли простить королю суровости в проявлении королевских полномочий, жесткого управления, несогласия с их многочисленными прерогативами и возмущением могуществом. Верными королю не остались и *горожане* (*cives*). Они никогда не теряли права участвовать в управлении *государством* (*civitas*), доблестно откликнулись на призыв сразиться с венграми¹, но тоже затаили злобу на Гуго и чего-то ждали от Беренгария. Не иначе, они надеялись, что он вернет им исконные права: свободу собраний, возможность участвовать в выборах и утверждении епископа, — а также облегчит налоговое бремя. Но Беренгарий смог удержаться на плаву лишь потому, что использовал позаимствованные у Гуго методы правления. В свою очередь их с успехом применил Оттон Саксонский.

Со времен Карла Великого королевская администрация находилась во *дворце* (*palatium*) в Павии, и руководство в ней осуществляли *граф дворца* (*cornes palatii*) и *камерарий* (*camerarius*). Восстановление королевского дворца, пострадавшего во время пожара 924 года, сопровождалось переустройством административных служб. Королевская палата, дворцовый суд возобновили свою работу, и Павия действительно превратилась в *столицу королевства* (*caput regni*)².

¹ 1. G. Fasoli. *Op. cit.* P. 216.

² 2. D.B.I., XXXV.

Город, который в 928 году венгры предали огню, был восстановлен в начале правления Гуго. Его обнесли новой, более широкой крепостной стеной. Епископы и аббаты крупных монастырей, которые часто приезжали в столицу по своим делам, строили и перестраивали свои *celle, curtes* — церкви, посвященные святому покровителю, резиденции, где епископ или аббат останавливались в столице. *Celle* и *curtes* получали название от резиденции епископа или аббата, который построил их — церковь святого Амвросия, церковь Евсевия *de curte Vercellina* и т. д. Таким образом, в какой-то мере столичные строения являлись символическим отображением государства³.

Самым высокопоставленным сановником в Итальянском королевстве был граф дворца, но со времен первых королей сохранилось очень мало имен людей, которые занимали эту должность. До нас дошли сведения только об одном графе дворца — о графе Манфреде Миланском, который сохранил свою должность и при Гвидо, и при Арнульфе (в 894 г.). После того как он заплатил жизнью за свою вторую измену в 895–896 годах, при Ламберте, графом дворца стал Ансельм. При Беренгарии I эту должность занимали Сигифред и Олдерих, и оба плохо кончили. От двух периодов пребывания у власти Людовика Прованского сохранилось упоминание об одном графе дворца, уже упомянутом Сигифреде, а имена людей, занимавших этот пост при Рудольфе, не сохранились.

Длинный и, возможно, полный список людей, занимавших должность графа дворца, сохранился со времен правления Гуго и Лотаря: Гильберт, Сансон, Сарилон, Губерт, Ланфранк. Однако с приходом к власти Беренгария II список вновь прерывается. Общеизвестным фактом является то, что в основные обязанности графа дворца входило руководство королевским трибуналом, который управлял судебными органами всего государства, контролировал суды на местах, осуществлял высшее руководство над дворцовой правовой палатой, назначал судей и писцов, защитников (*advocati*)^[25] церковью и монастырей, опекунов вдовам и сиротам. Он исполнял свои обязанности в королевском дворце в Павии или же ездил по стране в сопровождении королевских судей и писцов.

В королевствах каролингской и посткаролингской эпохи графы дворца, помимо всего остального, выполняли важные руководящие функции управления государством, но вряд ли Гуго, столь недоверчивый и осторожный, предоставил бы своим графам дворца свободу действий⁴.

Гораздо большей свободой и автономией пользовались маркграфы, находившиеся вдали от столицы и от королевского надзора. Этой автономией не пользовались только те, кто передавал маркграфство по наследству от отца к сыну, считая ее независимым княжеством. Заметим, например, что уже в самом начале правления Гуго Вьеннского Винкерий, маркграф Истрийский, стал главным действующим лицом весьма показательного эпизода. В 933 году венецианцы совершили на территории, подпадавшей под его юрисдикцию, проступок, который, по его мнению, ущемлял его права как правителя. Принятые Винкерием по этому поводу меры шли вразрез с привилегиями, которые Гуго предоставил венецианцам в 927 году: конфискация имущества у венецианцев и у патриарха Градо, а также у епископов Торчелло и Оливоло, вовлеченных в это дело, захват кораблей, налоговый произвол и даже убийства — все это закончилось тем, что венецианский дож запретил жителям Венеции торговать с Истрией. Эта мера повлекла за собой столь серьезные последствия, что маркграф Винкерий обратился к посредничеству патриарха Градо для заключения мира.

³ 3. Robolini. *Notizie appartenenti alla storia della sua patria*. Pavia, 1823, II, 173; *D.U.Lo.*., XXXIX, LXXX; Solmi. *Op. cit.* P. 51.

⁴ 4. См. *Diplomi dei re d'Italia*, indice ad nomen; P. Vaccari. *Profilo storico di Pavia*. Pavia, 1932.

Патриарх поехал в Венецию и провел с дожем Петром II Кандиани переговоры, в результате которых в Венецию отправился сам маркграф Винкерий в сопровождении епископов Иоанна из Полы и Фирмина из Читтановы, а также многочисленных представителей истрийских городов. Они признали свои ошибки, пообещали от имени епископов и населения разных городов Истрии соблюдать имущественные права патриарха, епископов Торчелло и Оливоло, выплатить все старинные долги истрийцев венецианцам, поддерживать пошлыны и налоги в установленных рамках, не чинить никаких препятствий морским перевозкам. Кроме того, они обязались «в случае, если король прикажет совершить против венецианцев какое-нибудь зло», сразу же предупредить венецианских купцов, чтобы они могли невредимыми вернуться на родину. Это последнее обещание достаточно сложно сочетать с обязательством неукоснительно выполнять королевские приказы. Процесс переговоров свидетельствует о том, что маркграф мог общаться с иностранными властями и заключать с ними договоры без ведома короля. Однако нужно учитывать, что Гуго намеревался урезать эту автономию и сосредоточить в собственных руках руководство всеми государственными делами⁵.

Лишь немногие во время правления Гуго — и его предшественников — удостоились высокого звания *советника* (*consiliarius*). Гвидо пожаловал это звание Манфреду, графу Миланскому, маркграфу Анскарию, епископу Гвибоду, графу Ливульф. Ламберт удостоил этой чести только двоих: графа Радальда и графа Абруццо Аццо. Напротив, Беренгарий значительно увеличил количество советников: в их ряды попали Вальфред, граф Веронский, Эгилульф, епископ Мантуанский, некий Рестальд, маркиз Анскарий и граф Сигифред, епископ Виченцы Виталий и граф Веронский Ансельм, маркграф Ольдери, граф дворца, граф Гримальд, граф Гунтарий. При Людовике III в числе советников значились граф Валансьена Адалельм, епископ Комо Лиутард, граф дворца Сигифред, маркграф Иврейский Адалберт. При Рудольфе звания советника удостоились архиепископ Миланский Ламберт, епископ Пьяченцы Гвидо, епископ Тортоны Беато, Эрменгарда Иврейская, маркграф Бонифаций. Гуго пожаловал это звание Адалберту, епископу Бергамо, Нотхерию, епископу Вероны, Сигифреду, епископу Пармы, графу Сансону, архиепископу Хильдуину, епископу Пьяченцы Гвидо. Однако нет никаких указаний на то, что эти советники заседали в каком бы то ни было королевском совете. Более того, создается впечатление, что звание советника присваивалось случайным образом и не подразумевало под собой никаких точных полномочий. А вот *тайные советники* (*auricularius*) имели достаточно четкие обязанности. Этого звания при Беренгари I удостоились епископ Брешии Ардинг, епископ Пьяченцы Гвидо, а также епископ Пармы Айкард⁶.

В отличие от королевского совета, оживленную и активную деятельность развивала королевская ассамблея. Ее традиции складывались веками, и ее участники оказывали сопротивление и навязывали свои условия не одному королю и не одному императору⁷.

Согласно правовым нормам, состав ассамблеи не должен был измениться со времен последних Каролингов, но от бесконечного числа собраний, проведенных ею при итальянских королях, не сохранилось ни одного протокола, ни одного списка участников. В ассамблеях должны были принимать участие архиепископы, епископы, аббаты, маркграфы, графы, королевские вассалы, королевские судьи со всех районов государства, но на деле, скорее всего, постоянно в заседаниях участвовали не все жители территории к югу от

⁵ 5. Romanin. *Storia doc. di Venezia*, I, 367; *Fontes Rer. austr.*, XII, 10, n. 11.

⁶ 6. См. *Diplomi dei re d'Italia*, indice ad nomen.

⁷ 7. См. Morossi. *Op. cit. passim*.

Апеннин и далеко не всегда.

Со стародавних лангобардских времен прерогативой созыва ассамблеи пользовался сам король, исключая периоды междоусобия, когда ассамблею, на которой должно было произойти избрание нового короля, собирал самый старый из герцогов или герцог Павии. В эпоху франков законный наследник усопшего короля, который на деле сразу же перенимал власть от отца, сам созывал ассамблею, где утверждалось его наследственное право. С 888 года ассамблея не раз собиралась для избрания короля, и можно предположить, что ее созывал самый влиятельный представитель правящей группировки, приглашая ее участников утвердить избрание короля, пришедшего к власти силой, — как Гвидо, или назначенного во время предварительно проводившихся переговоров — как Людовик, Рудольф, Гуго. На этом основывалось предубеждение о присущей ассамблее свободе собраний и ее независимости от королевской воли. С таким положением вещей покончил Гуго, сославшись на старинную королевскую прерогативу, однако эти решительные меры удалась ему не вполне, поскольку ассамблея 945 года была проведена, разумеется, отнюдь не по его инициативе.

Ассамблея должна была рассматривать проблемы «спокойствия в государстве и процветания христианской веры» (*de regni stabilitate et christianae religionis augmentum*)⁸, но в эту формулировку входили самые разнообразные вопросы внутренней и внешней политики. Ассамблею, на которой должны были решаться внутригосударственные проблемы, обычно созывали в Павии, но иногда, в силу каких-либо обстоятельств, — в ином месте. Проблемы, связанные с отношениями Итальянского королевства с империей и папским престолом, обсуждались на более торжественных собраниях, которые проводились в Равенне, старинном имперском городе.

В эпоху правления Каролингов одной из важнейших функций ассамблеи было законотворчество. Во время существования независимого государства ассамблея уделяла все меньше и меньше внимания этой стороне государственной деятельности. До нас дошли сведения лишь о двух капитуляциях: одном — со времен правления Гвидо, другом — со времен правления Ламберта. Со времен правления Беренгария I, Людовика III, Рудольфа II, Гуго, Беренгария II не сохранилось ни законов, ни декретов.

Руководство внешней политикой, по всей видимости, никогда не входило в компетенцию итальянской ассамблеи, в отличие от ассамблеи франков или германцев. Впрочем, это не исключает возможности того, что на заседаниях магнаты выражали свое согласие или недовольство по поводу заключения союзов, мирных договоров или начала военных действий. В том, что король должен был выслушать мнение аристократии, прежде чем принять или отклонить предложение о союзничестве, а также о связанных с ним политических или военных преимуществах, нет никаких сомнений. Об этом свидетельствует, например, то, что в 935 году послы византийского императора Романа Лакапина пожаловали щедрые дары шести епископам и семи графам, которых они считали особенно влиятельными, чтобы заручиться поддержкой Гуго в военных действиях против лангобардских князей в византийской Италии⁹.

Участники ассамблеи рассматривали в первую очередь вопросы из области внутренней политики: например, в 901 и в 928 годах главной темой дискуссии были последствия набегов венгров; в 929 году интерес собравшихся был прикован к хищениям, которым подвергся монастырь Боббио; в 945 году на повестке дня стояло обращение каноников из Верчелли к королю¹⁰. Однако, изыскивая темы, которые могли стать предметом обсуждения на

⁸ 8. *D.U.*., XI, 12 февраля 938 г.

⁹ 9. *Const. Porph. De administr. imp.*., c. 26. Ed. Migne // *Patr. Gr.*., CXII, col. 1226: к сожалению, Константин не упомянул имена шести епископов и семи графов, которых византийские дипломаты считали столь влиятельными.

¹⁰ 10. *D.U.L.*., XI; *Mirac. S. Columb. Op.* . cit., cc. XX–XXI; *D.U.Lo.*., LXXXI.

королевской ассамблее, следует вспомнить о ее, хотя и косвенной, связи с городскими собраниями. Хотя о порядке проведения городских собраний нам известно довольно мало, можно все же отметить, что на них должны были выступать или хотя бы присутствовать епископы, графы, королевские судьи и чиновники, после чего им неминуемо следовало донести до королевской ассамблеи мнения и пожелания горожан¹¹.

Подобно Каролингам, короли Италии порой совмещали заседания королевского трибунала и королевской ассамблеи для рассмотрения особенно важных дел, но, по всей видимости, в компетенцию ассамблеи не входил контроль над финансовой администрацией государства. В конце IX — начале X века ассамблея чаще всего выполняла функцию органа, избравшего короля.

Короли, наследовавшие власть в государстве, вступали на трон по решению ассамблеи; но впоследствии ассамблея, собиравшаяся в другом и, возможно, неполном составе, могла лишить их власти (временно или навсегда) и избрать нового короля.

После избрания Беренгария в 887–888 годах ассамблея принимала решение об избрании Гвидо в 889-м, Людовика в 900-м, Рудольфа в 922 году. Впоследствии ассамблея признала недействительным избрание Рудольфа, одобрив кандидатуру Гуго. В 931 году — простая формальность — был избран юный Лотарь, чье право на правление впоследствии, в 945 году, подтвердила та самая ассамблея, которая была готова противопоставить ему Беренгария II, избранного позже, в 950 году.

Избирательное право являлось непреходящей угрозой для стабильности власти, и если ассамблея всячески подчеркивала его значимость, то король его опасался. В данном случае чрезмерная сговорчивость и необдуманная неуступчивость таили в себе одинаковую опасность. Гвидо попытался применить силу, но нажил себе множество врагов, которые поддерживали Арнульфа Германского. Беренгарий II не отличался такой же предприимчивостью, как его первый противник, и находился в постоянном страхе от того, что количество противников может увеличиться. Он попробовал добиться популярности за счет щедрости и снисходительности, но не преуспел в этой затее и поплатился за нее жизнью. Гуго сначала вел себя очень осторожно, но затем сменил тактику. Лиутпранд отмечал, что «ненавистный король Гуго подчинил своей суровой власти всех италиков». А гораздо позже Арнульф вспоминал, как Гуго «ужасающе надменно себя вел, забыв, что сказано: „государем тебя сделали, не возносись; будь между другими как один из них, но не пытайся стать выше, чем наивысшим из них“, и стал для всех невыносимым»¹². Гуго удалось продержаться у власти 21 год не потому, что он усмирил крупных феодалов и подчинил своей воле ассамблею. Он вовремя, тем или иным способом, избавлялся от заговорщиков и соперников. От его взора ускользнул лишь Беренгарий, и на этом правлении Гуго пришел конец.

Для того чтобы сохранить благорасположение магнатов, правители во многих случаях не жалели для них даров, уступок и привилегий. Гвидо и вслед за ним Ламберт следовали этой тактике с особой осмотрительностью, очевидно, не желая опустошать казну и способствовать чрезмерному росту благополучия своих подданных, и без того излишне могущественных. Епископы, которые сыграли роль первостепенной важности в избрании Гвидо и поддерживали его правление, также получили весьма скромные дары. Самый крупный дар от короны получил в 889 году Зенобий из Фьезоле: поместье и «леса». Другим пришлось довольствоваться меньшим — несколькими церквушками и подтверждениями

¹¹ 11. C. Mengozzi. *La città italiana nel M.E.* Firenze, 1926. P. 257. Об участии графа и епископа в городском собрании см. документ конца IX в., опубликованный в *Antichità longobardo-milanesi*, I, 242.

¹² 12. Liutpr., V, 27; Amulphi. *Gesta Epist. mediol.*, c. 3.

прав на то, что у них уже было. Сведения об уступках епископу Модены, сделанных в 891 году, выделяются на общем фоне, однако существует свидетельство о том, что в 898 году граф Модены был жив¹³. Кроме того, Ламберт на той самой ассамблее в Равенне, где восстановились его отношения с папством, принял необходимые меры предосторожности для того, чтобы епископы, приобретая государственное имущество, не наносили чрезмерного вреда королевскому фиску.

В отличие от Гвидо и Ламберта, Беренгарий I продемонстрировал неслыханную щедрость. Сначала он уступил епископу Мантуи всю прибыль от налогов с города и порта, а также от налогов на продажу продуктов во всем графстве и доход от чеканки монеты. Став единоличным правителем, он сперва ограничился подтверждением всех уступок Гвидо и Ламберта и предоставлением налоговых льгот. Позже, узнав об условиях существования города Бергамо под игом собственных графов и под угрозой нападения венгров, он передал епископу права графа, включая право сбора налогов. Впрочем, это была временная мера, поскольку и через несколько лет в этой местности оставались графы: сначала Суппон, а затем Гильберт, глава старой династии.

Епископ Тревизо, в распоряжении которого уже находилась треть прибыли от налогов с города и порта, а также треть доходов от чеканки монеты, получил от Беренгария и остальные две трети. Епископ Кремоны был освобожден как от выплаты налогов, которые казна должна была получать с города и в его округе на протяжении трех миль, так и от подчинения королевским чиновникам. Таким образом, Кремона полностью переходила в распоряжение епископа, которому оставалось лишь получить титул графа¹⁴.

Гуго положил начало существованию в государстве правовой и налоговой базы, с помощью которой ему, по крайней мере, отчасти удалось добиться поставленной цели. Эта система просуществовала на протяжении всей эпохи Оттонов.

Поднявшись на трон, новый король вступил во владение тем имуществом короны, которое пощадила расточительность его предшественников. Бессмысленно пытаться анализировать общий состав этого имущества, поскольку в сохранившихся документах упоминаются лишь отдельные владения и блага, которые доставались от короны новому владельцу¹⁵.

Гуго был первым — и единственным — среди этих королей, кто различал свое личное имущество и достояние короны. Народная молва приписывала ему обладание несметным богатством: приехав в Италию, он сохранил свои вотчинные владения в Провансе. Хотя впоследствии он передал значительную часть своего имущества церквям, монастырям, родственникам в Провансе, та часть его владений, которую он передал по завещанию племяннице Берте, составляла более двадцати вилл.

В новом королевстве Гуго накопил не менее значительные владения вкупе с имуществом, которое он унаследовал от матери, Берты Тосканской, и конфисковал у Ламберта и Бозона¹⁶.

¹³ 13. *D.G.*., XI; *B. I. s. I.*, n. 36. P. 40.

¹⁴ 14. *D.B.I.*., XII, XLVII, LII, CXII.

¹⁵ 15. См.: P. Darmstaedter. *Das Reichsgut in des Lombardei und Piemont*. Strassburg, 1896; F. Schneider. *Die Reichsverwaltung in Toscana*. Roma, 1914; F. Schrod. *Reichsstrassen und Reichsverwaltung in Konigreich Italiens*. Stuttgart, 1931.

¹⁶ 16. Например, Odilonis. *Epitaph. Adel*. P. 638: «...Гуго, богатейший король италиков...» («...*Hugonis ditissimi regis Italici...*»). Vaissette. *Histoire g#233;n#233;rale du Languedoc*, V, doc., XCII: см. Manteyer. *Op. cit.* P. 154, n. 3: его виллы находились в графствах Фрежюс, Рие, Га, Везон, Апт, Оранж, Труа Шато, Дье. Свидетельства о личном имуществе Гуго предоставляют *D.U.Lo.*., nn. XXXVII, LVI, LXIV, LXXIII, LXXVIII, LXXXII; *D. L.*, III, VIII, XIV. Об имуществе, унаследованном от Берты Тосканской, см. *D.U.Lo.*., XXXI, XXXII, XXXIII, XLI, XLIX. См. Schiaparelli, *B.I.S.I.* 34. P. 181. Эпизод о дорогом поясе Бозона, который безуспешно

Личным имуществом, как и достоянием короны, судя по всему, распоряжался *камерарий* (*camerarius*), ставший одной из главных фигур в государстве. Помимо управления имущественной базой он взыскивал прямые и косвенные налоги, взимал денежные штрафы и те подати, которые впоследствии стали называть оброком, а также следил за расходами двора и государства.

Неспроста единственные дошедшие до нас имена камерариев восходят ко временам правления Гуго: эту должность занимал Иоанн в 942-м, Гуго в 947 году, Гизульф, который появился в администрации при Гуго и Лотаре и сохранил должность при Беренгарию II и Оттоне I. Неизвестно, сколько времени это место занимал некий Кельзо, упомянутый в документе от 988 года (где речь шла о его вдове и детях), поскольку должность Гизульфа унаследовал его сын Айральд¹⁷.

Личное имущество и достояние короны, как правило, различались и в делах упоминались с использованием двух формулировок: «имущество в нашем праве» (*res iuris nostri*) в первом случае и «имущество в праве нашего королевства» (*res iuris regni nostri*) во втором. При Гуго имущество раздаривалось гораздо реже, чем при Беренгарию. Реже и в гораздо меньших размерах жаловали налоговые льготы. О передаче королевского имущества упоминается примерно в 65 из 180 грамот, которые Беренгарию как король и император издал за 30 лет правления, и лишь в 17 из 83 грамот Гуго и Лотаря. Предоставлению налоговых льгот посвящено 23,5 % грамот Беренгария, и только 6,2 % — Гуго. В то время как Беренгарию, не считая мелких даров, передал во владение другим пятнадцать поместий из достояния короны, Гуго отдал лишь три поместья из государственного имущества и шесть — из своего личного. Немногочисленные пожалования налоговых льгот были к тому же весьма незначительными: налоги с долины Агреддо, освобождение от государственных повинностей владений церковью Борго Сан-Доннино и св. Марии Пармской, временное пожалование порта на р. Тичино, уступка судебных прав и налоговых льгот одному графу над его поместьем. Гуго не мог отказать некоторым епископам в подтверждении привилегий, которые они получили от первых королей Италии, подтвердил или вновь пожаловал налоговый иммунитет и *mundiburd*^[26] многим монастырям, но избегал предоставлять епископам временные права на владение городами. Лишь ближе к концу своего правления он решился передать каноникам Комо доходы от моста и плотин Кьявенны. Немного позднее Гуго уступил церкви в Реджо земли из имущества короны на три мили от городских стен вместе со всеми доходами от сбора налогов, но не препоручая горожан «власти и защите епископа» (*sub potestate et defensione episcopi*) и не давая указания о том, «чтобы никто из государственных или королевских людей в городских стенах... не претендовал ни на власть, ни на таможенные или портовые пошлины», как это сделал Беренгарию в Кремоне и Бергамо. Гуго шел на уступки очень неохотно и делал это лишь тогда, когда в преддверии возвращения Беренгария чувствовал необходимость подкрепить верность своих вассалов¹⁸.

Вполне логично, что сокращение отчуждаемого короной имущества сочеталось с методичным восстановлением старинных прав и привилегий государственного аппарата. Этот процесс сопровождался планомерным и скрупулезным выявлением всех податей и налогов, которые должны были поступать в королевскую казну, составлением соответствующих описей, служивших основой для деятельности камерариев и их помощников. Заметим в скобках, что эти инвентарии послужили одним из источников для составления знаменитого «Прав города Павии» (*Honorantie civitatis Papie*), по которым можно в общих чертах восстановить таможенную систему государства и схему организации

пыталась спрятать его жена, говорит о том, что Гуго прибрал к рукам имущество брата (Liutpr., IV, 12).

¹⁷ 17. *D.U.Lo.* ., LXI, D. L., V, Solmi, *L'amministr.* ., cit., § 20 e App. II.

¹⁸ 18. *D.U.Lo.* ., VI, XV, LIII, XLIV, LXIII.

ремесла и торговли Северной Италии с IX по XI век.

«*Право города Павии*» является свидетельством тому, что золото в королевскую казну поступало не из частных или государственных земельных владений, а в виде денежных штрафов, податей, таможенных пошлин и всех тех прямых и косвенных налогов, которые в любые времена изобретала и приумножала фантазия правителей.

Впрочем, не нужно забывать о том, что период правления королей Италии совпал со временем крупнейших набегов венгров. Это был период катастрофического упадка в экономике, когда были использованы все накопленные за мирную каролингскую эпоху резервы. Северная Италия лежала в руинах. Это было время глубокого социального и политического переустройства, результат которого сказался в недалеком будущем.

Противостояние набегам венгров должно было стать (но не стало) основным направлением военной политики итальянских королей, которые ограничились сражениями друг с другом, и, говоря откровенно, сражались они без особого ожесточения. Неизвестно, существовала ли во времена Гвидо, а затем Рудольфа, Гуго и Беренгария II должность «графа войска» (*comes militiae*), упомянутая в документах первых лет правления Беренгария. Впрочем, какие обязанности должен был выполнять занимавший эту должность человек, также неизвестно¹⁹.

Предполагают, что Беренгарий собрал для отпора венграм армию в 15 000 воинов, однако почерпнуть сведения о численности отрядов, принимавших участие в сражениях в Брешии, в Треббии, во Фьоренцуоле, неоткуда. Нет возможности составить хоть какое-нибудь представление о составе войск, с которыми Гуго отправлялся в походы на Рим, противостоял Арнульфу в битве при Буссоленго, бился с сарацинами под Фраксинетом. Известно лишь то, что он прибегал к услугам бургундских наемников, но сколько их было, сказать тоже нельзя. Завеса тайны покрывает и войско, с которым Адальберт пытался прорваться через Веронскую плотину в 962-м и сражался на р. По в 966 году. Иными словами, военную историю Итальянского королевства нельзя назвать особо выдающейся.

История международных отношений, в которые вступали итальянские короли, — намного интереснее, чем военная история. Беренгарий I ограничился выяснением отношений с Арнульфом Каринтийским, о чем мы уже говорили. Гвидо лишь поддерживал связь с Фульком Реймским во Франции, а о Рудольфе II сказать практически нечего. Правда, Гуго уделял повышенное внимание связям с соседними государствами, постепенно выходя из периода изоляции, последовавшего за распадом империи Каролингов.

Письма, в которых Гуго сообщал своим «коллегам» о своем вступлении на трон Итальянского королевства, дали бы историкам весьма интересный материал. Поэтому остается лишь горько сожалеть о том, что Лиутпранд, которому Гуго поручил отвезти эти письма, весьма детально описал дары, переданные в Византию его отцом, но даже не намекнул на содержание самих писем²⁰.

В начале своего правления Гуго был занят в первую очередь налаживанием отношений с Иоанном X. Папа был самой серьезной политической фигурой на Апеннинском полуострове, в чем Гвидо и Ламберт убедились на собственном горьком опыте. Благодаря своим дружественным отношениям с Иоанном X Беренгарий получил императорскую корону. Гуго собирался пойти по такому же пути и приложил все усилия для достижения этой цели. Он регулярно проводил переговоры с Иоанном X, сочетался браком с Мароцией, сражался и заключал перемирия с Альберихом, но так и не преуспел в своих начинаниях.

Императорский титул на протяжении вот уже 125 лет был неразрывно связан с короной

¹⁹ 19. *D.B.I.*., XIII.

²⁰ 20. *Liutpr.*, VI, 22–24.

Италии. Не претендуя на него, Гуго, как и все его современники, отказал бы себе в самой главной прерогативе. Но для Альбериха появление нового императора было бы катастрофой: оно положило бы конец образу правления, который облек властью и славой самого Альбериха и принес мир и спокойствие в Рим. Столкновение двух этих позиций привело к состоянию непрекращающейся войны. Удивительно, но такой ловкий и циничный политик, как Гуго, не догадался, что вырванная силой императорская корона не принесет ему и доли того престижа, который дало бы ему свободное и обдуманное волеизъявление понтифика. В данном случае история показывает нам один из примеров того, как ловкие и циничные люди выбирают неверный путь и упорно идут по нему до конца, вопреки всем и всему.

Альберих с подчеркнутым уважением относился к религиозной независимости понтификов, оставляя за собой право принятия любых решений в области политики. Было бы весьма любопытно узнать, какие отношения связывали Гуго и Пап, которые находились на престоле во время его длительного конфликта с Альберихом. Мирный договор 936 года был заключен после вмешательства Папы Льва VII, при посредничестве аббата Эда из Ключи; по ходатайству Гуго и Лотаря Лев VII пожаловал Эду две значительные привилегии. Также неизвестно, какую позицию по отношению к королю занимали трое Пап: Стефан VIII, наблюдавший появление Гуго в Риме и его отъезд оттуда в 941 году; Марин II, чей период правления совпал с возобновлением мирных переговоров Эдом из Ключи, и Агапит II, ставший очевидцем заключения мирного договора, который более никогда не был расторгнут, поскольку Гуго вскоре умер.

Столь же важными для Италии были отношения с Византией, которые Гуго начал налаживать, как только вошел на трон, и в дальнейшем тщательно поддерживал. Следуя по проложенному Гуго пути, Беренгарий II и Адальберт сохраняли связь с Византией и старались заручиться ее поддержкой.

Гуго возобновил отношения и с Германией, желая положить конец любым походам германцев на полуостров, а Беренгарий понял, что совершил серьезный промах, подчинившись германскому королю, когда было уже слишком поздно. Гуго, как во внутренней, так и во внешней политике всегда больше полагался на искусство переговоров — и интриг, — чем на силу оружия. Но если вспомнить, какими способами он разрешал свои противоречия с королями Раулем и Рудольфом, улаживал разногласия с сарацинами и венграми, с Ламбертом Тосканским и Анскарием Иврейским, станет очевидным, что на дипломатическую деятельность Гуго наложили отпечаток две присущие ему черты, отмеченные Лиутпрандом: он был умен и предприимчив. В то же время ему были присущи и отличительные черты той эпохи: непостоянство и коварство.

Разумеется, нам хотелось бы узнать как можно больше о придворной жизни, о королевском дворце, о королевских виллах; однако никто и ничего нам о них не рассказывает.

Известно, что во времена Беренгария I была богато обставлена королевская часовня, что он осыпал церкви щедрыми дарами и ими же чествовал Папу в день своей коронации. Мы знаем, кто был его врачом, что среди дворцовой прислуги были «постельничьи, слуги для гостей, хранители павлинов и другой живности» (*cubicularii, hostiarii, pavonarii, altilium custodes*)²¹. О Гуго мы знаем, что среди его прислуги было несколько провансальцев, приехавших из его доменов, что он любил пение и музицирование своих пажей, что однажды в молодости он обменял одно из своих земельных владений на шитую золотом мантию²². Листая книги по истории искусства, можно заметить, сколь малое количество предметов и памятников IX–X веков без указания даты создания или имени владельца ученые

²¹ 21. Н.Р.М., XIII, 340; Drei. *Carte Parmensi*. Op. cit. doc. IX; *Gesta Berengarii*, IV, 193; Liutpr., II, 57. Врачом был Иоанн Аццо, настоятель монастыря св. Кристины Олонской, *D.B.*, XXIII.

²² 22. *D.U.Lo.*, XXXIV; Cart. S. André-le-Bas, cit.; Liutpr. IV, 1.

осмеливаются точно датировать. Никто и никогда не сможет сказать, представлял ли перестроенный королевский дворец в Павии художественную ценность.

Жизнь королевского семейства во дворце протекала по правилам, установленным королевой, как сообщает «*Право города Павии*»²³. По всей видимости, жизнь при дворе если и была жестко регламентирована церемониальными нормами — в чем мы сомневаемся, поскольку короли и императоры слишком часто сменяли друг друга и не успевали создавать устойчивую традицию, — все же рознилась, поскольку у власти оказывались женщины совершенно разного нрава и темперамента: властная Агелтруда, несдержанная Бертилла, простоватая Анна; оскорбленные и брошенные мужем Альда и Берта, мудрая и добродетельная Аделаида, жадная и жестокая Вилла. Однако никакие подробности о праздниках, обычаях, развлечениях до нас не дошли. Единственный известный факт состоит в том, что в 950 году Аделаида повела за собой всех жителей Павии навстречу процессии, которая несла в город мощи святых Синезия и Теопомпа. Надеялись, что эти святые прекратят эпидемию чумы. Королева принесла в дар святым два «покрова» (*coopertoria*): один — из расшитой золотом ткани, другой — с восхитительной вышивкой²⁴.

Мы можем воображать королей, королев и магнатов королевства в их украшенных золотом и вышивками одеждах, которые могли стоять самостоятельно — «одежды, от золота и украшений жесткие» (*vestes signis auroque rigentes*), сообщается в «Деяниях Беренгария» (*Gesta Berengarii*, IV, 195) — и были усыпаны драгоценностями. Мы можем рисовать в своем воображении кровати с инкрустациями, шитые покрывала, ценную посуду, представлять себе религиозные церемонии, в которых участвовали наши герои, официальные приемы, ассамблеи, пиры, на которых подавали изысканную еду из всех стран мира и изумительные напитки старинной выдержки. Но нет ничего, что могло бы вдохнуть жизнь в это молчаливое великолепие.

Лиутпранд утверждает, что Гуго «снисходил до нужд бедняков и очень беспокоился о церквах». То же можно сказать и о его предшественниках: проводить некоторые благотворительные мероприятия, например, раздавать еду и одежду беднякам, государям приходилось в силу своего положения. Однако Лиутпранд добавляет, что Гуго «не только с любовью относился к церковным мужам и философам, но и весьма чтит их». Как его покровительство людям науки выражалось на деле, нам неизвестно. Впрочем, те образованные люди, которых Оттон хотел переманить в Германию вместе с бесценными книгами, сложились как ученые во времена правления Гуго. Не следует забывать, что именно при дворе Гуго воспитывалась Аделаида, которая была не только набожна, но и образованна.

Беренгарий II тоже собирался дать образование своим дочерям. Хотя он и выбрал неудачного преподавателя, который использовал свое положение, чтобы соблазнить королеву, тем не менее он чувствовал необходимость повысить культурный уровень принцесс королевской крови²⁵.

В то время изучали сочинения классиков и Священное Писание, достаточно искусно подражали и тому, и другому. Писали красивые стихи, такие, как веронские — О благородный Рим, город и господин (*O Roma nobilis, orbis et domina*), — моденские ритмы — О ты, кто служишь защитником этих стен (*O tu qui servas armis ista moenia*), или строчки «Деяний Беренгария», практически непонятные при первом прочтении, но поражающие изысканной тайной красотой того, кто, читая и перечитывая, уловит их смысл.

В любви к классическим текстам и к Священному Писанию тогда не забывали и о музе

²³ 23. Solmi. *L'amministrazione*. Op. cit. P. 43.

²⁴ 24. Ughelli, *Italia Sacra*, V, 493.

²⁵ 25. Liutpr., III, 19, Köpke, Dümmler. Op. cit. S. 203; Liutpr., V, 32.

народного творчества, которая воспевала вечные темы любви и прихода весны, но не оставляла без внимания войны и осады, героев и предателей, порой разражаясь историко-политической сатирой.

Смерть Людовика III, убийство Беренгария I на том самом месте, где когда-то был ослеплен Людовик III, гибель Анскария в бою, романтическое бегство Аделаиды, долгая и трудная осада Каноссы, захватывающие приключения Адальберта, скрывавшегося у сарацин и на Корсике, — все это питало фантазию поэтов и сказителей из народа. Порой прикосновение смычка к простейшему инструменту с натянутой на нем веревкой: «Слушайте, все земли...» — привлекало людей так же, как известие о пленении Людовика II или церемония чествования Оттона. Иногда певцам оказывали почести во дворцах сеньоров. Отголосок их творений дошел до нас на страницах произведений Лиутпранда и некоторых других писателей, которые заставляют нас оплакивать утраченное народное наследие²⁶.

Лиутпранд, наш наиболее ценный информатор, упоминает и без него хорошо известную подробность: «Ненавидный король Гуго подчинил своей суровой власти всех италиков. Он осыпал почестями сыновей своих любовниц и бургундцев; и нельзя вспомнить ни одного италика, которого бы не изгнали или не лишили всех должностей». Эти слова Лиутпранд приписывает одному из сторонников Беренгария Иврейского, некоему Амедию, который сопровождал его в изгнание в Германию. Дальше в своей речи он предлагает маркграфу отправить в Италию тайных агентов, чтобы они занялись организацией мятежа.

Лиутпранд и раньше не жаловал «надменнейших бургундцев» (*superbissimi Burgundiones*). В уста Альбериха он вложил яркую обвинительную речь против них: «Что может быть позорнее и отвратительнее того, что бургундцы, некогда рабы римлян, ныне повелевают ими?.. Разве не известны алчность и надменность бургундцев?..» В бургундцах его раздражает решительно все, даже то, что «из-за чванства говорят с набитым ртом». Дальше он снова повторяет: «Никто не станет спорить с тем, что бургундцы болтливы, прожорливы и трусливы»²⁷. Автор «Деяний Беренгария» выражается не столь цветисто, но совершенно ясно, что он тоже ненавидит бургундцев всем сердцем²⁸. Несомненно, что оба писателя выражают общее мнение своих современников, как и то, что подобные чувства могли вызвать лишь огромные навязчивые толпы бургундцев.

Первые бургундцы приехали в Италию во время войны Гвидо с Беренгарием и вызвали жгучую ненависть итальянцев своим произволом, насилием, грабежами. Тех, кто приехал вместе с Гуго, стали так же сильно ненавидеть из-за их назойливости и требовательности.

Конечно, назойливыми и требовательными всем показались сыновья и родственники короля, которые добились самых выгодных государственных должностей: племянник Тебальд, ставший маркграфом Сполето; брат Бозон, превратившийся в маркграфа Тосканы; друг Хильдуин, занявший архиепископскую кафедру в Милане; племянник Манассия, получивший три епископских престола и маркграфство; старший сын Губерт, который в один момент контролировал всю Центральную Италию от Генуи до Сполето; Бозон, второй сын, епископ Пьяченцы и королевский архиканцлер; Тебальд, третий сын, который в итоге дождался, когда архиепископская кафедра в Милане освободилась; не говоря уже о четвертом сыне, Годфриде, позже ставшем аббатом Нонантолы, и о пятом, который получил во владение часть Иврейского маркграфства.

Каждый из этих персонажей тащил за собой более или менее многочисленную свиту

²⁶ 26. См. песнь о пленении Людовика II в: Dumtril. *Poesies populaires du M. A.* . P. 264; оду Оттону в Hagen. *Minnesinger* , IV, 888–890, и уже упоминавшуюся оду Эдду.

²⁷ 27. Liutpr., II, 60, III, 45, V, 6.

²⁸ 28. *Gesta Berengarii* , I, 259.

родственников и друзей, столь же назойливых и требовательных, и прилагал все усилия для того, чтобы добиться для них достойного места в феодальной или церковной иерархии. Впрочем, помимо вышеупомянутых родственников, мы можем назвать поименно лишь немногих «бургундцев», приехавших в Италию с Гуго или во время его правления: Ратхерий, попавший в Италию в свите Хильдуина; граф Аццо; Сигифред, который из канцелярии перебрался на епископский престол в Пьяченцу; Петр, сделавший аналогичную карьеру и занявший епископскую кафедру в Мантуе; Герланд, который из канцлера стал архиканцлером и аббатом Боббио; Сарилон, граф дворца с 935 по 940 год.

Анализ списков графов времени правления Гуго и их сопоставление со списками людей, удостоенных этого титула при Гвидо и его преемниках, должны были бы показать, как далеко зашел процесс лишения итальянцев всех титулов и должностей, о котором говорил Лиутпранд, и их замещения иностранцами. Однако на основе этого анализа можно сделать вывод о том, что случаев подобного притеснения было гораздо меньше, чем с полемическим задором продемонстрировал Лиутпранд.

Подсчитывая графов эпохи Гуго по мере их появления в документах, мы увидим, что Гильберт, граф дворца Гуго, был одним из зачинщиков мятежа против Беренгария и ездил в Бургундию на переговоры с Рудольфом II, чтобы пригласить его в Италию. Он был графом Бергамо, советником Рудольфа II, а Гуго назначил его графом дворца (правда, затем отбил у него жену), хотя по происхождению Гильберт был лангобардом и жил по лангобардскому праву. Затем его сын Ланфранк стал графом дворца Лотаря.

Не будем говорить о Рудольфе, который был графом Реджо в 908-м и еще сохранял свой титул в 928 году, поскольку мы не знаем, кем его заменили. Сансон, который поддерживал тесные отношения с Рудольфом II и подарил ему бесценное Священное копье, оставался графом при Гуго, а прежде чем стать монахом (в надежде забыть о неудачной женитьбе), он побыл графом дворца Гуго. Суппон был графом Модены с 925, по крайней мере, по 942 год и происходил из всем известного и часто упоминавшегося рода Суппонинов. Манфред, граф Пармский и отец того самого графа Элизиарда, который женился на Ротлинде, дочери Гуго, был потомком Пипина I, короля Италии, и сохранил свой титул во времена правления Беренгария и Адальберта.

Раймунд, граф Реджо в 931 году, носил имя, которое в то время было очень распространенным в Провансе и редко встречалось в Италии. Возможно, он был провансальцем. Но граф Алерам, который впоследствии стал маркграфом, женился на Герберге, дочери Беренгария II, и стал родоначальником Алерамов; кроме того, он был сыном графа Вильгельма, получившего титул во времена правления Рудольфа II и, возможно, принимавшего участие в сражении 898 года. Граф Милон происходил из рода Манфредов и начал свою карьеру в качестве вассала Беренгария. Его дальнейшая судьба нам известна.

Уроженцем Прованса или Бургундии был Сарилон, но Губерт, граф Пармский получил свой титул от Беренгария I еще до 922 года. Отберт, который был виконтом в 905–910 годах и затем стал графом Асти, сохранил свой титул во времена правления Гуго и лишился его только потому, что ушел примерно в 936 году в монастырь в Новалезе.

Граф Бонифаций, который в документе от 936 года (правда, сомнительной подлинности) упоминается как граф Болонский, был бургундцем и приехал в Италию с Рудольфом II после женитьбы на его сестре Вальдраде. Граф Адальберт был, по всей видимости, сыном графа Бертальда, который выполнял миссию королевского посла в 905-м и уже был графом в 907 году.

Потомком людей, поднявшихся на высшие ступени феодальной лестницы, был маркграф Альмерих, который в 945 году назвался сыном Альмериха, графа и маркграфа, и вспомнил о своем далеком предке, герцоге Адальберте. О графе Губерте, который управлял графством Асти после вышеупомянутого Губерта, ничего не известно. Аццо, граф из Сполетского маркграфства, возможно, и есть тот самый бургундец, упомянутый в хронике, который погиб в сражении против Анскария. Но Ардуин Безбородый, граф Аурiate и

Турина, был сыном графа Руотгера, который был бургундцем по происхождению, но приехал в Италию еще во времена Гвидо и получил титул от Беренгария в период между 906–912 гг.

Отберт, граф Луни, не был провансальцем, поскольку жил по лангобардскому праву.

Из всего этого отнюдь не следует, что Гуго не вмешивался в феодальную структуру Италии и не назначал новых и предположительно верных людей на места тех, кто умер естественной смертью, попал под репрессии после заговора, в котором принимал участие, покинул двор, посвятив себя служению Богу. Но Гуго, как и его предшественники, гораздо чаще интересовался положением маркграфов, которые обладали большим, чем графы, могуществом и оказывали большее влияние на стабильность дел в государстве.

Гвидо занимался переустройством северных маркграфств, чтобы защитить границы королевства. Беренгарий, насколько нам известно, ничего не менял, ограничиваясь смещением лишь нескольких чиновников. То же можно сказать о Людовике и Рудольфе, однако мы не можем назвать месторасположение владений всех маркграфов, упоминавшихся в их грамотах (а в них упоминаются Конрад, Сигифред, Адалард, Ольдери, Радальд, Гримальд, Вальфред и Бонифаций)²⁹.

Гуго назначал новых людей и преобразовывал систему. Мы не станем вновь рассказывать о событиях, развернувшихся в Сполетском и Тосканском маркграфствах, но заметим, что подозрительный Гуго не щадил даже собственных детей.

Иврейское маркграфство находилось в руках Анскаридов лишь до тех пор, пока Гуго им доверял. Но как только начался конфликт между Гуго и Беренгарием и Беренгарий бежал в Германию, Иврейское маркграфство распалось, как и до этого маркграфство Фриули. Под пристальным надзором держал маркграфства и Беренгарий II, который начал проводить в жизнь реформы, впоследствии завершённые Оттоном I.

Переходя от описания феодальной системы к разговору о системе судебной, нужно сказать, что во время правления Гуго в королевский трибунал входили практически все те же люди, что при Беренгари. По крайней мере, десять из сорока упомянутых во времена правления Гуго судей ранее были чиновниками Беренгария³⁰.

О национальной принадлежности камерариев мы ничего сказать не можем, но их имена непохожи на бургундские или провансальские. А вот в королевской канцелярии было много выходцев из Прованса и Бургундии, хотя и здесь их было не больше, чем итальянцев.

Придя к власти, Гуго сразу же подтвердил в должности архиканцлера Беато, епископа Тортоны, который ранее был канцлером Беренгария I и стал архиканцлером при Рудольфе II. Гуго решил не заменять его, но назначил ему в помощники двух провансальцев: сначала Сигифреда, а затем Герланда, будущего аббата Боббио. Когда же Герланд стал архиканцлером, пост канцлера занял другой провансалец, Петр, впоследствии ставший епископом Мантуи. Должность канцлера была особенно значимой, поскольку в его обязанности входило как хранение королевской печати, так и управление канцелярией. Поэтому король назначал на этот пост самых преданных людей.

В дальнейшем должность канцлера перешла от Герланда к Аттону, епископу Комо, и сведений о том, что он или его канцлеры вели свое происхождение из земель, расположенных по ту сторону Апеннин, не сохранилось. Аттону наследовал Бозон, сын Гуго и итальянки. Даже если мы будем считать «бургундцем», мы не сможем ничего сказать о происхождении его канцлеров³¹.

²⁹ 29. См. *Diplomi dei re d'Italia*, indice ad nomen.

³⁰ 30. См. *Diplomi dei re d'Italia*, indice ad nomen.

³¹ 31. Schiaparelli, B.I.S.I., 34, 58.

Столь бурно обсуждаемое намерение короля заменить итальянцев провансальцами или бургундцами должно было сказаться и на составе церковной иерархии. Однако и здесь нам нечего добавить к списку уже названных выше имен епископов Пьяченцы — Сигифреда, Мантуи — Петра, Милана — Хильдуина, Вероны, Мантуи и Тренто — Манассии, Пьяченцы — Бозона, Вероны — Ратхерия. Что касается всех остальных епископов времени правления Гуго, мы не можем ничего сказать ни об их национальной принадлежности, ни о том, каким образом они взошли на епископскую кафедру. Впрочем, поскольку король оказывал сильное давление на избрание епископов, он вряд ли допустил бы, чтобы епископами становились люди, на поддержку которых он не мог рассчитывать. В этом смысле показательна история Ратхерия, епископа Веронского. Заметим, кстати, что в одном из своих произведений Ратхерий рассуждал о том, каким должен быть идеальный король, и избранный им полемический тон давал понять, что свои советы и увещания он обращал именно к Гуго. Ратхерий хотел бы добиться от короля уважения к епископам, к их независимости в духовной и светской областях. Такое же уважение, на его взгляд, идеальный король должен был испытывать к церковному имуществу. Кроме того, Ратхерий советовал королю окружать себя более набожными и богобоязненными епископами, чем он сам, и т. д.³² Конечно же, из намеков на особенности поведения короля идеального нельзя сделать вывода о реальных поступках короля Гуго. Однако его поведение по отношению к представителям высшего духовенства представляется отнюдь не дружеским, даже если кто-то из епископов и пользовался его доверием.

Возвращаясь к началу разговора о замещении итальянцев «бургундцами», нужно заметить, что таких случаев было не так уж много. Но ведь не много было и крупных феодалов «италийского» или лангобардского происхождения. Кстати, Лиутпранд очень часто путает эти понятия. Крупные феодалы, по большей части, были франками по происхождению. Они въезжали в Италию вслед за тем или другим Каролингом, вместе с Гвидо Сполетским, Рудольфом II Бургундским или Гуго, которому Лиутпранд в запале приписал ответственность за процесс, длившийся более полутора веков.

Итальянцы только по имени, аристократы не могли защитить страну от венгров. Они искали королей по ту сторону Альп и не испытывали преданности к собственным государям, которые не виделись им продолжателями династической национальной традиции, не воплощали в себе метафизическую сущность государства.

Нужно сказать, что злой рок буквально преследовал королей Италии. Гвидо умер, когда Ламберт был еще слишком молод; Ламберт перед самой смертью только начал проявлять качества государственного мужа; Беренгарий I не оставил наследника, который оказался бы в состоянии продолжить его нелегкое дело; Лотарь погиб, когда пытался взять власть в свои руки, — пусть даже ценой новой гражданской войны, — и когда в Германии неуклонно рос авторитет Оттона. Ответственность за эти события нельзя возложить на плечи недалёковидных и слабовольных людей. Однако отсутствие сформировавшейся национальной династии открыло дорогу вмешательству правителей других стран, а также рискованным авантюрам местных феодалов. С учетом всех случайностей, с учетом подчинения Беренгария II Оттону, а также имперских амбиций короля Германии, которого неотступно манили Италия и Рим, основной причиной потери независимости Итальянским королевством все же является отсутствие прочной духовной связи между королем, аристократами и народом. Если аристократы не испытывают преданности к своим правителям, возносят их к вершинам власти и свергают по своему желанию, одновременно поют им дифирамбы и мечтают занять их место, то народные массы теряют всякий интерес к политической жизни, к династической проблеме. Такие вопросы начинают им казаться

³² 32. Ratherii, *Praeloquia*, lib. III, IV, *passim*.

привилегией чужаков, поселившихся, но не укоренившихся в этой стране, с которыми они не чувствуют общности и чьих интересов не разделяют. Горожане, представители нефеодалного класса общества, повидали достаточно, чтобы убедиться — хорош любой король, если он не нарушает исконные права города. Поэтому они не видели смысла в том, чтобы биться за одного или за другого короля, вмешиваться в опасные военно-политические затеи феодалов. Для них важно было во что бы то ни стало защитить собственный город, постараться пережить войны и феодальные мятежи, по возможности выгодно используя предоставляющиеся возможности, то есть вовремя открывая ворота более удачливому претенденту на престол, обсуждая условия капитуляции при посредничестве епископа, виконта, какого-либо знатного горожанина, следуя традиции, восходящей ко временам готских войн³³.

Ожесточенные феодальные войны вокруг королевского трона, растущая пропасть между феодальными и нефеодальными классами, с одной стороны, подготавливали города к самостоятельной жизни, а с другой — ставили под удар само существование королевства, лишали его объединяющей функции, которая растворялась в универсальной концепции империи.

В лоне Священной Римской империи, с началом относительно мирной эпохи, которая в Европе ознаменовалась прекращением венгерских набегов, итальянская цивилизация развивалась, процветала, прославляла себя созданием новых экономических структур, новых форм общественных отношений, дарила миру свои достижения в областях теологии, права, литературы, искусства. Однако на протяжении 73 лет независимости Итальянского королевства и в особенности двадцати одного года правления Гуго оно было особенно близко к достижению окончательной независимости. Пусть же трагический опыт десяти веков национальной истории не затмит для потомков этой счастливой неиспользованной возможности.

Использованные сокращения

- H.P.M. *Historiae Patriae Monumenta*. Torino, 1836-1884
D.B.I. *I diplomi di Berengario I* // F.I.S.I., n. 35. Rome, 1903
D.G. *I diplomi di Guido* // F.I.S.I., n. 36. Rome, 1908
D.A. *I diplomi di Lamberto* // F.I.S.I., n. 36. Rome, 1908
D.Lu.III *I diplomi di Ludovico III* // F.I.S.I., n. 37. Rome, 1910
D.U. *I diplomi di Ugo* // F.I.S.I., n. 38. Rome, 1924
D.U.Lo. *I diplomi di Ugo e Lotario* // F.I.S.I., n. 38. Rome, 1924
D.R. *I diplomi di Rodolfo di Borgogna* // F.I.S.I., n. 37. Rome, 1910
D.Lo. *I diplomi di Lotario* // F.I.S.I., n. 38. Rome, 1924
D.B.A. *I diplomi di Berengario II e Adalberto* // F.I.S.I., n. 38. Rome, 1924
D.A. *I diplomi di Adalberto* // F.I.S.I., n. 38. Rome, 1924
D.O. *Diplomata Ottonis* // M.G.H. *Diplomata*. T. I
F.I.S.I. *Fonti per la storia d'Italia, pubblicata dall'Istituto storico italiano. Diplomi secoli IX–X*
M.G.H. *Monumenta Germaniae Historica*

Примечания

³³ 33. Здесь я ссылаюсь на уже обсуждавшееся мнение Пастине А. Сольми (Pastine A. Solmi. *L'amministrazione*. Op. cit. P. 36), который утверждает, что на всем протяжении X века продолжалось противоборство двух группировок: консерваторов, магнатов королевства, и представителей нового класса общества — горожан. Первая одержала победу при Беренгари, вторая была недостаточно сильна, чтобы удержать власть. Она не только не была сильна настолько, чтобы удержать власть, но не могла даже попытаться завладеть ею. С 888 по 962 год горожане участвовали в политической жизни, но только в решении вопросов муниципального охвата. За власть в королевстве боролись магнаты, и только они.

1. Reginonis Prumiensis. *Chronicon* // M.G.H. SS . I, a. 887: «Знать королевства видела, что в нем угасали не только телесные силы, но и способность мыслить...»; *Annales Vedastini* // M.G.H. SS . I, a. 887: «В самом деле, австразийские франки видели, что у императора не хватает сил управлять империей...».

2. О хронике событий см.: Regin. *Op. cit.* , а. 887 и *Annales Fuldenses* . // M.G.H. SS . I, а. 887.

3. Фульк Реймский оправдывает отстранение Карла III Простоватого от престола и выбор на его место Эда сиюминутной необходимостью найти короля, который смог бы взять на себя защиту страны от норманнов; Flodoardus. *Historia Remensis Ecclesie* // M.G.H. SS ., XIII, 5. Richerius. *Historiarum* , I, 4 // M.G.H. SS ., III, 570: франки «совещались об избрании короля, но не потому, что стали изменниками, а из-за гнева на своих врагов...». Кроме того, сложилась легенда о том, что Эд согласился на корону лишь для того, чтобы сохранить ее для Карла Простоватого. В *Деяниях Беренгария* (*Gesta Berengarii* // M.G.H. Poet. Lat ., IV, 1. I., 32) утверждается, что Карл III лично в своем завещании назвал Беренгария своим преемником.

4. О. Rautenberg. *Berengar v. Friaul, Königin Italien* (888–915). Berlin, 1871; P. Hirsch. *Die Erhebung Berengars I v. Friaul, Königin in Italien* . Strassburg, 1910; O. Pastine. *Il regno di Berengario I* . Lonigo, 1912. О Беренгарии I. О Гвидо и Ламберте см. Waitz. *Ueber das Herkommen des Markgrafen Wido v. Spoleto* // Forsch. z. deutschen Gesch., III, 1863. S. 149; Th. Wüstenfeld. *Ueber die Herzogen v. Spoleto aus den Hause den Guidonen* . Forsch. Z. Deutchen Gesch., III, 1863. S. 385; L. Schirmayr. *Kaiser Lambert* . Göttingen, 1900; T. Leporace. *L'imperatrice Ageltrude* . Samnium, 1936, fasc. 1–4. О Людовике Прованском, R. Poupardin. *Le royaume de Provence sous les Carolingiens* Paris, 1901. О Рудольфе см. R. Poupardin. *Le royaume de Bourgogne* . О Гуго Прованском, или Вьеннском см. Vollhart. *De Hugone comité Arelatense, rege Italiae, Dissertatio* . Lipsia, 1738; F. Gingins La Sarraz. *Mémoires pour servir l'histoire de Provence et de Bourgogne — Les Hugonides* // Arch. f. Schw. Gesch., IX, 1853; R. Poupardin. *Le royaume de Provence...*; L. de Manteyer. *La Provence du premier au douzième siècle* // Mém. et doc. de la Soc. de l'Ecole des Chartes, VIII, Paris, 1908. О Беренгарии II см. Ch. Fietz. *Geschichte Berengars II v on Ivrea, Königin Italiens* . Leipzig, 1876. Помимо этих монографий нужно упомянуть также фундаментальные исследования, проводимые под руководством Скъяпарелли (Schiaparelli) с целью подготовки издания грамот королей Италии и опубликованные в «Bull. Ist. Stor. It.», nn. 23, 26, 29, 30, 34: из трудов по общей истории назовем только E. Dümmler. *Geschichte des ostfr. Reichs* , III Leipzig, 1888; L. M. Hartmann. *Geschichte Italiens* // M.A ., III, 2 Gotha, 1914; G. Romano. *Le dominazioni barbariche* . Milano, s. a. ma 1910.

5. Здесь достаточно упомянуть *Annales Fuldenses* (Фульдские анналы), Reginone (Регинона), Liutprando di Cremona (Лиутпранда Кремонского), *Gesta Berengarii* (Деяния Беренгария), *Gesta Ottonis* di Rosvita («Деяния Оттона» Хротсвиты), Viduchindo di Corvei (Видукинда Корвейского) *i diplomi di Berengario I* , F.I.S.I., n. 35, Roma 1903; *I diplomi di Guido e di Lamberto* , F.I.S.I., n. 36, Roma, 1908; *I diplomi di Ludovico III e di Rodolfo II* , F.I.S.I., n. 37, Roma, 1910; *I diplomi di Ugo e Lotario, e di Berengario e Adalberte* , F.I.S.I., n. 38, Roma, 1924, a cura di L. Schiaparelli.

Введение

1. A. Gaudensi. *Sull'unione dell'Esarcato al Regno d'Italia* , B.I.S.I., 37, 1916, P. 513;

A. Vicinelli. *L'inizio del dominio pontificio a Bologna e il passaggio dell'Esarcato al regno d'Italia* // Atti e Mem. R. Dep. St. P. prov. Romagna, IV, 10–12; Gay. *L'Italia meridionale e l'impero bizantino*. Firenze, 1917.

2. A. Solmi. *L'amministrazione del regno italico nell'alto M.E.* Pavia, 1932. P. 31.

3. См. G. Fasoli. *Le incursioni ungare in Europa nel sec. X*. Firenze, 1946. P. 46.

4. Одна из ветвей рода Бернардинов переселилась во Францию. Младшие Унрохи сделали то же самое (Hirsch. *Op. cit.* . cap. II), а Гвидо Сполетский подумывал о короне Франции.

5. G. Pochettino. *I Pipinidi in Italia*. Arch. Stor. Lomb. S., VI, 13, 1927. P. 1–43.

6. B. Baudi di Vesme. *I conti di Verona*. N. Arch. Ven., 1896, 11. P. 267.

7. Bresslau. *Jahrb. d. deutsch. Reichs u. Konrad II*. Leipzig, 1879. S. 361.

8. I. Malaguzzi Valeri. *I Supponidi*. Modena, 1894; C. Desimoni. *Su le marche d'Italia*. Atti Soc. lig. St. pat., XXVIII, 1896; S. Pivano. *Il Comitato di Parma e la Marca Lombardo-emiliana*. Arch. Stor. prov. parm., XXII bis, 1922. P. 501; S. Pivano. *Il testamento dell'imperatrice Angelberga*. Arch. Stor. Lomb., XLIX, 1922. P. 263.

9. A. Hofmeister. *Markgrafen u. Markgrafschaften in italienisch-venetianischer Zeit*..., Mitt. des Inst. f. Oesterr. Geschichtsforsch. VIII Ergänz., Band. 2 Heft, 1910.

10. Solmi. *Op. cit.* . P. 36.

11. Hirsch. *Op. cit.* . S. 93–106; Hofmeister. *Op. cit.* . S. 316.

12. См. завещание Эверарда у A. Miraei. *Opera dipl. et historica*. Bruxelles, 1723, I, 1. P. 19–22; тексты Гизелы у Hirsch. *Op. cit.* . P. 72, n. 2.

13. M.G.H. SS., XV, 1. S. 419, Hirsch. *Op. cit.* . S. 44. P. Paschini. *Le vicende politiche e religiose del Friuli nei sec. IX e X*, Arch. Ven., XX–XXI, 1910–1911.

14. Об Унрохе и остальных братьях см. Hirsch. *Op. cit.* . S. 61, 78, 85, 93. О возрасте Беренгария см. Migne. *Patr. Lat.*., CXXV1. P. 55, 106, 170, 206, 281.

15. О бракосочетании Беренгария и Бертиллы см. *Gesta*, II, 77, glossa, и грамоты, к которым приложила руку королева. О родственных связях с Суппонидами см. Hirsch. *Op. cit.* . S. 110, n. 4; S. Pivano. *Il testamento*. *Op. cit.*

16. M.G.H. *Capit.*., I, 220, Mansi, XVII, 341, Migne. *Patr. lat.*., CXXVI, ep. 170, 172.

17. Migne. *Patr. lat.*., CXXVI. P. 755, ep. 106, 170 ecc., n. 14.

18. Маркграф Фриули не мог не присутствовать на Соборе в Равенне (В.М. 1549), в котором принимал участие патриарх Аквилеи; также без него не могли обойтись и на коронации, поскольку эта церемония проходила в Риме «в присутствии всех правителей Италии» (В.М. 1566 а), тем более что в марте следующего года он был в Сиене на заседании ассамблеи (placito) (В.М. 1569). В В.М. 1560, 1570, 1575, 1586 упоминается, что он

засвидетельствовал императорские грамоты. О том, какими критериями следует руководствоваться, чтобы отличать его от своего современника и, возможно, родственника, графа Беренгария, см. Hirsch. *Op. cit.* . S. 144, n. 2.

19. Hofmeister. *Op. cit.* . S. 341.

20. Hofmeister, *Op. cit.* . S. 349 L. Schirmayr, *Op. cit.* . S. 38.

21. *Ann. Fuld.* , a. 878, a. 883, a. 885; *Liber Pontificalis* , ed. L. Duchesne, II, 177, *Vita Hadriani* с. 20; Jaffé; *Regesta Pontif. Rom.* , nn. 3112, 3119–3123; 3136–3140.

22. G. Romano. *Le dominazioni barbariche* . 1940. P. 662–663; Flodoardus. *Hist. Rem. Eccl.* , XIII. P. 555–556, 559.

I. ОТ ИЗБРАНИЯ БЕРЕНГАРИЯ ДО КОНЧИНЫ ГВИДО

1. А. Гауденци (A. Gaudenzi. *Sui codici di Adriano III* , B.I.S.I., 37, 1916, P. 316) утверждает, что сторонники Формоза хотели после смерти Карла Толстого вернуть Италию Византийской империи или, скорей, объединить две империи. Однако это утверждение нуждается в доказательствах.

2. E. Favre, *Eudes comte de Paris et roi de France* . Paris, 1893. P. 90.

3. *Liutpr.* , I, 14 // M.G.H. *SS.* , in us. schol. P. 17, n. 1 этого издания, см. библиографические данные, относящиеся к дискуссии о договоре между Беренгарием и Гвидо.

4. См. Favre. *Op. cit.* , indice ad nomen.

5. См. Favre. *Op. cit.* . P. 80.

6. *Gesta Berengarii* , I, 32, 50.

7. См. о Бозоне *Ann. Bert.* // M.G.H. *SS.* , II, a. 879; об Эде *Ann. Vedastini* // M.G.H. *SS.* , II, a. 888; об Арнульфе *Ann. Fuld.* , a. 887; о Гвидо *Gesta Ber.* , I, 13–31, о Беренгарии M.G.H. *LL.* , II, 2, 105, n. 222.

8. *Gesta Ber.* , I, 59. Здесь необходимо упомянуть постоянно цитируемый труд К. Хаазе (K. Haaze. *Die Königskrönungen in Oberitalien und die eiserne Krone* . Strassburg, 1901), однако должна сказать, что мне, к сожалению, не удалось ознакомиться с ним лично, поскольку единственный экземпляр, который находился в Италии в библиотеке Туринского университета, исчез во время пожара в 1902 году, а мои собственные поиски (Istituto Storico Germanico a Roma, Bibl. Vaticana) не увенчались успехом. Поэтому я ограничусь цитатами из Римского ритуала и ссылками на описание коронаций Людовика Заики и Карла II в M.G.H. *LL.* , II, 2, 401, n. 304, 456, n. 902.

9. См. bibliografia relativa in Enc. Ital. ad vocem, ma v. A. Venturi. *La Corona ferrea* . N. Antologia, I genn. 1902. На печатях Беренгария с его изображением у него на голове изображено нечто, совершенно непохожее на железную корону, то же самое можно сказать и о его преемниках Schiaparelli. B.I.S.I., 26. P. 68.

10. *D.B.I.* , I–III.

11. Erchemperto. *Hist. lang. benev.* , M.G.H. *SS. Rer. lang.* . P. 263: «...Измученный жаждой царствовать и обманутый своими единомышленниками, он отправился в Галлию править...».

12. См. Favre. *Op. cit.* . P. 80. Слова песни в честь Эда и музыка к ним: App. P. 235. Переходивший из уст в уста рассказ о причинах неудачи Гвидо, см. Liutpr., I, 16.

13. *Gesta Ber.* , I, 82–3, Liutpr., I, 17.

14. Liutpr., I, 17; *Gesta* , I, 83, 130–131.

15. Erchemp. P. 264, c. 82.

16. В *Ann. Fuld.* , а. 888 говорится о переговорах с Беренгарием после упоминания о результатах аналогичных встреч с Эдом и Рудольфом, причем подчеркивается, что у современников было одинаковое мнение о положении всех троих в отношении к Арнульфу. См. Favre. P. 108; Roupardin. *Bourgogne* . P. 16.

17. *Gesta* , I, 15, I, 64; Гауденци (Gaudenzi. *Sull'unione dell'Esarcato* . P. 542 n.) считает, что Беренгарий и Гвидо провели два сражения: первое в 889 г., закончившееся победой Беренгария (битва в Брешии), второе в 892 г., завершившееся (битва в Треббии) победой Гвидо. По его мнению, к последней битве относятся слова Формоза, обращенные к Фульку Реймскому: «Италия тогда один и второй раз перенесла ужасную войну и сильно пострадала», *SS.* , XIII. P. 559. Не ясно, как Гвидо, будучи побежденным, смог добиться своего избрания в 889 г. В акте об избрании Гвидо говорится о его двух победах, то же значится и у Лиутпранда (Liutpr., I, 18 и 19), а, в свою очередь, Эрхемперт (Erch., *SS. Rer. long.* . P. 463, c. 82) говорит о первой битве, выигранной Беренгарием, за которой последовало перемирие вплоть до дня Всех Святых, и намекает на последовавшее возобновление войны. О победе Беренгария в первом сражении говорится также и в *Gesta* , I, 147–272. Эрхемперт не упоминает о втором сражении, но «*Деяния* », в которых оно пространно описывается, дают понять, что Беренгарий не одержал победы. О двух битвах говорится также в *Cont. vatic.* , в *Catal. Reg. long.* . M.G.H. *SS. rer. long.* . P. 494.

18. W. Sickel. *Zur Geschichte d. deutschen Reichstage* . Mitt. d. Inst. f. cest. Geschichtsforsch. Erg. Bd., I, 1894. S. 241–242. См. Morossi. *L'assemblea del regno italico* . Estr. Riv. St. Diritto Ital., 1936. P. 37.

19. Акт об избрании Карла Лысого в Италии, M.G.H. *LL.* , II, 2. P. 98, n. 220; в Лотарингии, *ivi.* P. 339, n. 276. См. *Ann. Bertiniani* // M.G.H. *SS.* , II, а. 886. О Бозоне и Людовике в Провансе, n. M.G.H., *LL.* , II, 2. P. 365, n. 284, P. 376, n. 289. О Людовике Заике, *ivi.* P. 363, n. 383, об Эде, *ivi.* P. 375, n. 288. Акт об избрании Гвидо, *ivi.* P. 104, n. 222.

20. Библиография по этому вопросу весьма обширна, но фундаментальным трудом можно назвать W. Sickel. *Das Privilegium Otto I, f. die R#246;mische Kirche* . Innsbruck, 1883.

21. См. номер ссылки в M.G.H. *LL.* , II, 2. P. 104 и далее.

22. Schiaparelli. *B.I.S.I.*, 26. P. 58.

23. *D.B.I.*, V–X. Грамоты VIII и X относятся к землям Реджано; их, однако, нельзя

рассматривать в качестве доказательства восстановления господства Беренгария в этом регионе: это были договоры между частными лицами либо «векселя» сроком до свержения Гвидо.

24. Пастине (Pastine. P. 33 и далее), изучая историю отношений Беренгария и Гвидо, попытался объяснить политические события в Италии противостоянием между светской и церковной партиями и метаниями суверенов от одной партии к другой. Затем он продемонстрировал достаточно убедительные, с его точки зрения, доказательства «существования в политической жизни Италии принципа, который, с определенной точки зрения пусть юридически и не закреплённый (такие были времена), может быть назван „дуумвиратом“». То есть автор придерживается того мнения, что население считало свое королевство единым даже в том случае, если в стране существовало два короля, которые практически делили ее между собой. В качестве доказательства своего утверждения он приводит известный отрывок из Лиутпранда, Liutprando, I, 37: «Итальянцы всегда желали двоих государей, поскольку один другого страхом удерживает» и выдержку из Андрея Бергамского, Andrea da Bergamo. P. 229, «...согласно дурному совету, они решили ввериться двум королям». См. *Gesta*, III, 288–290, каталоги, где без упоминания различий зарегистрированы имена королей того времени и сопоставление их с просьбой сторонников Карла Простоватого к Эду: «...чтобы какую-нибудь часть королевства выбрал, Карлу вверил и мир с ним заключил. Король охотно ответил согласием». Например, то, что известно об отношениях между светскими и духовными лицами, а также императорской и папской партиями во времена борьбы за инвеституру, должно было бы предостеречь от отождествления светской группировки со светско-императорской партией, а церковников с церковно-папской партией. Нужно с большой осторожностью относиться к обобщению фактов, в которых психологический момент играет столь важную роль (в данном случае — политических событий), в связи с чем Лиутпранд как всегда язвительно заявляет: «...двенадцать часов и тому, и другому это нравилось, потом разонравилось; как он был от этого в восторге, так и отверг». А говоря о дуумвирате, возведенном в ранг сознательно организованной системы, нужно признать, что сражения Беренгария с Гвидо, борьба с Людовиком III, битва при Фьоренцуоле противоречат гипотезе о мирном сосуществовании двух королей в одном королевстве. Во времена Гуго, Лотаря и Беренгария можно было бы говорить о соглашении дуумвиров, но не в том смысле, который вкладывает в это понятие Пастине, поскольку в этом случае речь шла о договоре между двумя группировками, а не о разделении королевства и не о королевском титуле. Фактически правил Беренгарий, но титул короля по праву принадлежал только Гуго и Лотарю, все приказы исходили от их имени, и на грамотах стояла их подпись.

25. *Ann. Fuldenses*, a. 890.

26. D.G., IV, 891, 21 февр.: «в первый день правления» (*imperii die prima*), об Агельтруде, n. I. Lapôtre. *L'Europe et le S. Siege*. Paris, 1893, cap. IV, и T. Leporace. *Op. cit.*

27. *Libellus* в M.G.H. SS., III, 719–722 и в F.I.S. 1. n. 55, ed. G. Zucchetti. См. также Lapôtre. *Op. cit.* P. 174; A. Solmi. *Stato e Chiesa secondo gli scritti politici*. Modena, 1901. P. 36; Gaudenzi. *Sull'unione*. P. 524, и Zucchetti. P. LXVII.

28. Schirmayr. *Op. cit.* S. 86 и далее: Гауденци (Gaudenzi. *Sull'unione*. P. 525) считает, что Стефан V вместе с короной вручил Гвидо бразды правления экзархатом, чтобы он смог защитить его от войск Беренгария, венгров и сарацин; но в 891 году венгров не было еще даже в пределах Венгрии, сарацины никогда не представляли опасности для экзархата, а Беренгарий также не выказывал агрессивных намерений. Датировка равеннских документов

относится к временам Гвидо и Ламберта и, позже, Людовика III и Беренгария I в их бытность императорами. И если последняя статья капитулярия Гвидо составлена в соответствии с нормами римского процессуального кодекса и устанавливает размер штрафа в золотых ливрах, что отнюдь не было характерно для лангобардского правового кодекса, это все же не является безоговорочным свидетельством господства Гвидо в экзархате, а может объясняться причинами культурного характера.

29. Flod. *Hist. Rem. Eccl.* // M.G.H. *SS.* , XIII. P. 559: Фульк Реймский предупредил Гвидо, что Арнульф не хотел «поддерживать с Гвидо мир». Осаду Беневенто византийцами и последовавший захват этого города Гауденци воспринял как их протест против коронации Гвидо. Беневенто находился во владениях родственников Гвидо, но не являлся частью королевства даже номинально, а факт осады логически вписывается в серию завоевательных войн в Южной Италии, которую византийцы начали еще с тех времен, когда скончался Людовик.

30. Schiaparelli, I, *dipl. cit.*, B.I.S.I., 26. P. 68.

31. M.G.H. *LL.* , II, 2. P. 104. Об этой ассамблее упоминает также *Benedetto di S. Andrea di Monte Soratte* , F.I.S.I., 1920, p. 155. О титулах Ламберта см. Н.Р.М. *Ch.* , I, 78 и II, 18: два документа, датированные годами правления императора Гвидо и короля Ламберта.

32. *D.G.* , XI.

33. О Манфреде, Сигифреде, Эверарде см. *D.G.* , ad nomen; об Анскарии и Конраде, *D.G.* , I, XIII: если предположить, что маркграфство Иврейское было основано в 891 году для того, чтобы защитить границу от нападения со стороны Франции, нужно будет признать, что существовала такая же, если не большая, необходимость в обороне северной границы от атаки со стороны Германии; маркграф Конрад, дядя по матери и дядя по отцу (*patruus et patruelis*) Гвидо и Ламберта, обрел свой титул в 892 году, позже он стал графом Лекко, из чего следует, что его маркграфство располагалось на севере государства. М. Lupi. *Codex dipl. Bergomensis* . Bergamo, 1784, II, 145–146. См. Hofmeister. *Op. cit.* . S. 259, 261 и далее.

34. *D.G.* , XI, XII; *D.B.I.* , X, XI.

35. О присвоении этого титула Ламберту свидетельствуют два документа, относящиеся ко времени императорского правления Гвидо и к годам королевского правления Ламберта, Н.Р.М. *Ch.* , I, 78 и II, 18. В 896 году наследовавший отцу Ламберт был еще подростком (см. Liutpr., I, 37), и в 891 году ему не могло быть больше чем тринадцать лет.

36. Самый ранний труд о Формозе — сочинение «Католическое государство» (Civ. Cattolica, 1926, a cura di D. Dominici); это — скромное, без претензий на полноту изложения фактов сочинение, в котором не рассматривается ни одна из проблем, связанных с этим Папой. Основными работами о Формозе остаются глава, посвященная болгарскому вопросу в труде Лапотра (Lapôtre. *Op. cit.*), статья Гауденци (Gaudenzi. *Sull'unione*) и глава о Формозе в книге Сальте (L. Saltet. *Les réordinations* . Paris, 1907).

37. Романо (Romano. *Op. cit.* . P. 661) говорит о том, что Гвидо поехал в Рим, чтобы выразить свое почтение понтифику и добиться обещания короновать Ламберта, но Гвидо отправился в Рим только на следующий год, между сентябрем и декабрем, *D.G.* , XIX.

38. Cfr. W. Hense. *Ueberdem Brief Kaiser Ludwig II an dem Kaiser, Basilius I* , I, N.A., XXXV, 1910. См. Gaudenzi. *Op. cit.* . P. 542.

39. Flod., SS., XIII, 560; *Invectiva in Romam* / éd. Dümmler in app. ai *Gesta Berengarii*. Halle, 1870, p. 140; *Chron. Casaur.*, R.I.S.S., II, 2, P. 822. О дате см. Schiaparelli. *I diplomi*, B.I.S.I., 26. P. 58. См. *D.G.*, XIII.

40. *D.G.*, XIX; Favre. *Op. cit.* P. 149–158. Лиутпранд (Liutpr. I, 15) говорит о том, что, узнав о смерти Карла III, Гвидо поехал в Рим и «без совета франков принял миропомазание на царствие во всей Франции» (*absque Francorum consilio, totius Franciae unctionem suscepit*), после чего отправился во Францию. Лиутпранд относит поездку Гвидо в Рим к 888 г.; речь же должна была идти о путешествии 892 г., которое не дало никаких конкретных результатов.

41. *Ann. Fuld.*, 893; Liutpr., I, 20–22. Лиутпранд рассказывает, что Беренгарий обратился за помощью к Арнульфу сразу же после того, как потерпел поражение, обещая подчинить его власти свое государство, и затем утверждает, что Беренгарий отправился в Германию вместе с Цвентибольдом, где вновь обратился к Арнульфу со своими просьбами и обещаниями. В «*Деяниях*», напротив, говорится о возобновлении военных действий между Гвидо и Беренгарием после отступления Цвентибольда, и именно на этот факт ссылается Формоз в своем письме Фульку, M.G.H. SS., XIII, 559; n. 39.

42. *Ann. Fuldenses*, a. 894; Liutpr., I, 22.

43. В.М., 1842 и далее.

44. *Ann. Fuldenses*, a. 894; Liutpr., I, 23, 24, 25; *Gesta*, III, 79–123; Н.Р.М., XIII, *Cod. dipl. Lang.* P. 596, n. 359; В.М., 1843.

45. *Ann. Fuldense*, a. 894; Benedetto di S. Andrea di Monte Soratte. P. 713; Liutpr., I, 35; Reginone, a. 894; см. Roupardin. *Bourgogne*. P. 21. Уже упоминалось о том, что Лиутпранд, говоря о восстании в Павии, путает его с бунтом против Карла 876 года; но если во всей Италии поднялся мятеж против короля, почему волнения не могли затронуть также и Павию?

46. *Gesta*, III, 161 и далее. В ноябре 894 г. Гвидо был уже мертв, см. *Diplomi di Guido e Lamberto*. P. XVI. О месте захоронения см. G. Frei. *Carte Parmensi*. I. 28.

II. ИМПЕРАТОР ЛАМБЕРТ

1. D.B.I., XIII, Милан, 2 декабря 894 года; Liutpr., I, 37; D. La, I, январь 895 года, Вимеркате.

2. Flod. // M.G.H., SS., XIII. P. 561, 566.

3. *Chron. Salern.* // M.G.H. SS., III, *Cat. reg. lang. SS. rer. lang.* P. 496–497; *Ann. Fuld.*, a. 895. См. A. Solmi. *Il Senato Romano nell'alto M.E.*, Miscell. R. Dep. Rom. St. Pat. XV Roma, 1944. P. 101.

4. Gay. *Op. cit.* P. 146.

5. В.М., 1862 и далее.

6. Ширмайер (Schirmayr. *Op. cit.* . S. 39), основываясь на анналах Муратори (Muratori. *Annali* , а. 895), высказывает мнение, что Беренгария отправили в ссылку в Германию. Но в «Деяниях» ясно говорится о том, что в Тоскане Беренгарий находился в свите Арнульфа, III, 125. Her. Aug., SS ., V. P. 110, считает, что Арнульф поделил Северную Италию между графом Манфредом и маркграфом Вальфредом: титул маркграфа Вальфреду пожаловал еще Беренгарий (*D.B.I.* , IV), но, по всей видимости, его подтвердил Арнульф, и Вальфред изменил своему первому сеньору, точно так же как Манфред Миланский — Ламберту (*Ann. Fuldenses* , а. 896).

7. *Ann. Fuld.* , а. 896; Liutpr., I, 25–27; Benedetto di S. Andrea di Monte Soratte. P. 162.

8. Jaffé-L., ad nomen. B. M. Loc. cit.

9. *Cat. reg. lang.* in *SS. rer. lang.* .

10. *D.B.I.* , XIV, *D. La.* , IV; Liutpr., I, 37–38; *Gesta* , II, 47, glossa.

11. *Gesta* , III, 198, 245–247. Неизвестный поэт утверждает, что договор был заключен за 3 года до смерти Ламберта, то есть в 896 г.

12. Jaffé-L., 3511; *Catal. reg. Long.* // *SS. rer. long.* , 494–497.

13. Saltet. *Les réordinations* . P. 3. P. 153.

14. Cfr. Jaffé-L. *Reg. Pont. Rom.* . P. 440; L. Duchesne. *Les premiers temps...* . P. 156.

15. Гауденци (Gaudenzi. *Sull'unione* . P. 554) предполагает, что с Формозом поступили как с виновным в подделке документов, поскольку он якобы сознательно воспользовался новой версией Константинова дара, составленной во времена Николая I Иоанном, канцлером Людовика II; об этой версии упоминается в грамоте Оттона III спорного происхождения (*D.O.*, III . P. 389). Эту новую подделку, приписывающую Папе право владения экзархатом, Иоанн VIII должен был представить Карлу Лысому в 875 году, а Формоз, соответственно, Гвидо в 891-м. Далее Формоз якобы уступил экзархат Гвидо и перевел из Рима в Равенну школу права: это якобы являлось истинной причиной обиды римлян на Формоза, а Ламберт и Агельтруда лишались всякой ответственности за судилище. Не касаясь вопроса о переводе университета, который увел бы нас далеко от темы, замечу, что о формальной частичной или полной передаче папских полномочий в экзархате нигде не упоминается. Заявления о всевластии королей Италии происходят, как мы уже отмечали, вследствие смешения королевских привилегий с императорскими. А выгородить Ламберта с Агельтрудой достаточно сложно не только потому, что дата их приезда в Рим и дата торжественного открытия Собора «по прошествии нескольких дней» хронологически очень близки, но также и потому, что на тот момент им было очень важно объявить коронацию Арнульфа недействительной.

16. *Catal. reg. lang.* . P. 494; Liutpr., I, 31; Duchesne. *Op. cit.* . P. 158; Jaffé-L. P. 441. а. 897; Gay. *Op. cit.* . P. 142.

17. Duchesne. *Op. cit.* . P. 158; P. Fedele. *Ricerche per la storia di Roma* Arch. Soc. Rom. St. Pat. T. XXXII. P. 188; Jaffé-L. P. 442, 445.

18. Mansi, XVIII. P. 221. В надписи на надгробии Иоанна IX ясно говорится о трех Соборах, проведенных при этом Папе (M.G.H. *Poet, lat.* , (V, 2, P. 1004), а соборные акты

Синода, которые содержатся в резюме, дают ссылку на Собор, проведенный ранее тем же Иоанном IX. Однако заседания этого Собора должны были проходить не в Риме, а в Равенне; см. Duhr. *Le concile de Ravenne, en 898. La réhabilitation de pape Formose // Recherches de science religieuse* . 1932, XXII, 5, décembre. T. Leporace. *Op. cit* . P. 144. В несколько более позднем манускрипте, который содержит, помимо прочего, труды Евгения Вульгария, одного из полемистов о Формозе, и хранится в Государственной библиотеке Бамберга, приведены шесть постановлений (canones) этого Собора (под вопросом), согласно этому источнику также проведенного не в Риме, а в Равенне. К статье X добавлено следующее заключение: «Никого [никакого понтифика] не позволено будет пытаться, даже согласно старинному обычаю, чтобы не приводить в возмущение Церковь и не затронуть честь императора». Эта статья действительно содержит доказательство того, что у понтифика силой вырвали клятву; см. Gaudenzi. *Sull'unione* . P. 554. Эта клятва, должно быть, представляла собой подтверждение тех требований, которые избиратели предъявляли кандидату перед выборами, и среди них вполне могло быть требование упразднить императорский контроль над папскими выборами, восстановленный в каноне X: упразднение контроля, в свою очередь, могло повлечь за собой скандал в Церкви и снижение императорских полномочий. M.G.H. *LL* ., II, 2, p. 123, n. 230. О проведенном некоторое время спустя во Франции Соборе, на котором обсуждался вопрос о Формозе, см. Mansi, XVIII. P. 178.

19. Порядок постановлений, вынесенных Равеннским Собором, был искажен в манускриптах; речь идет даже не о серии постановлений в прямом смысле этого слова, а о серии прошений, поданных Папой и принятых императором, который отвечал на них немедленно или излагал свой ответ в капитулярии, составленном по ходу императорской ассамблеи. Прощения Папы, которые должны были открыть заседание, находятся под номерами IX–X, ответы императора — под номерами I–III. Статья IV, предполагавшая точное подтверждение со стороны Собора, не получила развернутого ответа. На статьи V и IX, в которых содержится просьба о суде над разбойниками, отвечает капитулярий в M.G.H. *LL* ., II, 2, p. 109, n. 225. Статьям VI–VIII, в которых речь идет о подтверждении привилегий и об искоренении некоторых злоупотреблений, соответствует статья III, подтверждающая как раз силу прежних договоров, а содержащаяся в статье X жалоба на бедность Церкви находит в некотором роде отклик в статье I, где говорится о десятине. В статье VII говорится: «О землях и имуществе, о которых в этом акте говорилось, никаких распоряжений незаконно не отдавать», и один из примеров приводится в *D.G* ., X, когда земли экзархата были переданы в частное владение.

20. *D. La* ., VIII, Равенна, 21 мая 898 год: выступление Агельтруды. О пребывании в Беневенто в августе см. *Chron. Vultumense* , F.I.S.I., II. P. 24; о возвращении на север *D. La* ., X.

21. Судить об этом можно лишь на основании присутствия Адальберта при дворе или на судебных собраниях, проводившихся от имени Ламберта, а также по тому, какой системы датировки придерживались в Тоскане. См. по этому поводу *D.G* ., I, 26 мая 890 года: тосканские документы датируются именем Гвидо, затем временем его смерти. Имя Ламберта появляется 20 марта 895 года, но затем вновь исчезает с июня 896 г. по апрель 897 г. Адальберт присутствует на судебном заседании, которое проводил посланец Ламберта 4 марта 897 года (*Ant. ital* ., I, 497), и имя Ламберта появляется в датировках 13 августа (см. *Mem. St. Lucca* , V, 2, nn. 595, 602, 614, 616, 618, 622).

22. Период вдовства и дата второго брака Берты вычисляются в соответствии с возрастом двоих ее сыновей: первый сын, Гуго, наследовал отцу Тибо Вьеннскому в 898 г. (см. сар. III, n. 14), второй, Гвидо, в 915 г. по возрасту уже мог наследовать отцу, Адальберту

Тосканскому, и родился самое позднее между 895 и 898 г. Несколько документов свидетельствуют о честолюбии и известности Берты, которая подписывалась как «Царственная Берта» (*Berta regalis*) (*Reg. Ch. It.*, п. 6, *Reg. Luc.*, досс. 5, 6, 7). Константин Багрянородный, *De administr. Imp.* с. 26, называет ее великой Бертой; патриарх Константинопольский говорит о Людовике Прованском не как о сыне Бозона или Эрменгарды, а как о племяннике Берты (*Migne. Patr. Greca*, III, col. 195, 32), см. эпитафию Берты: «Облик ее был прекрасен... выше всяких похвал. Она была счастлива... ни один враг не сумел победить ее. Искусным советом она помогала многим правителям (*consilio docto moderabat regimina multa*), со всех сторон графы съезжались встретиться с ней». В эпитафии говорится также о гостеприимстве, оказанном ею изгнанникам и паломникам, и завершается она словами о том, что ее кончину оплакивали Европа, Франция, Корсика, Сардиния, Греция, Италия. (M.G.H. *Poet. lat.*, IV, 2. P. 1008.) Об отношениях Адальберта с тосканскими противниками Формоза и отношениях Беренгария с Иоанном Равеннским см. гл. III. О документах Эверарда из Пьяченцы см. *Campi. Historia... di Piacenza*. Piacenza. 1651. I, 477. О пребывании Беренгария в Милане, *D.B.I.*, XIX, 15 февраля 898 г.

23. M.G.H., *Poet. lat.*, IV, 2, app. Берта «Искусным советом направляла многих правителей» (*consilio docto moderabat regimina multa*) примерно означает, что Берта вмешивалась во многое и во многих странах.

24. *Liutpr.*, I, 42, 44; *Gesta*, III, 249-86; *Cont. noval. vetust.*, *Chron.* II, 301.

25. Gaudenzi. *Sull'unione*. P. 544.

26. Schiaparelli M.G.H., *Poet. Lat.*, IV, 1, 202. Ламберт, по всей видимости, похоронен в Варфио (Пьяченца); P. M. *Campi. Dell'istoria...*, I. P. 239.

III. БЕРЕНГАРИЙ И ЕГО НОВЫЕ СОПЕРНИКИ

1. *Liutpr.*, I, 43; *D.B.I.*, XX-XXIV, 9.

2. О венграх и об их походах в Италию см. G. Fasoli. *Op. cit.*

3. W. Goetz. *Das werden des italienischen nationalgefühls*. Sitz, ber. der Bayer. Akad. des Wissenschaften. 1939. S. 7; о значении названия «Италия» см. работу C. Salsotto в *Arch. Stor. Lomb.* 1905. P. 5 и далее.

4. C. Morossi. *Op. cit.* P. 60.

5. *Ann. Bertiniani* // M.G.H. *SS.*, I. P. 150; R. Poupardin. *Provence*. P. 96, n. 4. P. 167, n. 1. В 909 г. Эрменгарда еще не умерла: см. Н.Р.М., XIII, 454. О первых годах правления Людовика, см.: Poupardin. *Provence*. P. 160 и далее.

6. *Видение Карла Толстого* находится на с. 144 *Chronique de S. Riquier* / Ed. F. Lot. Paris, 1894.

7. Пупарден (Poupardin), ссылаясь на отношения, которые сложились между Беренгарием и Ангельбергой, делает вывод о том, что императрица не поддерживала своего племянника, см. *D.B.I.*, IV; Покеттино (Pochettino. *L'imperatrice Angelberga* // *Arch. Stor. Lomb.*, 1921. P. 148) считает, что уже в 890 г. ее не было в живых. Однако, согласно традиционной точке зрения, она умерла только в 915 г.; P. M. *Campi. Historia... di Piacenza*,

I. Р. 350. Адальберт Тосканский одним из первых встал на сторону Людовика III (см. *D.H. III*, II). Самой первой итальянской грамотой Людовик III передал Агельтруде двор в Кортенаджоре, по всей видимости, за оказанные услуги. Об Адальберте Иврейском см. Liutpr., II, 35; A. Levi. *Contributo alla storia dei re d'Italia nel sec. X* // Atti R. Acc. di Torino, LXIII, 1928, scienze morali. P. 121–122.

8. См. краткое описание избрания Людовика королем Италии в *D. Lu III*, II: «В священном дворце (в Павии) выбраны мы на божественную должность всеми епископами, маркграфами, графами и людьми высшего и низшего сословий...». О поездке в Рим см. *D. Lu III*, V, 901, 19 января, Болонья: об обсуждении даты двух коронаций см. Schiaparelli, B.I.S.I., 29. P. 136 и далее. Пупарден считает доказательством согласия, существовавшего между Людовиком III и Папой, чеканку монет с именами Папы и императора; однако в этом нет ничего удивительного, поскольку имя императора, если он был, всегда указывалось на папских монетах, см.: *Garpus Numm. Ital.* XV. P. 83 и далее. О пребывании в Риме см.: *D. Lu III*, VI–VII.

9. Пупарден (Poupardin, *Provence* . P. 182–184), вслед за Лиутпрандом (Liutpr., II, 38–39), относит ко второму походу Людовика III в Италию пребывание в Лукке. Схьяпарелли (Schiaparelli, B.I.S.I., 29. P. 144) предполагает, что Людовик специально ездил в Тоскану в апреле или мае во время своего первого похода. Я склонна связывать поездку в Тоскану с его возвращением из Рима, поскольку второй поход был слишком кратковременным, чтобы Людовик успел посетить Тоскану; также следует учитывать обычай императоров возвращаться из Рима не по той дороге, по которой они туда приезжали, чтобы дважды не отягощать своим визитом одну местность.

10. Liutpr., II, 35: дата бракосочетания Адальберта и Гизлы неизвестна; маркграф в последний раз упоминается без намека на родство с Беренгарием 14 августа 908 г., а 13 июня 910 г. назван зятем (D.B.I., LXVIII, LXXI). Однако бракосочетание должно было произойти несколько раньше, поскольку в 918 г. Беренгарий (II), их сын, уже был графом и выполнял поручения императорского посланца (D.B.I., 34. P. 418), и ему должно было исполниться, по крайней мере, пятнадцать лет. С другой стороны, отношение Адальберта к Людовику в 900–902 гг. исключают возможность того, что он уже в то время был женат на Гизле: уже будучи королевским зятем, он не видел бы выгоды в том, чтобы свергать Людовика. Брак с Гизлой был ценой его измены. «Адальберт», которого, «осыпав бесчисленными дарами», Беренгарий перетянул на свою сторону, а Лиутпранд идентифицировал как Адальберта Тосканского, не кто иной, как Адальберт Иврейский. Нужно отметить, что Лиутпранд (Liutpr., II, 35) сближает события во времени и заставляет Беренгария выступить с огромным войском против Людовика, едва тот оказывается в Италии. См.: *Cat. Non Reg. Lang.* in *SS. rer. lang.* P. 503. Автор «Деяний» (*Gesta*) туманно намекает на первый поход: IV, 7 и (IV, 2), вторично упоминает Берту с ее «ядовитым шипением», рассказывая о 905 годе. Беренгарий 17 июля уже был в Павии, *D.B.I.*., XXXV; Людовик же, согласно документам, оказался в Провансе только в ноябре (*Réc. actes des rois de Provence* , n. 39 / Ed. Poupardin. Paris. 1920).

11. Liutpr., II, 36; *Gesta* , IV, 2–4. О венграх, G. Fasoli. *Op. cit.* P. 116, n.

12. Один из павийских документов от 18 мая датирован еще временем правления Беренгария (Н.Р.М., XIII, col. 595, doc. 413), а первая грамота Людовика в Павии относится к 4 июня (*D. Lu III* , XX). см: *Gesta* , IV, 23; *D.B.I.* , LV; LVI. О беспечности Людовика см. Regin, a. 905: о ложном известии о смерти Беренгария говорится в *Gesta* , IV, 39–40. Регинон рассказывает о его бегстве в Баварию, в *Ann. Alamannici* и *Einsidlenses* (M.G.H., SS ., I, III) ad annum говорится о баварских наемниках и о их службе. Дата 21 июля указана в *Cat. Reg.*

Lang. // SS. rer. lang . P. 503: см. Schiaparelli, B.I.S.I., 29. P. 148, 150 о критике точки зрения ученых, предложивших другую дату. По всей видимости, 31 июля или 1 августа Беренгарий (*D.B.I.* , LXI) одарил тех самых подданных (*cives*), которые ему помогли. Иоанн Браккакурта, упомянутый в *Gesta* , IV, 66 и *D.B.I.* , LXI и в *Cod. necr. lit. di S. Giulia* / Ed. da A. Valentini. Brescia, 1887. P. 68.

13. *Réc. des actes des Rois de Provence* , n. 38. Torino, 9001: «*illustrissimus comes nobisque viscerabiliter dilectus Hugo*». См. Gingins-La Sarraz. P. 100, 107; Poupardin. *Provence* . P. 204; L. de Manteyer. *La Provence* . P. 102. Фундаментальный источник о генеалогии Гуго опубликован в *Réc. Hist. France*, IX , 689 и в *Cartulaire de S. André-le-Bas* / Ed. C. U. J. Chevalier. Vienne-Lyon, 1869. P. 223, n. 14.

14. Об Адалельме, графе Валенсьенском см. Poupardin. *Provence* . P. 178, 203; Ротерий был одним из тех, кто подписал грамоту в Варенне (*Réc. Hist. France* , IX, 663). Граф Роббальд, имя которого редко встречалось в итальянских грамотах, — предположительно из Прованса, как и Лиуфред (*Réc. des actes des rois de Provence* , n. 42). Имя канцлера Арнульфа упоминается в прованских грамотах. Из новых людей, появившихся при дворе Людовика III, известны только Эилульф, получивший должность в Асти (C. Cipolla. *Di Audace, vescovo di Asti* / Mise. St. It., XXVII, 1890. P. 161, F. Savio. *Gliantichi vescovi* . Torino, 1899. Vol. I. P. 127). Ангильберт получил должность в Верчелли (F. Savio. *Op. cit* . I. P. 149): в грамотах встречаются имена Альбериха, Эилульфа, Рудольфа (*D.Lu.III* , XVI–XVII).

15. Poupardin. *Provence* . P. 48, Генеалогическое древо Бозонидов, P. 203–204; Manteyer. P. 95 и далее. См. *Réc. des actes. Op. cit* ., nn. 37, 38, 40, 42, 47, 50, 51, 53, 55–58, 60, 64, 65 и *Cart. S. André-le-Bas* , nn. 14, 18, *Cart. S. Bernard de Romans* // P. E. Giraud. *Essai historique sur l'abbaye de S. Bernard de Romans, accompagné du Cartulaire* . Lyon, 1856, nn. 10, 11, 14. О титулах см. Manteyer. *Op. cit* . P. 105.

16. Poupardin. *Provence* . P. 224, n. 5 и *Bourgogne* . P. 28, n. 2: L. de Manteyer. *Maison de Savoia // Moyen Age* , S. II, V. P. 302–303.

17. См. ad nomen, указатели *Diplomi di Berengario I e di Ludovico III* . О венграх см. G. Fasoli. *Op. cit* . P. 134 и далее.

18. *Ant. est* ., I, 239; Hofmeister. S. 396; Schiaparelli, B.I.S.I., 23, p. 12, 31 H.P.M., XIII, 627; *D.B.I.* , LXXIII, LXXV, LXXXVIII.

19. Об Иоанне Равеннском, Сергии III и Альберихе см. Fedele. *Ricerche per la storia di Roma e del Papato* // Arch. Soc. Rom. Stor. Pat., XXXIV, 1910, XXXIV, 1911, *passim* ; T. Venni. *Giovanni XII* Arch. R. Dep. Romana St. Pat., 1936, *passim* .

20. *Gesta Berengarii* , II, 27–30, glossa.

21. Venni. *Op. cit* . P. 62.

22. Все это стало известно из собрания писем Иоанна Равеннского и Сергия III, которое опубликовал А. Лёвенфельд (A. Loewenfeld) в *Neues Archiv* , IX, 1885. S. 533 и далее. Множество споров вызывает датировка этого собрания писем весьма обширным периодом от избрания Иоанна архиепископом Равеннским до смерти Папы Сергия III. Венни (Venni. *Op. cit* . P. 19), последний, кто занимался этим вопросом, относит первые пять писем к 907 г., основываясь на упоминаниях о расколе в равеннской церкви, появившихся как раз в январе 907 г. Венни отделяет планы о поездке в Рим, о которых говорится в четвертом письме, от

приготовлений, упомянутых в седьмом и восьмом; он отмечает, что ситуация абсолютной неопределенности, описанная в третьем и четвертом письмах, не соотносится с уверенностью, с которой Иоанн говорит о поездке в Рим в восьмом письме. Он склонен полагать, что намеченные планы рухнули из-за смерти Сергия III, и считает, что два последних письма были написаны незадолго до его кончины. Нам кажется, что сближение между королем и архиепископом произошло сразу же после поражения Людовика Прованского, когда они заключили договор о взаимопомощи: намек на это содержится во втором и шестом письмах. Захват части имущества равеннской церкви в районе Болоньи, произведенный графом Дидоном в 906–907 гг., привело к тому, что архиепископ стал налаживать отношения с противниками Беренгария (письмо четвертое). Затем он вновь обратился к королю с просьбой помочь вверенной ему церкви, которая оказалась под угрозой раскола (письма пятое и шестое). Письма седьмое и восьмое относятся к гораздо более позднему периоду, который совпадает с последними месяцами жизни Сергия III.

23. Лиутпранд (Liutpr., V, 4) говорит об Эрменгарде как о дочери Берты и Адальберта Тосканского. Гуго называет ее родной сестрой, что имеет большое значение, поскольку в те времена немаловажную роль играло различие между родными и единоутробными братьями и сестрами. Эрменгарда была дочерью Бозона, но прожила длительное время в Тоскане, и поэтому ее стали считать дочерью Адальберта. Дату ее бракосочетания с маркграфом Иврейским, чья супруга Гизла в 910 году еще была жива (*D.B.I.* ., LXXI), можно предположить, исходя из возраста сына Эрменгарды Анскария, которому в 924 году было, по крайней мере, двенадцать лет, поскольку его имя фигурировало в одной из грамот Рудольфа (*D.R.* ., IV). В 936–937 гг. Гуго даровал ему титул маркграфа Сполето, и, поскольку он доверил Анскарию управление столь важной территорией, на тот момент сыну Эрменгарды уже должно было исполниться двадцать четыре года. Поэтому дату бракосочетания следует отнести к 911–912 гг.

24. Ph. Lauer. *Robert I et Raoul de Bourgogne, rois de France* . Paris, 1910. P. 27–29; Gingins La Sarraz. P. 134. Впоследствии Берта унаследовала владения Гуго в Провансе (Manteyer. *Op. cit.* . P. 123, n. 2).

25. Cart. S. Andr²³³;le-Bas. *Op. cit.* ., n. 14. P. 223.

26. Venni. *Op. cit.* . P. 36, 52.

27. Liutpr., II, 55, — *D.B.I.*, CVIII. — В нашем распоряжении нет документов, напрямую свидетельствующих об отношении Альбериха к происходящему, но его отношения с Феофилактом и Папой говорят о полном согласии между ними. О пребывании в Лукке см. Mem. e doc. per la storia di Lucca, V, 3, doc. 1166, a. 915, nov. 10: «Тогда король Беренгарий, преисполнившись страха перед Господом... наполнив душу милосердием и справедливостью, отправился в Рим. Когда он приехал в Тоскану, то остановился в городе Лукке в поместье Адальберта...». Слова неизвестного поэта о том, что Карл III Толстый якобы назначил Беренгария своим наследником, свидетельствуют о специально распущенных слухах, которые должны были заставить замолчать сомневающихся в законности коронации (*Gesta Berengarii* , I, 32 и далее).

28. *D.B.I.*, CVII, CXXIX; *D. D. L.*, XLII.

29. *D.B.I.* ., CIX, 2 января 916 года, Муджелло; *D.B.I.* ., CXI, 22 июня 915 года, Равенна.

30. Liutpr., II, 55. Существует документальное подтверждение того, что Беренгарий находился в Мантуе в октябре 920-го и в феврале 921 г. (*D.B.I.* ., CXXXIV–V).

31. Liutpr., II, 57–62.

32. *D.R.* ., III, VI о Парме; о Реджо *Carte degli Archivi reggiani*; a cura di P. Torelli. Reggio, 1921, doc. 46. О Модене документов нет. Болонские документы датированы временем правления Беренгария, G. Cencetti. *Le carte bolognesi del sec. X*. Bologna, 1936, 1, 1 декабря 922 г. Документы Лукки и некоторые документы Сполето также датируются правлением Беренгария.

33. Liutpr., II, 65–67; *Cat. Reg. Lang.* // *SS. rer. lang.* ., 512; Costantino Porfirogenito // *Migne. Patr. gr.* ., 112; Flod., *Annales* ., а. 923. Раздел королевства был произведен в соответствии с постановлением, которое существовало еще до начала сражения, однако для подтверждения этой гипотезы не хватает частных документов, которые были составлены после битвы при Фьоренцуоле.

34. Liutpr., II, 67.; Lauer. *Op. cit.* . P. 27–9; G. Fasoli. *Op. cit.* . P. 139 и далее.

35. Liutpr., II, 68–71. Фламберт присутствовал на двух судебных собраниях в Вероне; в 913 и 918 гг. (*D.B.I.* ., LXXXVIII, CXVII), а также поставил свою подпись в 921 г. под завещанием Нотхерия, епископа Вероны (Ughelli. *Italia Sacra* ., V, 737). Дата смерти указана в Некрологе Монцы, Frisi. *Memoriale Storiche di Monza* ., Milano, 1794, III, 113.

IV. СТРЕМИТЕЛЬНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ ГУГО ВЬЕННСКОГО К ВЛАСТИ

1. Веронский документ от 12 августа 924 г. в *Cod. dipl. nonant.* ., LXXXIX, еще датирован периодом «после смерти достославного императора Беренгария» (*post obitum Berengarii gloriosissimi imperatoris*). Рудольф II находился в Вероне с 8 октября по 12 ноября 924 года (*D. R.* ., VII–IX). Грамота для Венеции, *D.R.* ., XII, 28 февраля 925 года. Епископы Пьяченцы и Пармы были в свите Рудольфа (*D.R.* ., X, XI). В Реджо документы датированы временем правления Рудольфа. Об остальной части Эмилии сведений нет. См.: *Mon. St. Lucca* ., V. P. 114–118 docc. 1201–1208; *Liber larg. Mon. Farf.* ., nn. 78–81, nn. 924–927.

2. В *Chron. Mon. Cass.* . // M.G.H. *SS.* ., VII. P. 623 Иоанну X приписывается немаловажная роль в переговорах об избрании Гуго; подробно об этом нигде не упоминается, однако присутствие посланника Иоанна X на встрече Гуго и состоявшаяся вслед за этим встреча в Мантуе свидетельствуют о том, что знакомство понтифика с Гуго не было поверхностным. Адальберт еще был жив в 929 г. (*D.U.* ., XIX). Об Эрменгарде и Рудольфе см. *D. R.* ., VI, X; Flod. *Ann.* ., 926; Liutpr., III, 7.

3. Единственным свидетельством является Liutpr., III, 7—16: учитывая то, что Эрменгарда раздувала рознь среди итальянцев, осыпая милостями одних и оставляя других ни с чем, Лиутпранд утверждает, что Ламберт, архиепископ Миланский, как и немногие другие, продолжал хранить верность королю, а сторонники Эрменгарды тем временем захватили Павию (III, 8). Рудольф собрал войско и отправился к столице. Он разбил лагерь в месте слияния рек По и Тичино и готовился к битве с мятежниками, когда получил послание от Эрменгарды. В письме она сообщала, что его люди давно поддерживали с ней тайную связь, и по одному ее знаку они схватили и убили бы его. Потрясенный Рудольф на следующую же ночь тайком встретился с Эрменгардой (III, 9—10) и долго с ней разговаривал. Поздним утром чиновники и придворные короля пребывали в недоумении по поводу отсутствия своего господина: одни предполагали, что его похитили, другие опасались, что его уже убили. Наконец кто-то увидел, как король мчится к лагерю вместе с

теми, кого он недавно считал мятежниками, намереваясь разделаться с теми, кого он еще накануне называл своими верноподданными. Узнав об этом, люди короля не стали дожидаться, пока станет ясно, действительно ли их господин собирается их убить, и «как только увидели их приближение, умчались прочь» (III, 11). Бежали они до самого Милана и оттуда, с одобрения архиепископа, направили официальное приглашение Гуго Вьеннскому (III, 12). Рудольф поехал в Бургундию и попросил о помощи Бурхарда. Вместе они вновь отправились в Италию, но у Ивреи Рудольф остановился. Бурхард проследовал в Милан, и т. д., и т. п. (III, 13–14). В рассказе Лиутпранда многие подробности вымышлены: послание Эрменгарды королю, их ночная встреча, внезапная перемена взглядов Рудольфа и т. д. Вся информация, которую мы сумели извлечь из этого рассказа, изложена в тексте. То, что после осады Павии и переговоров с королем Эрменгарда приостановила свои отношения с мятежниками — умышленно или нет, — подтверждается фактами из жизни Рудольфа, который смог вернуться в Бургундию через земли, находившиеся под контролем графини, а потом оставался в Иврее, ожидая завершения миссии Бурхарда. То, что Рудольф пересек долину Аосты, засвидетельствовано в *Cat. reg. lang. // SS. rer. Lang.* P. 512: «Рудольф оттуда через Апеннинские Альпы в Бургундию вернулся...» См.: Poupardin. *Bourgogne* . P. 55, n. 1; Schiaparelli, *B.I.S.I.* , 34. P. 12. Частные письма датируются временем правления Рудольфа вплоть до июня: *H.P.M.* , XIII, col. 885, n. 519; *Reg. S. Mariae Velatensis // Reg. Chart. Italia* №233; doc. 2. В качестве даты смерти Бурхарда называют 28 или 29 апреля. См.: Poupardin. *Bourgogne* . P. 56, n. 3.

4. Liutpr., II, 16. Здесь можно вспомнить о любопытном заблуждении Женжена Ла Сарраса (Gingins La Sarraz. P. 139) и Скъяпарелли (Schiaparelli, *Ricerche* , V. P. 12), по словам которых папским нунцием был Иоанн Равеннский. Лиутпранд говорит: «...туда приехал нунций Папы Римского, то есть Иоанна Равеннского» (...*adfuit romani pape, Johannis scilicet Ravennatis, nuntius*), где *Johannis Ravennatis* грамматически согласовано с *romani pape* и является дополнением в родительном падеже при слове *nuntius* . Лиутпранд (Liutpr., II, 47–48) называет Иоанна X *Johannes Ravennas* (Иоанн Равеннский). О порте, где произошла высадка, см. L. F. Ganshof, *Notes sur les ports de Provence du VIII au Xs* №232; *cle // Revue historique*, 183, 1938. P. 28.

5. Скъяпарелли (Schiaparelli, *B.I.S.I.*, 34. P. 12) и Пупарден (Poupardin. *Provence* . P. 58) не сомневаются в намерениях Эрменгарды, нам же ее поступки кажутся весьма двусмысленными.

6. M.G.H. *SS. rer. lang.* . P. 514–15: «A.D., 926, ind. 14, Гуго избрали королем 5 июля (2 июльские нонны), и правил он 21 год (*electus fuit rex Ugo ad regem 2 non. iul. et regnavit ann. 21*)»; Schiaparelli, *B.I.S.I.*, 34, p. 131. В рассказе Гальвано Фиамма (Galvano Fiamma. *Misc. St. It.*, VII, 578–579) о коронации Гуго царит поразительная неразбериха, которая происходит из-за полного несоответствия в принципе узнаваемых дат. Сначала автор говорит, что Ламберт, архиепископ Миланский, на собрании представителей света и духовенства провозгласил «избрание императора полностью законным». Но далее рассказ хрониста продолжается упоминанием о том, что Хильдуин Льежский (избранный в 931 году) «на объединенном совете прелатов и баронов в церкви св. Амвросия избрал королем Италии Гуго, короля Бургундии, сына Людовика III, и одновременно короновал его сына Лотаря... вместе с ним...». Фрагменты истории, на которых Гальвано Фиамма основывает свой рассказ, очевидны: зная о дружеских отношениях Гуго и Хильдуина, Гальвано Фиамма (или автор первоисточника, к которому он обратился) вообразил, что Гуго был избран и коронован милостью своего друга архиепископа, и объединил коронации Гуго и Лотаря в одну церемонию. Лотарь в действительности получил корону между 8 и 13 апреля из рук архиепископа Ламберта; сам же Хильдуин стал архиепископом лишь после 10 июня того же года, когда Ламберт уже умер. Собрание баронов и прелатов, которое, по словам Гальвано,

Хильдуин провел в церкви св. Амвросия, как раз и есть то самое собрание, устроенное Ламбертом после разрыва его отношений с Рудольфом. Именно поэтому собрание проводилось в церкви св. Амвросия, как и то, на котором в 945 г. корону получил Лотарь. Гальвано решил, что коронация проходила также в этой церкви. Однако общеизвестным фактом является то, что во времена королей Италии функции дворцовой церкви выполнял собор св. Михаила, см.: G. Romano. *Di un supposto palazzo imperiale...* Boll. Soc. Pav. St. Pat. 1902. P. 143.

7. Liutpr., III, 19.

8. *Chron. Noval* ., с. 3.

9. Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 19, 35-6. О королевском дворце, *D.U.Lo* ., XXXIX, LXXX.

10. Liutpr., III, 21–23. Романо (Romano. *Op. cit* . P. 663) считает, что Гуго направил первую дипломатическую миссию в Византию только в 933 г., чтобы скрасить последствия переговоров Альбериха. Это предположение кажется нам маловероятным: Гуго, по всей видимости, еще раньше наладил контакт с самой мощной политической и военной державой своего времени.

11. Liutpr., III, 17. О Петре См.: Venni. *Op. cit* . P. 25, n. 2; Hartmann. *Op. cit* . III, 213.

12. Liutpr. *passim* ; Benedetto di S. Andrea di Monte Soratte, in F.I.S. 1. P. 161. См.: Fedele. *Ricerche. Op. cit* . XXXI, о Сергии III; Гауденци (Gaudenzi. *Sul passaggio* , 161, *Op. cit* . P. 564 и далее) довольно много выдумал о Мароции. Дюшен (Duschesne. *Serge III et Jean XI* // *Mélanges d'Arch. et d'Histoire*, XXXIII, 1913), согласно традиции, называет Сергия отцом Иоанна.

13. Назвать точную дату бракосочетания Гвидо и Мароции не представляется возможным: сведения о рождении девочки Берты от этого брака ничем не могут помочь исследователям (v. n. 26). См.: Romano. *Op. cit* . P. 660; Venni. *Op. cit* . P. 124. После смерти Альбериха Сполетского Гвидо стал самой значительной политической силой в Центральной Италии, поэтому нельзя исключить возможность того, что он мог обратить пристальное внимание на Рим и жениться на Мароции еще до появления Гуго. Однако, по всей вероятности, четкий план действий возник в голове Гвидо лишь после того, как заключенный Папой и Гуго договор показал, насколько серьезны были намерения нового правителя единолично, в русле собственных интересов выстраивать отношения между Римом и Павией. Женитьба на Мароции дала бы Гвидо возможность, пользуясь высоким положением супруги, не дать Гуго вмешаться в дела Рима, получить императорскую корону и лишить автономии его маркизат. Следовательно, нужно полагать, что бракосочетание состоялось после встречи в Мантуе.

14. *D.U* ., VI, 25 декабря 926 г., Тренто. О Венеции, *D.U* ., VIII, 26 февраля 927 г., Павия.

15. Источники, на основе которых были воссозданы произошедшие события: а) *D.U* ., IX, датировано 22 июля 927 г., Карцавеккья (Флоренция); б) *D.U* ., X, даты нет, но прилагается акт из Орте: поддельный, но составленный на основе подлинного документа; его можно отнести к 927 г.: См. Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 15, 191–193; в) рассказ Бенедикта из монастыря Сант-Андреа ди Монте Соратте (Benedetto di S. Andrea di Monte Soratte, F.I.S.I. P. 159): «Римляне пылали такой ненавистью к маркграфу, что не нужно было ему ездить в Рим. Петр приехал в город Орте и встал лагерем в его главной части... Он немедленно послал

гонца к венграм с просьбой, чтобы они вторглись в пределы Италии и захватили ее: после этого весь народ венгров пересек границу. Тогда же маркграф Петр вошел в город...»; d) Лиутпранд (Liutpr., III, 43) рассказывает о штурме Латеранского дворца. См. также: Flod. Ann., а. 928; е) *D.U.*., 12 февраля 928 г., Верона, где говорится о венгерском нашествии. См.: Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 17, n. 2; Venni. *Op. cit.* . P. 125–131; G. Fasoli. *Op. cit.* . P. 57.

16. *D.U.*., XIV: см. о дате смерти Людовика Poupardin. *Provence* . P. 226, n. 5.

17. Poupardin. *Provence* . P. 209; De Manteyer. *Op. cit.* . P. 126–127.

18. Flod., Ann . а. 928; Lauer. *Op. cit.* . P. 54; *D.U.* XIX–XX.

19. *D.U.*., XVI–XVIII: согласно грамотам, жалованным прованским монастырям, правонарушитель должен был выплачивать одну половину штрафа пострадавшей стороне, а другую — королевской палате. Мы не располагаем другими примерами, которые относились бы к сфере заграничных владений правителей, и не можем сравнить формулировки грамот, применявшиеся ими и Гуго. Однако существование подобного распоряжения позволяет предполагать, что Гуго считал себя королем Прованса. Пупарден (Poupardin. *Provence* . P. 228) придерживается противоположной точки зрения, поскольку в 925 г., когда правителем Вьеннского маркграфства являлся Рауль Французский, Гуго использовал такие же формулировки. Но в 925 г. Гуго хотел, помимо всего прочего, утвердить свои права не только на маркграфство, но и на все Прованское королевство. См. Gingins La Sarraz. P. 214, 250.

20. *D.U.*., XIX, XX. О смерти Иоанна X, см.: Venni. *Op. cit.* . P. 132, note. Лишний раз вспомним известнейший труд Хартманна (Hartmann) о вотчинной организации Боббио.

21. О Герланде см.: Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 58–59 и 61–62; *Miracula S. Columbani* , с. XXII // *Cod. Dipl. Bobiensis* , F.I.S.I., I, 296: произведение монаха из Боббио, жившего во времена Гуго. Мощи были перевезены 29 июля (*Cod. dipl. bob.* , I, 301): что же касается года, можно сказать, что это произошло до 931 г., поскольку Лотаря не называли королем, как его отца; после 927 г., а Герланд тогда еще не был аббатом Боббио; и не в 928 г., так как в июле Гуго уехал или собирался уезжать в Прованс; следовательно, в 929 или 930 г. Предпочтительней 930 г., потому что есть свидетельство о пребывании Гуго в Павии в июле-августе (*D.U.*., XXI–XXIII).

22. *Miracula. Op. cit.* . с. XXII. Вальперт был судьей еще при Людовике III (*D.Lu.III* , VI), и с 906 г. его имя регулярно упоминается в грамотах Беренгария (v. *D.B.I.* , indice ad nomen). Он вскоре поступил на службу к Гуго, и уже 14 мая 927 г. его имя появляется в одной из грамот рядом с именем Эверарда Гезо, который, должно быть, только начинал свою карьеру, поскольку ранее нигде не был упомянут (Н.Р.М., XIII, col. 891, doc. 524). О королевских судьях см.: C. Mengozzi. *Ricerche sull'attivita' della scuola di Pavia nell'alto M.E.* . Pavia, 1924. P. 19 и далее.

23. Liutpr., III, 39. О дальнейших отношениях Розы с королем см. Liutpr., IV, 14; *D.U.Lo.* , LXXIX: сын Розы и Гильберта верой и правдой служил Гуго и Лотарю в должности графа дворца. Историки расходятся во мнениях относительно точной даты заговора. Скъяпарелли (Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 21) относит его к 929–930 гг., приводя весомые аргументы, и мы разделяем его мнение.

24. Скъяпарелли (Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 145) ссылается на широко известную точку зрения на дату избрания, которую он относит к 13–18 апреля. Остается определить возраст

Лотаря, который, согласно *Чудесам св. Колумбана* (*Miracula S. Columbani* , с. XVI), в 930 г. был еще ребенком: «...Лотарь, талантливый мальчик, сын короля, которого родила королева Альда, страдал от жестокой лихорадки; по приказу отца его на руках отнесли в вышеупомянутую церковь. Там воспитатель, сняв с него одежду и поместив ее на гробницу, положил [младенца] возле, чтобы он отдохнул. В то время как братья молились за его здоровье, он спал. Закончив молиться, они пробудили [Лотаря] ото сна и дали освященного вина, после чего он обрел полное здоровье. Затем его отнесли ко дворцу и здоровым вернули отцу с матерью». Судя по этому рассказу, ребенку было два или самое большее три года.

25. Hofmeister. S. 403, n. 3. Об отсутствии потомков у Гвидо см. Bresslau. *Konrad der II* . S. 414. Но также Liutpr., III, 44, v. s., n. 26.

26. Liutpr., III, 44–45; Benedetto di S. Andrea, F.I.S.I. P. 166. См. Flod. *Ann* . а. 933. Обе дочери Мароции, от первого брака с Гвидо и от второго с Гуго, носили имя Берта. Они воспитывались в Риме под опекой Альбериха. Существует свидетельство о даре, который принесли монастырю св. Сильвестра на холме (in Capite) Альберих и его братья, «то есть благородный муж Константин, епископ Сергей, а также Берта и другая Берта» (v. il reg. del doc. в V. Federici. *Regesti di S. Silvestro in Capite* // Arch. Soc. Rom. St. Patr., XXII, 1899. P. 271–272). Об одной из девушек по имени Берта, «благороднейшей девице» (*nobilissima puella uterina*) и единоутробной сестре Альбериха, упоминается в документе из *Ann. Camaldulenses* Mittarelli, I. P. 69. Об Альберихе см. известный труд В. Сикеля (W. Sickel // «Mittheil. f. oëst. Geschichtforsch.», XXIII, 1902; G. Rossi // *L'Arcadia* , 1918; G. Falco. *Albori d'Europa* . Roma, 1942. P. 357 и далее: *Storia e storici di Roma medioevale*; *La prima dinastia di Roma medioevale: Alberico II* .

27. Liutpr., III, 22–23, IV, 1.

V. СОГЛАШЕНИЯ, ВОЙНЫ, ЗАГОВОРЫ

1. Romanin. *Storia documentata di Venezia* . Venezia, 1853, I, 367; *Fontes rer. aust* ., XIX, 10, m. 11. См.: G. Posar-Giuliano. *Origini del dominio veneziano nell'Istria* (932–1150) // «Porta Orientale» X, 1940. P. 211 и далее.

2. Flod., *Ann* ., а. 933. Имя Рауля тотчас же стало упоминаться при датировании документов во Вьеннской области, см.: *Cartulaire de Cluny* / Ed. A. Bernard et A. Bruel. Paris, 1897 (*Collections de documents inédits sur l'histoire de France*), I, n. 437: «...II год правления Родульфа (Рауля), вьеннского короля» (...anno II, regnante Rodulfo rege viennense). См. также: Liutpr., III, 48. Дата передачи прав на Прованс ясно не упоминается ни в одной хронике. Приглашение Рудольфа в Италию, безусловно, стало следствием неудачи Гуго в Риме, от которой его отделяет маленький временной промежуток. Оба эти события связаны и с захватом Вьеннского маркграфства Раулем в 933 г.: следовательно, к 933 г. относится и заключение соглашения с Рудольфом Бургундским.

3. Liutpr., III, 48; Widukindus // M.G.H. SS ., III, I, 40.

4. G. B. Pitra. *Analecta novissima: Spicilegii solesmensis altera continuatio* . Paris, 1885, I, 469. По всей видимости, дочь Мароции вскоре умерла. О матримониальных планах Альбериха рассказывает Бенедикт из монастыря Сант-Андреа ди Монте Соратте (Benedetto di S. Andrea di Monte Soratte. P. 171).

5. Flod. *Annales* , а. 933. Лиутпранд (Liutpr., IV, 2) не делает различия между походами

933–934 гг. и 936 г. Он говорит не об осаде, а о серии набегов на близлежащие деревни и большие города, а также о постоянных попытках штурмовать город. Отнесем поход к концу 933 г., поскольку в сентябре король еще находился на севере (*D.U.Lo* ., XXXVI, 20 сентября 933 г., Prata Paludis, Modena-Frignano). См.: Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 29. Об Эде, аббате Ключи, см. ниже.

6. Liutpr., IV, 4–5; M. Amari. *Storia dei Mussulmani in Sicilia* . n. ed. Catania. 1935,1, 211. Некоторые ученые относят битву в Акви к 936 г., поскольку Лиутпранд упоминает о ней после описания мирного договора, заключенного с Альберихом в 936 г. Но после битвы в Акви Лиутпранд говорит о разграблении Генуи, которое арабские источники относят к 935 г.

7. G. Fasoli. *Op. cit* . P. 148.

8. Rath. // Migne. *Patr. lat* . Vol. CXXXVI, V.

9. Liutpr., III, 49–52. См. об Адальберте Зальцбургском: *Ann. Salisbur* . // M.G.H. SS ., XI. P. 771. Адальберт скончался 14 ноября 935 года «возвращаясь после вторжения в Италию» (*de invasione Italiae rediens*). Однако не следует буквально воспринимать это хронологическое уточнение. Ратхерий (см. ниже) уточняет, что войска Гуго вошли в Верону 2–3 февраля. «*Castrum Gauseningum* » есть не что иное, как Госсоленго, населенный пункт между Пьяченцей и Боббио, но что там могла делать «немалая часть» (*pars non minima*) войска Арнульфа вместе с самим герцогом, трудно даже предположить. Речь в данном случае идет о Буссоленго, который находился в двенадцати километрах к западу от Вероны. О ранении Арнульфа, см.: G. Thurmair (Aventinus). *Annales Boiorum* . Lipsia, 1710. P. 457.

10. Ratherii Veronensis, Prael. III 27; V, 5, 7, 12; Ep. ad pontificem. См.: Liutpr., III, 48–52.

11. См. гл. VIII.

12. Liutpr., IV, 6.

13. Liutpr., IV, 9–10; Costant. Porph. *Decaerim* . // Migne. *Patrol. Graeca* . Vol. CXIII. Col. 1126.

14. Liutpr., IV, 11–12. См.: Hofmeister. *Op. cit* . 407. Davidsohn. *Gesch. v. Florenz* . I, 105, 111. Губерт уже носил титул маркграфа 18 сентября 935 г. (*D.U.Lo* . XXXIX), в связи с чем можно предположить, что Лиутпранд искажил хронологическую последовательность событий и что тосканский кризис предшествовал походу на Рим. О происхождении Губерта см. Liutpr., III, 20.

15. Лиутпранд (Liutpr., IV, 2–3) объединяет два похода 933–934 гг. и 936 г. в один. В труде, который называется «*Жизнь св. аббата Эда, написанная его учеником, монахом Иоанном* » и был опубликован в AA. SS. O. S. B., Venetiis, VII. P. 167, описаны переговоры Гуго и Альбериха, проведенные Эдом во время осады 933–934 гг., а на P. 165–166 — другие переговоры, состоявшиеся в январе-феврале 937 г. и, по мнению Лиутпранда (Liutpr., IV, 3), приведшие к заключению мирного договора. См. Schiaparelli. P. 35. Флодоард считает, что именно благодаря Эду в 942 г. вечные враги снова заключили мир после еще одного разрыва отношений: Flod. *Annales* , a. 941 (= 942).

16. Poupardin. *Bourgogne* . P. 65. *D.U.Lo* ., XLV–XLVII; Schiaparelli, B.I.S.I., 34. 34. О возрасте Аделаиды см.: Odilone. *Epit. Adal* . // M.G.H. SS ., IV, из которой следует, что она стала женой Лотаря в шестнадцать лет, то есть в 947 г., согласно грамоте Лотаря, где ее имя

упоминается впервые (*D.Lo* ., III): соответственно, в 937 г. ей было шесть лет.

17. Poupardin. *Bourgogne* . P. 66, n.; Köpke-Dümmler. *Otto der Grosse* . S. 110; Widuk., II, 35; Flod. *Ann* ., a. 940.

18. *D.U.L* ., XLVIII, 18 марта 938 г., Ареццо, XLIX, 31 мая 938 г., Перуджа. Об Эрменгарде см.: *Diplomi U.L* . ad nomen. О Беренгарии см. там же и: Liutpr., IV, 7.

19. Лиутпранд (Liutpr., V, 8) утверждает, что Гуго не слишком обрадовал этот успех, но из рассказа *Chron. Farf* . P. 42 следует иное: «...в сражении победил Сарилон, он убил Анскария и многих его людей, а затем завладел его маркграфством. Узнав об этом, король Гуго вспылал яростью и начал преследовать Сарилона из-за того, что он убил его родича. Сарилон понял, что ему некуда бежать, и когда оказался в маленьком городке в Тосканской области, ночью облачился в монашеское одеяние и на рассвете с веревкой на шее вверился королевской милости. Король смиловился над ним, простил ему его вину и предложил ему управлять всеми королевскими монастырями в Тосканской и Фирманской областях...». Причины, по которым Муратори (Muratori. *Annali* , V, 344) считает этот рассказ абсолютно неправдоподобным, мне не понятны. Спорным мне представляется только то, что в этом рассказе поход против Сарилона возглавляет Гуго. По всей видимости, поход все же возглавлял Губерт, которому впоследствии доверили управление маркграфством. В 939–940 гг. свидетельств о пребывании Гуго в Центральной Италии нет.

20. Hofmeister. *Op. cit* . P. 419.

21. Гуго был в Павии 6 февраля 941 г., в Пизе 14 марта, в Лукке 25 марта, в монастыре св. Агнессы вне крепостных стен Рима 25 июня, в самом Риме 26 июня, «в Кампании, у города римлян» (*in Campania, iuxta oppidum Romanie*) 20 июля (*D.U.Lo* ., LIII–LIX). Лиутпранд и Флодоард не упоминают об этом путешествии в Рим; не знают о нем и современные историки, начиная с Грегоровиуса и заканчивая Романо. Об Эде из Ключи см.: Flod. *Ann* ., a. 941.

22. *D.U.Lo* ., LIX; Schiaparelli. B.I.S.I., 34. P. 80, n. 18,20, 21, 23, 28, 29. Женжен (Gingins. *Op. cit* . P. 155, n. 79) пишет: «Если бы можно было считать подлинным документ, опубликованный Гольда, это значило бы, что Гуго и Лотарь, короли Италии, вместе с патрицием Альберихом создали указ о реформе римских монастырей, 21 июля 941 г., „датировано в Кампании, у города римлян“». Гольда (Goldast, III, 301) опубликовал эдикт Альбериха, который представляет собой не что иное, как приписываемую ему Лиутпрандом (Liutpr., III, 45) речь. На стр. 302 находится другой декрет, также помещенный сюда Лиутпрандом, и на той же странице, под заголовком «Постановления императора Гуго и короля Лотаря, о восстановлении церквей, о наказании предателям согласно королевскому указу», опубликованы начало речи *D.U.Lo* ., LIX и угроза (*minatio*) *D.U.Lo* ., LXXXI.

23. Flod.*Ann* ., 931.

24. Liutpr., V, 9, 14, 20. Schlumberger. *Un empereur byzantin au X siècle* . Paris, 1899. P. 5; A. Rambaud, *L'empire grec au Xsiècle* . Paris, 1870. P. 310; Gay. *Op. cit* . P. 223.

25. Liutpr., V, 16; Flod. *Ann* ., 942. Флодоард рассказывает об экспедиции против Фраксинета до описания собрания, которое Людовик IV Французский провел в сентябре; см. Poupardin. *Provence* . P. 238, 272, n. 5; *Bourgogne* . P. 74. Маршрут Гуго доказывает, что осада завершилась до мая 942 г., поскольку сохранилось свидетельство о пребывании Гуго в Венето в мае 942 г., с 23-го по 25-е, а с 10 по 15 августа он был в Павии и Пьяченце (*D.U.Lo* .,

LXI–IV); двух месяцев, июня и июля, не хватило бы на такое предприятие, как экспедиция против Фраксинета.

VI. КОНЕЦ ЭПОХИ ГУГО И ПРАВЛЕНИЕ ЛОТАРЯ

1. Liutpr., V, 9-17. По мнению Г. Патрукко (G. Patrusco// B. S. S. S., 17. P. LV–VI), это соглашение было направлено против Рудольфа II Бургундского. Однако Рудольф умер еще в 937 г., а Конрад Бургундский не был опасен Гуго.

2. Bresslau. *Op. cit.* . S. 366; *Chron. noval.* , V, 3; F. Gabotto, in B. S. S. S., IV, 16–17.

3. *D.U.Lo.* , LXI–II.

4. Лиутпранд (Liutpr., V, 12) рассказывает о пышном приеме Беренгария. Rosvita. *Gesta Ottonis* , w. 603–605: «[Беренгарий], который был изгнан из родных краев и лишен всяческих средств к существованию, оказался теперь неблагодарным и т. д.». Только Видукинд Корвейский (Widuk., III, 11) говорит о настоящем феодальном подчинении Беренгария. Вопрос вызывает множество споров: Hartmann. *Op. cit.* . P. III, 235, n.

5. Liutpr., V, 18; *D.U.Lo.* , LXV.

6. Liutpr., IV, 14, V, 27–28; G. Fasoli. *L'abbazia di Nonantola negli studi storici* // Studi e Documenti Dep. St. Pat. Emilia, sez. Modena, 1944. P. 11.

7. Liutpr., V, 14 о сожительницах Гуго и XV, 18 о тайном агенте Беренгария.

8. Liutpr., V, 19; G. Fasoli. *Op. cit.* . P. 176.

9. Köpke-Dümmler. *Op. cit.* . S. 134, n. О дарах, которые Гуго преподнес Оттону, Liutpr., V, 18. О Берте, Liutpr., V, 20; Rambaud. *Op. cit.* . P. 45–46, 310; Schlumberger. *Un empereur. Op. cit.* . P. 5.

10. *D.U.L.* , LXXVII–IX.

11. Liutpr., V, 28; Fietz. *Op. cit.* . P. 15; Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 50, n.

12. Последняя грамота совместно правящих Гуго и Лотаря датирована 29 марта (*D.U.Lo.* , LXXIX), но 8 апреля Беренгарий уже был в Павии (*D.U.Lo.* . LXXX, содержащий документ от 8 апреля).

13. *D.U.Lo.* , indice ad nomen.

14. Liutpr., V, 28. F. Savio. *Manasse d'Arles* . Atti R. Acc. Torino, Scienze morali, 1911–1912. P. 463. *D.U.Lo.* , LXXXI, 13 августа 945 года: первая грамота вновь царствующих вместе Гуго и Лотаря, в составлении которой участвовал Беренгарий, на ассамблее. О мирном договоре с Альберихом, см.: Flod., a. 946.

15. Аделаида впервые названа королевой в *D.Lo.* , III, 27 июня 947 года. См.: Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 67.

16. Liutpr., V, 11. О дате отъезда, Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 144–145. Заметим, что

избрание Годфрида, другого внебрачного сына Гуго, аббатом Нонантолы после сентября 947 г. уже не зависело от воли Гуго. См.: G. Fasoli. *L'abbazia di Nonantola. Op. cit.* . P. 11.

17. De Manteyer. *Op. cit.* . P. 137–44, 158.

18. Liutpr., V, 31. О дате смерти см. Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 138 и далее. См. также *Chron. cass.* // M.G.H., SS., VII, а. 947, согласно которой Гуго «уехал в Бургундию со всеми своими сокровищами, основал там монастырь, который стал называться аббатством св. Петра в Арле, и был к нему очень щедр, и стал там монахом». Хронист путает монастырь св. Петра во Вьенне, построенный Гуго, с монастырем Мон-Мажор, который возвели в Арле его потомки, см.: Gingins. *Op. cit.* . P. 217. Впрочем, это не исключает возможности того, что Гуго остался в монастыре на время, как поступали все важные лица в тех местах, где у них не было резиденции, и впоследствии надел рясу, когда убедился в бесплодности своих надежд на победу в Италии.

19. О слабом здоровье Лотаря сообщает также *Chron. noval.* , V, 3 «он выздоровел и достиг юношеского возраста». О Беренгарии, см.: *D.U.Lo.* , LXXX, III, *D. Lo.* , I e VIII.

20. *D. Lo.* , I, II, VIII, XIII.

21. Liutpr., V, 29, VI, 2.

22. *D. Lo.* , III, V: своей второй грамотой король жалует королеве владения, унаследованные от отца в Валлиснере. О Комо, *D.Lo.* , 2 (р. 376), XIII, XV, XVI. О дате смерти, *Chron. Noval.* , V, 3. Лиутпранд и Флодоард (Liutpr., V, 10; Flod., *Ann.* , 950) называют Беренгария отравителем Лотаря. Одилон и Хротсвита говорят о том, что Лотарь умер от болезни. См.: Schiaparelli, B.I.S.I., 34. P. 143. Неизвестно, как нужно рассматривать *Chron. cass.* . P. 623, где говорится о том, что Лотарь умер «в результате внезапного приступа безумства». По всей видимости, это высказывание можно соотнести с другим отрывком *Chron. noval.* , v. 21: Лотарь передал аббатство Бреме Ардуину, «ослабленный сильным безумием». Речь здесь идет скорее о риторическом восклицании, чем об объективном утверждении.

VII. ЭПИЛОГ

1. *Chron. noval.* , V, 4.

2. Современники не упоминали о планирующемся бракосочетании Аделаиды и Адальберта, поэтому сейчас историки исключают возможность этого союза. Беренгарий родился самое позднее в 903–904 гг. и женился на Вилле в период с 931 г. (приезд Бозона в Италию) по 936 г. (гибель Бозона). Адальберт, названный в честь своего деда, по всей видимости, был первенцем, в 950 г. ему было от пятнадцати до восемнадцати лет, и, по обычаям того времени, он уже мог быть женат.

3. R. Корке, E. Dümmler. *Op. cit.* . S. 151, n.

4. Liutpr., V, 29; P. Torelli. *Le carte degli Archivi reggiani* . Reggio Emilia, 1921.

5. См. *Cal. Merseburgense* in Köpke, Dümmler. S. 191, n. 4 о дате пленения и бегства. О приключениях после побега v. Rosvita. *Gesta Ottonis* // M.G.H. *Poet. Lat.* . IV; Odilone. *Epitaph. Mathildis* // M.G.H. SS. . IV, 638; *Chron. Noval.* // *Mon. noval. vetust.* . F.I.S.I.,

II, 247; Donizzone. *Vita Mathildis* . R. I. SS . n. ed. V, 2, v. 151. Об отношениях Аццо и Лотаря см. Donizzone, w. 140, 197.

6. Видукинд (Widuk., III, 6) лишь намекает на поход Лиудольфа, который Хротсвита (Rosvita, v. 608) описывает весьма благожелательно. См. *Cont. Regin* ., а. 951, полный интересных подробностей.

7. Köpke, Dümmler. *Op. cit* . S. 194.

8. Bresslau. *Konrad der II. Op. cit* . S. 361; U. Formentini. *Genova nel basso impero, e nell'alto M.E.* // *Storia di Genova* . Milano. 1941. vol. I. P. 193, note. О Гвидо, сыне Беренгария, см. *Chron. ven* . in F. I. S. I. P. 137. О Милоне. P. *Raterio* . Ep. V.

9. D.O., II, n. 109, Flod., а. 951, *Cont. Regin.*, а. 951, Widuk., III, 9.

10. D.O., I, 225, n. 145.

11. Köpke, Dümmler. *Op. cit* . S. 203.

12. Widuk., III, 10; *Cont. Regin.*, а. 952; Flod., а. 952.

13. Rosvita. *Gesta Ottonis* , v. 717: позже Беренгарий оправдывал свою скупость тем, что Оттон его «высочайший повелитель требует высокую цену за правление».

14. M.G.H. *LL* ., IV, 1, p. 18, 9. Widuk., III, 11, *Cont. Regin.*, а. 952, Liutpr., *Legatio* , 5.

15. Liutpr., III, 1, H. O., 1; *Cont. Regin.*, а. 952; Widuk., III, 7, *Translatio S. Epiphanii* // M.G.H. SS . IV, 248; *Gallia Christiana* , XII, 485. *Chron. Salern.* // M.G.H. SS ., III, 553. P. 169. Arnulphi. *Gesta episc. mediol* . // M.G.H. SS ., XIII. P. 8.

16. Arnulphi. *Gesta episcop. mediol* . P. 5; Liutpr., H. O., 1.

17. Liutpr., V, 29; Attone di Vercelli. *Epist.*, VI.

18. 10 августа 955 г. Милон назван маркграфом, и свое завещание он датирует временем правления Беренгария и Адальберта, Ughelli. *Italia sacra* . V. P. 737. Фриули осталось у германцев: D.O. I., n. 294 per Sesto, *Ann. Weissemburg* ., M.G.H. SS ., III, 61, где говорится, что в 959 г. патриарх Аквилеи отправился на собрание в Херсфельд. О смерти Милона, Raterio, ep. V. Об итальянских выходцах в Германии, Liutpr., H. O. I.; Rosvita, w. 709.

19. Rath., *cfr* . V.

20. Köpke, Dümmler. *Op. cit* . S. 267 о славянах, G. Fasoli. *Op. cit* . P. 205 о венграх. Об Адемаре Фульдском см. Köpke, Dümmler. S. 270.

21. Attone di Vercelli, ep. VI.

22. Widuk., III, 57; Rosvita. *Gesta Ottonis* , v. 1141; о смерти Лиудольфа Köpke, Dümmler. S. 289, n. 3. О районах, где признавали власть Беренгария, см. Н.Р.М., XIII, col. 1067, n. 537; Fantuzzi. *Mon. Rav* ., V, 24, и известные лукканские документы.

23. Attone di Vercelli, ep. VI; *D.B.A.* , XI.
24. *Chron. Venet.* , p. 137.
25. Flod., *Ann.* , 954; Benedetto di S. Andrea di Monte Soratte. P. 173. P. 34; *Chron. Salern.* . P. 553, *Chron. Ven. Op. cit.* . P. 137.
26. *Translatio S. Epiph.* // M.G.H. *SS.* , IV. P. 248–249; Liutpr. *Legatio* , 5.
27. Liutpr., *Hist. Ott.*, I; Benedetto di Monte Soratte. P. 170; Cont. Reginonis, a. 960; Ann. Saxo, *SS.* , VI, 615, a. 961. D. B., A. II, XVI, D.A., II, III; *Chron. Salern.* , с. 169, M.G.H. *SS.* , III. P. 553: критики считают эту историю неправдоподобной, но Адальберт по своей натуре должен был попытаться оказать сопротивление. В более поздних источниках Адальберта, делившего с отцом престол, с особой настойчивостью называют наследником. Настойчивость эта находит свое оправдание в упорстве, с которым Адальберт продолжал борьбу даже после пленения отца.
28. Cont. Regin., a. 961, H.P.M., XIII, 1120; Flod., a. 962.
29. Köpke, Dümmler. *Op. cit.* . S. 327; Flod., *Ann.* , 962.
30. D.O. I. P. 346, n. 243; Contin. Regin., 962; *Vita S. Willelmi* // M.G.H. *SS.* , IV. P. 656.
31. D.O. I. P. 347–348, nn. 244–245; *Vita S. Brunonis* // M.G.H. *SS.* , IV, 268, с. 41.
32. Liutpr., *H.O.* , cc. 4-17.
33. Cont. Regin., a. 963–964; Raterius. *De contemptu canonum* , I, 8; Köpke, Dümmler. S. 380, n. 1, 381, n. 1 о произведениях, повествующих о дочерях Беренгария, о его смерти и об уходе Виллы в монастырь. О Герберге, жене Адальберта, см. Poupardin. *Bourgogne* . P. 121, о Герберге, жене Алерама, см. Bresslau. *Op. cit.* . S. 389.
34. Cont. Regin., a. 964–966; Liutpr., *H.O.* , с. 18. Об обете Бурхарда см. *Mittheil, der antiquar. Gesellschaft in Zürich* , I, 2. S. 11.
35. Cont. Regin., aa. 964–965.
36. Liutpr. *Legatio* , cc. 4, 6, 29, 30. Связь с графом Гуго (см. *Cont. Regin.* , a. 966) является ярким эпизодом, который не повлиял на течение событий, но стал свидетельством интриганских наклонностей Адальберта. См.: Benzzone d'Alba. *Ad Heinricum* // M.G.H. *SS.* , XI. P. 628, lib. III, 15. Об Оттоне-Вильгельме, Rodulfus Glabrius. *Hist.* , III, с. 2 // Migne. *Patr. Lat.* , D.O., ad nomen. См.: Poupardin. *Bourgogne* . P. 121, 220.
37. Суждение об Адальберте см. Arnulphi. *Gesta episc. mediol.* . с. VIII; Landulfi. *Hist. Mediol.* // M.G.H. *SS.* , VIII. P. 53; Benzzone d'Alba. *Op. cit.* . О путанице с Адельгизом см. *Chron. noval.* , III, с. 22; Donizone. *Vita Mathildis* , v. 305.

VIII. ЛЮДИ И ИНСТИТУТЫ

1. G. Fasoli. *Op. cit.* . P. 216.

2. D.B.I., XXXV.

3. Robolini. *Notizie appartenenti alla storia della sua patria* . Pavia, 1823, II, 173; *D.U.Lo* ., XXXIX, LXXX; Solmi. *Op. cit* . P. 51.

4. См. *Diplomi dei re d'Italia* , indice ad nomen; P. Vaccari. *Profilo storico di Pavia* . Pavia, 1932.

5. Romanin. *Storia doc. di Venezia* , I, 367; *Fontes Rer. austr.* , XII, 10, n. 11.

6. См. *Diplomi dei re d'Italia* , indice ad nomen.

7. См. Morossi. *Op. cit. passim* .

8. *D.U* ., XI, 12 февраля 938 г.

9. Const. Porph. *De administr. imp.* , с. 26. Ed. Migne // *Patr. Gr.* , CXII, col. 1226: к сожалению, Константин не упомянул имена шести епископов и семи графов, которых византийские дипломаты считали столь влиятельными.

10. *D.U.L* ., XI; *Mirac. S. Columb. Op. cit.*, cc. XX–XXI; *D.U.Lo* ., LXXXI.

11. C. Mengozzi. *La citta'italiana nel M.E* . Firenze, 1926. P. 257. Об участии графа и епископа в городском собрании см. документ конца IX в., опубликованный в *Antichita' longobardo-milanesi* , I, 242.

12. Liutpr., V, 27; Amulphi. *Gesta Epist. mediol.* , с. 3.

13. *D.G* ., XI; B. I. s. I., n. 36. P. 40.

14. *D.B.I* ., XII, XLVII, LII, CXII.

15. См.: P. Darmstaedter. *Das Reichsgut in des Lombardei und Piemont* . Strassburg, 1896; F. Schneider. *Die Reichsverwaltung in Toscana* . Roma, 1914; F. Schrod. *Reichsstrassen und Reichsverwaltung in Konigsreich Italiens* . Stuttgart, 1931.

16. Например, Odilonis. *Epitaph. Adel* . P. 638: «...Гуго, богатейший король италиков...» («...*Hugonis ditissimi regis Italici...* »). Vaissette. *Histoire generale du Languedoc* , V, doc., XCII: см. Manteyer. *Op. cit* . P. 154, n. 3: его виллы находились в графствах Фрежюс, Рие, Га, Везон, Апт, Оранж, Труа Шато, Дье. Свидетельства о личном имуществе Гуго предоставляют *D.U.Lo* ., nn. XXXVII, LVI, LXIV, LXXIII, LXXVIII, LXXXII; D. L., III, VIII, XIV. Об имуществе, унаследованном от Берты Тосканской, см. *D.U.Lo* ., XXXI, XXXII, XXXIII, XLI, XLIX. См. Schiaparelli, B.I.S.I. 34. P. 181. Эпизод о дорогом поясе Бозона, который безуспешно пыталась спрятать его жена, говорит о том, что Гуго прибрал к рукам имущество брата (Liutpr., IV, 12).

17. *D.U.Lo* ., LXI, D. L., V, Solmi, *L'amministratz* ., cit., § 20 e App. II.

18. *D.U.Lo* ., VI, XV, LIII, XLIV, LXIII.

19. *D.B.I* ., XIII.

20. Liutpr., VI, 22–24.

21. Н.Р.М., XIII, 340; Drei. *Carte Parmensi* . Op. cit. doc. IX; *Gesta Berengarii* , IV, 193; Liutpr., II, 57. Врачом был Иоанн Аццо, настоятель монастыря св. Кристины Олонской, *D.B.* , XXIII.

22. *D.U.Lo.* , XXXIV; Cart. S. André-le-Bas, cit.; Liutpr. IV, 1.

23. Solmi. *L'amministrazione* . Op. cit. P. 43.

24. Ughelli, *Italia Sacra* , V, 493.

25. Liutpr., III, 19, Köpke, Dümmler. Op. cit. S. 203; Liutpr., V, 32.

26. См. песнь о пленении Людовика II в: Dumtril. *Poesies populaires du M. A.* . P. 264; оду Оттону в Hagen. *Minnesinger* , IV, 888–890, и уже упоминавшуюся оду Эдду.

27. Liutpr., II, 60, III, 45, V, 6.

28. *Gesta Berengarii* , I, 259.

29. См. *Diplomi dei re d'Italia* , indice ad nomen.

30. См. *Diplomi dei re d'Italia* , indice ad nomen.

31. Schiaparelli, B.I.S.I., 34, 58.

32. Ratherii, *Praeloquia* , lib. III, IV, *passim* .

33. Здесь я ссылаюсь на уже обсуждавшееся мнение Пастине А. Сольми (Pastine A. Solmi. *L'amministratz* . Op. cit. P. 36), который утверждает, что на всем протяжении X века продолжалось противоборство двух группировок: консерваторов, магнатов королевства, и представителей нового класса общества — горожан. Первая одержала победу при Беренгари, вторая была недостаточно сильна, чтобы удержать власть. Она не только не была сильна настолько, чтобы удержать власть, но не могла даже попытаться завладеть ею. С 888 по 962 год горожане участвовали в политической жизни, но только в решении вопросов муниципального охвата. За власть в королевстве боролись магнаты, и только они.

Комментарии

1 Людовик Благочестивый — сын Карла Великого, франкский император в 814–840 гг. С 829 г. столкнулся с восстанием аристократии, недовольной его политикой. (*Примеч. ред.*)

2 Пипин — второй сын Карла Великого, король Италии в 781–810 гг. (*Примеч. ред.*)

3 Людовик II — правнук Карла Великого, король Италии с 840 г. Ум. в 875 г. (*Примеч. ред.*)

4 Речь идет о войнах византийского императора Юстиниана I, войска которого в 536–552 гг. отвоевывали Италию у остготов, основавших там свое королевство в 493 г.

(Примеч. ред .)

5 Карломан (после 830–880), сын германского короля Людовика, король Баварии с 876 г., сражался со своим дядей Карлом Лысым, королем Франции, за власть над королевством в Италии (876–877 гг.). *(Примеч. ред .)*

6 В капитулярии 817 г. Людовик разделил каролингскую империю на три части; но императорскую корону он оставил своему старшему сыну Лотарю, которому и должны были во многом подчиняться остальные сыновья Людовика, Пипин и Людовик. *(Примеч. ред .)*

7 Бозон, знатный франкский сеньор, в 879 г. был избран аристократией Прованса королем. Ум. в 887 г.

8 Речь идет о графе Фландрии Балдуине II, внуке короля Карла II Лысого, который воспользовался смутами 888–898 гг. в правление Эда I, чтобы сколотить себе на севере Франции независимое графство. *(Примеч. ред .)*

9 См. с. 24–25. *(Примеч. ред .)*

10 Людовик Дитя — король Германии в 899–911 гг. *(Примеч. ред .)*

11 Карл Простоватый — король Франции в 898–922 гг. *(Примеч. ред .)*

12 Конрад, герцог Франконии, — опекун Людовика Дитяти. После смерти Людовика был избран королем Германии (911–919). *(Примеч. ред .)*

13 Schola — в Риме корпорация чужеземцев или ремесленников, живших в отдельном квартале. *(Примеч. ред .)*

14 Рудольф II — король Бургундии в 911–937 гг. *(Примеч. ред .)*

15 Должностное лицо в Итальянском королевстве. *(Примеч. ред .)*

16 Беренгарий был сыном Адальберта Иврейского и Гизлы, то есть приходился Беренгарию I внуком по материнской линии. *(Примеч. ред .)*

17 Роман Лакапин — византийский император в 920–944 гг. *(Примеч. ред .)*

18 Мане — земельный надел. *(Примеч. ред .)*

19 Юнгер — равен примерно 0,25 га. *(Примеч. ред .)*

20 Автор вспоминает басню Жана де Лафонтена (1621–1695) «Молочница и горшок молока». В этой басне рассказывается о девушке, несшей молоко в город на продажу. Размечтавшись о том, что она приобретет, выручив деньги, молочница уронила горшок и разбила его. *(Примеч. ред .)*

21 Людовик IV Заморский — король Франции в 936–954 гг. *(Примеч. ред .)*

22 Служащий канцелярии, ответственный за переписку короля. *(Примеч. ред .)*

23 Адальгиз — сын последнего лангобардского короля Дезидерия (756–774). После

того как Карл Великий захватил Италию, Адальгиз заключил союз с византийцами и пытался отвоевать земли и корону своего отца. (*Примеч. ред .*)

24

Age, age, iam Alberte ultra Decium superbe,
disce miser et miselle, quid fuistis aut quid es.
Adest Otto rex, nostrorum regens sceptrum populorum
.....
Te, Alberte, decet nemus, et Ottonem manet decus.

25 Защитник (advocatus) — светское лицо, представлявшее интересы монастыря или церкви в миру. (*Примеч. ред .*)

26 Mundiburdīs — право опеки и собственности. (*Примеч. ред .*)

Италия в X веке